
ОГОНЁК
№ 52 ДЕКАБРЬ 1969
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

ОГОНЁК

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

№ 52 (2217)

Основан 1 апреля 1923 года

27 ДЕКАБРЯ 1969

ГОД НОВОГО ДОМА

Репортаж ведут
А. Бочинин,
Н. Верина,
Ю. Кривоносов

На самой обычной московской улице стоит вполне обычный дом. Девятиэтажный, о шести подъездах. Самый что ни на есть типовой и типичный. Таких в столице тысячи. Мы выбрали именно этот дом, потому что нынче он именинник — ему исполнился год. Прошлый новогодний праздник почти во всех его 184 квартирах справляли вместе с новосельем. На этот раз будет просто Новый год. Так сказать, рядовой праздник. Будет, конечно, веселье, будут, разумеется, тосты и непременно воспоминания — потому что так принято. Интересно, о чем вспомнят жильцы дома № 97 по Бутырской улице? Мы решили узнать об этом. Вот мы входим в первый попавшийся подъезд и сейчас нажмем кнопку звонка у двери первой попавшейся квартиры. И спросим: о каких радостных событиях вы вспомните в новогоднюю ночь?

Продолжая дело Ленина, советский народ упорным трудом умножает общественное богатство, развивает социалистическую демократию, науку и культуру, проявляет неустанную заботу об укреплении оборонного могущества социалистической Родины, строит жизнь, достойную человека.

Из тезисов Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза к 100-летию со дня рождения Владимира Ильича Ленина.

СЕССИЯ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА РСФСР

23 декабря в Москве, в Большом Кремлевском дворце, открылась шестая сессия Верховного Совета РСФСР седьмого созыва. Собравшиеся тепло встретили товарищей Г. И. Воронова, А. П. Кириленко, К. Т. Мазурова, А. Я. Пельше, А. Н. Шелепина, В. В. Гришина, Д. Ф. Устинова, Ф. Д. Кулакова, М. С. Соломенцева, членов президиумов Верховных Советов СССР и Российской Федерации, членов правительства РСФСР.

Сессию открыл Председатель Верховного Совета Российской Федерации депутат М. Д. Миллионщиков.

Утверждается повестка дня сессии:

О Государственном плане развития народного хозяйства РСФСР на 1970 год.

О Государственном бюджете РСФСР на 1970 год и об исполнении Государственного бюджета РСФСР за 1968 год.

Утверждение Указов Президиума Верховного Совета РСФСР.

На снимке: в зале заседаний сессии Верховного Совета РСФСР. Депутаты слушают доклад заместителя Председателя Совета Министров РСФСР, председателя Госплана республики депутата К. М. Герасимова о Государственном плане развития народного хозяйства РСФСР на 1970 год.

Фото А. Гостева.

Республика Куба празднует одиннадцатую годовщину победы Революции. Одиннадцать лет миновало с того января, когда после долгих лет упорной борьбы была свергнута диктатура Батисты и ликующая страна встретила Повстанческую армию во главе с Фиделем Кастро. «Годом освобождения» назвал народ 1959 год. Он положил начало рождению первого социалистического государства в Латинской Америке.

Одиннадцать лет в жизни страны — небольшой срок. Но как много успела свершить свободная Куба! И сегодня, в день праздника, советские люди говорят: «Успехов тебе и счастья, братская Куба!»

Эрнесто Гонсалес БЕРМЕХО,
главный редактор журнала «Куба»

ГЛУБОКИЕ

...1924 год. В тот день, когда советский народ и все человечество в скорбном молчании прощались в Москве с Лениным, на далеком острове Куба произошло небывалое событие: алькальд поселка Регла, расположенного на берегу Гаванского залива, отдавая дань уважения вождю революции, декретом объявил этот день днем траура.

В то время в стране господствовали американские империалисты, а реакционное правительство было послушно им; и тем не менее на призыв алькальда отозвались десятки рабочих и студенческих организаций. Больше тысячи человек собрались на одном из холмов Реглы, чтобы двухминутным молчанием почтить память великого человека эпохи. После торжественной панихиды ее участники посадили оливковое дерево.

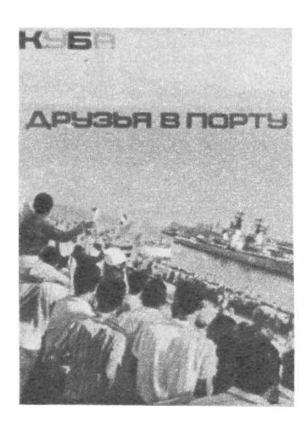
Шло время, дерево росло, все глубже уходя корнями в кубинскую землю, и год от года все выше поднималась его крона. Холм Ленина стал местом собраний рабочих, здесь 1 Мая, в день солидарности трудящихся, проводились демонстрации. Напуганное правительство приказало срубить дерево. Но, погубив дерево, власти оказались не в силах погубить идеи, которые оно символизировало. Эти идеи глубоко укоренились в сознании кубинских революционеров.

Влияние Октябрьской социалистической революции на весь мир и на Кубу было огромным.

Первая попытка марксистско-ленинского анализа исторического развития Кубы была сделана Хулио Антонио Мелья. Рассматривая в свете ленинских идей традиции начавшейся в 1868 году борьбы за независимость родины, он показал широкие перспективы революционного процесса на Кубе. Борьба против диктатуры Херардо Мачадо в начале тридцатых годов, борьба против первого правления Батисты, против правительств буржуазных демагогов, предшествовавших диктатуре Батисты 1952—1959 годов,— все эти выступления в значительной степени были вдохновлены ленинскими идеями.

И в рюкзаках партизан Сьерра-Маэстры рядом с самым необходимым лежали книги Ленина. После победы Революции 1 января 1959 года ленинские идеи нашли самое широкое воплощение в создании нового общественного, экономического и политического строя нашего государства, в структуре органов власти и Коммунистической партии, в непоколебимой интернационалистской позиции Революции. Фидель Кастро в 1953 году после штурма казарм Монкады сказал на суде, что идейным вождем выступления был Хосе Марти. Можно добавить, что Владимир Ильич Ленин также является одним из идейных вождей Кубинской Революции.

Сегодня на Кубе имя Ленина носят фабрики и больницы, школы и комитеты защиты Революции. Носит это имя и детский сад, здание которого горделиво высится на одном из хол-

КОРНИ

мов Реглы, где в памятный день 1924 года было посажено оливковое деревце.

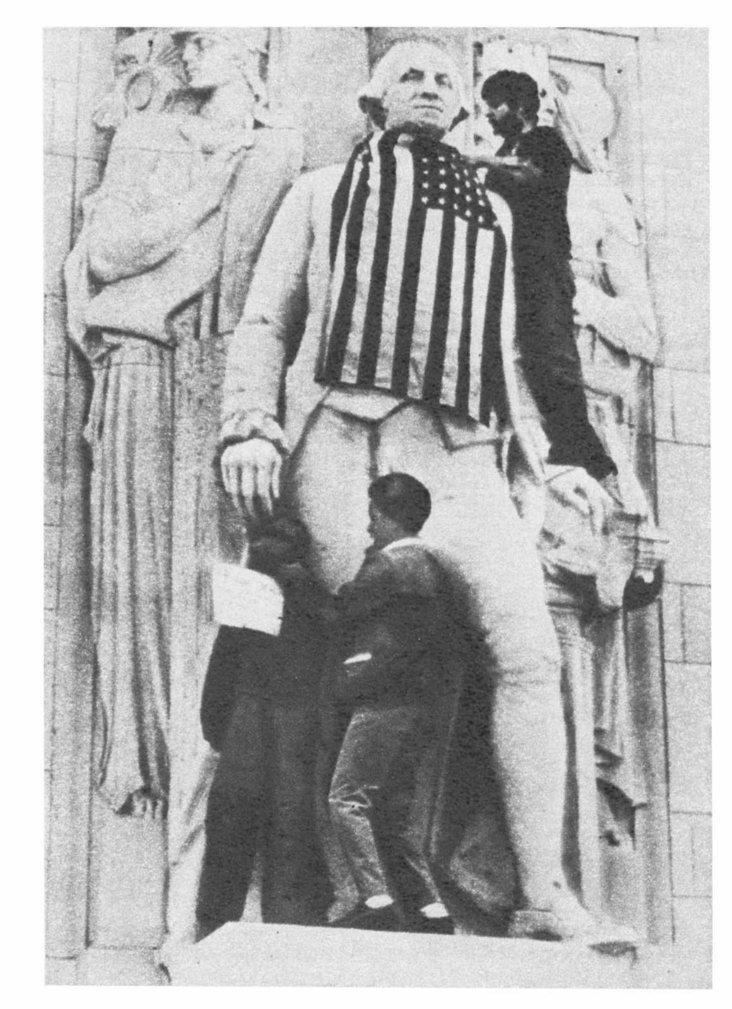
Когда Ленин умер, власть на Кубе находилась в руках реакционеров, они, естественно, всячески пытались извратить учение Ленина, исказить его образ. Реакция пыталась сокрушить Ленина, чтобы сокрушить социализм и коммунизм, чтобы защитить интересы господствующих классов, насмерть перепуганных его влиянием. И только после победы Революции кубинский народ узнал правду о Ленине, правду о его истинном значении. После победы Революции кубинский народ обрел в Ленине вдохновителя своих революционных свершений, гениального вождя и пример истинного коммуниста.

Кубинский народ с волнением и признательностью готовится отметить великую дату— столетие со дня рождения В. И. Ленина. Я недавно вернулся с Кубы. Сейчас там повсюду ведется работа по изучению жизни и деятельности Ильича. Активное участие в подготовке к юбилею принимают газеты, журналы, радио и телевидение. Эта работа приобретет еще больший размах по мере приближения к апрелю 1970 года. Политбюро Коммунистической партии Кубы создало Комиссию по проведению празднования столетия со дня рождения Ленина. Комиссию возглавляет майор Хесус Монтане, участник штурма Монкады, член ЦК КП Кубы, министр связи Революционного правительства. Подготовка к юбилею на Кубе началась в действительности еще в апреле этого года с образования Ассоциации кубино-советской дружбы. В Гаване 7 ноября состоялось торжественное открытие резиденции этой Ассоциации.

Готовятся отметить славный юбилей и кубинские журналисты. Орган коммунистического союза молодежи — газета «Хувентуд ребельде» организовала для своих читателей конкурс на тему «Жизнь В. И. Ленина».

Журнал «Куба» на русском языке готовит к публикации материалы о В. И. Ленине, о растущем влиянии его учения на Кубе. Наш конкурс этого года также посвящен Ленину и будет иметь совершенно особый характер. Путевками на Кубу будут награждены 16 человек, по одному от каждой республики и двое от РСФСР, учитывая численность ее населения.

Когда победители конкурса в июле 1970 года прибудут на Кубу, их встретит ликующая страна. Этот праздник увенчает окончание гигантской сафры. Уже сейчас на острове можно видеть лозунг: «Слово кубинца — они будут!» Они — это 10 миллионов тонн сахара, которые обязались получить кубинцы. Выполнить обязательство — дело чести Революции. Эта победа будет означать растущую экономическую мощь страны, твердой поступью шагающей к социализму и коммунизму, эта победа будет означать и победу идей Ленина. Так революционеры чтут память великого вождя.

Этот фотокадр символичен. Война во Вьетнаме опозорила американский флаг, честью которого дорожил президент Вашингтон.

Фото ЮПИ.

Мэлор СТУРУА

ТРЕТИЙ, РОЖДЕСТВЕНСКИЙ

В канун выхода этого, последнего в 1969 году номера «Огонька» мы получили из Нью-Йорка сообщение о том, как провожала Америка уходящий год.

Внешне он не был таким грандиозным, как октябрьский, или таким драматическим, как ноябрьский. Но шли походом на Вашингтон сотни тысяч демонстрантов. Полиция и национальные гвардейцы не держали круговой обороны Белого дома. И тем не менее третий мораторий, декабрьский, рождественский, прозвучал гневным антивоенным набатом по всей Америке — от океана до океана.

В октябре и ноябре американцы, требующие прекращения агрессии во Вьетнаме, вышли на улицы как бы навстречу мораторию. В декабре мораторий уже вошел в их дома. Было сделано это не случайно. Организаторы движения протеста приняли во внимание фактор времени: с одной стороны — рождественские праздники, во время которых американцы по традиции прячутся в семейную скорлупу, с другой стороны — студенческие экзамены и каникулы. Вот почему было решено перенести центр тяжести с улицы в дома. Американцы были поставлены лицом к лицу со своей совестью. Застряло в горле, как выстрел, слово «Сонгми».

Сила и эффективность декабрьского моратория была в его обыденности. Он показал, что война во Вьетнаме теперь уже властно вошла в жизнь каждого американца. В этом смысле глубока символическая хроника моратория небольшого городка Белойт в штате Висконсин. Его жители, выступающие против войны, пригласили к себе домой на обед или ужин граждан, которые поддерживают агрессию. Разгорелась дискуссия, затянувшаяся далеко за полночь.

То, что происходило в Белойте, происходило и в большой Америке. Белойт был каплей, в которой отражалось брожение умов — созревание одних и прозрение других. Студенты университета Пэрдью в штате Индиана распространили антивоенный памфлет под названием «Захвати мораторий домой на рождество». Да, такие подарки Санта-Клаус не разносит. Они не располагают к безмятежности, а будят совесть.

Трудно назвать хотя бы один значительный город в Соединенных Штатах, который остался бы в стороне от рождественского моратория, не был охвачен им. В Нью-Йорке по этому поводу было создано литературное «Общество этической культуры». Выступивший мэр города Линдсей сказал: «Во имя будущего наших детей, во имя будущего нашей страны мы должны немедленно положить конец этой ужасной войне. Почти 200 лет назад Джон Адамс говорил, что «Америке не следует искать за пределами своей границы чудовища, чтобы уничтожить его. Это чудовище находится в самой Америке». Говоря о резне в Сонгми, Линдсей подчеркнул, что «убийства и раз-

рушения имели место в сотне других деревень и поселков».

За несколько тысяч километров от Нью-Йорка, в калифорнийском городке Оушнсайд, неподалеку от военной базы Кэмп-Пендлтон, собралась многочисленная толпа участников моратория. Среди них было около тысячи военнослужащих. «Раз, два, три, четыре... мы не будем сражаться в фашистской войне!» — скандировали они. С заключительной речью к ним обратилась негритянская коммунистка Анжела Дэвис.

Я взял эти примеры наугад, но поставил их рядом умышленно. От Нью-Йорка до Оушнсайда тысячи километров. Но еще дальше от белого мэра Нью-Йорка Линдсея до черной негритянки-коммунистки Дэвис. Считают, что у первого есть шанс стать в ближайшем будущем обитателем Белого дома. Шанс у второй—стать обитательницей федеральной тюрьмы. Но вот рождественский мораторий свел этих двух людей на антивоенной платформе, и это — еще одно свидетельство широты его охвата.

Рождественский мораторий официально проходил три дня — 12, 13, 14 декабря. В Прескотте, штат Аризона, происходили пожертвования в пользу вьетнамских детей. В Денвере, Сакраменто и Фрэнкфорте состоялись демонстрации перед зданием конгресса штатов, прошли митинги в Детройте и Биллингсе, звучали песни протеста в Вашингтоне. В Атланте и Покателло разбрасывались антивоенные листовки в торговых центрах. Объявили панихиду студенты Алабамского университета, а студенты Гарвардского университета провели голодовку...

Рождественский мораторий продемонстрировал крепнущее единство сил, выступающих против американской агрессии во Вьетнаме. Он продемонстрировал и нечто иное: растущую поляризацию общества. Так называемое «молчаливое большинство», к которому все чаще апеллировала никсоновская администрация, решило показать свои зубы и кулаки. В Нью-Йорке фашиствующие молодчики, возглавляемые частным детективом Уильямом Сэмполом, устроили в первый день моратория контрдемонстрацию. Они двинули колонны автомашин и мотоциклов из Бруклина на Манхэттэн и под конец запрудили его центр на Таймс-сквер. Полиция братался с ними. На машинах развевались американские флаги и лозунги: «Или люби Америку, или катись из нее вон!» Выступая на Таймс-сквер, Сэмпол заявил, что «99 процентов руководителей моратория — коммунисты». Он призывал к войне до победного конца. Схватки с участниками моратория произошли и в других городах, в том числе на военно-морской базе в Кэмп-Пендлтоне.

Сражения между сторонниками и противниками агрессии во Вьетнаме проходили не только на улицах и площадях городов Америки, но и в высших политических сферах. Президент Никсон не случайно приурочил к концу моратория свое телевизионное выступление, в котором он объявил о выводе очередных контингентов вооруженных сил США из Вьетнама. Это было сделано для того, чтобы выбить инициативу из рук моратория. Но маневр не увенчался успехом.

Руководители рождественского моратория решили усилить свою работу по выдвижению в конгресс таких политических деятелей, которые выступают против войны во Вьетнаме. Частичные выборы в сенат и в палату представителей состоятся в будущем году. Руководители моратория хотят приурочить к этому кульминацию антивоенного движения. Рождественский мораторий послужил началом и поиском новых форм антивоенного движения. «Сейчас проходит широкий опрос активистов с целью выяснения, чего хочет народ и в каком направлении он хочет двигаться»,— говорят национальные координаторы моратория, штаб-квартира которого находится в Вашингтоне. Оглядываясь назад, на рождественский мораторий, можно смело сказать: он не только поставил эти вопросы, но и дал ответ на них.

Нью-Йорк, декабрь.
По телефону.

ДОБРОЕ ПРЕДЗНАМЕНОВАНИЕ ГРЯДУЩЕГО

Николай ПАСТУХОВ

Год минувший... Бурный, сложный, противоречивый. Оправдал ли он возлагавшиеся на него надежды?

В мире проходили разные процессы — созидательные и разрушительные. Человечество жило в обстановке исторического противоборства сил прогресса и реакции, социализма и империализма. Созидание неодолимо брало верх над разрушением. В этом заложен неиссякаемый источник оптимизма и надежд на приближающийся Новый год.

1969 год ознаменовал собой важную веху в ответственный момент мирового развития. Заслуга этого, несомненно, принадлежит представителям коммунистических и рабочих партий, историческая встреча которых проходила в Москве. Именно они, опираясь на коллективный разум, дали глубокий марксистско-ленинский анализ социально-политическим явлениям современности. Жизнь сегодня неумолимо подтверждает закономерность выводов Совещания, правильность тактики и стратегии мирового коммунистического и рабочего движения.

Есть и еще один жизнеутверждающий итог прошедшего года — люди доброй воли связывают свои чаяния на мир и прогресс с внутренними и внешними успехами Советского Союза, других стран социализма. На ярких примерах они убедились, что без Советского Союза, без стран социалистического содружества ныне нельзя решить ни одну актуальную проблему. «На деле доказано,— говорится в Документе международного Совещания коммунистических и рабочих партий,— что только социализм способен решать коренные проблемы, стоящие перед человечеством».

Через несколько дней стрелки часов начнут отсчитывать последнее тридцатилетие XX века. И календарь поведет нас в этот период через две знаменательные даты. Торжественно отметит мир 100-летие со дня рождения того, кто стоял у истоков первой в истории человечества социалистической революции. А девятое мая Нового года, день 25-й годовщины победы над фашизмом, напомнит людям о необходимости быть бдительными, едиными в священной борьбе за мир и свободу.

Борьба предстоит нелегкая и упорная. Думая о ней, все здравомыслящие убеждаются в том, что будущее принадлежит обществу, которое принесет людям подлинную свободу, справедливость и братство,— коммунизму.

Силам прогресса в этой борьбе противостоит исторически обреченный старый мир и его социально одряхлевшая цитадель — Соединенные Штаты. Полновластный хозяин этой цитадели, так называемый военно-промышленный комплекс США стал первостепенной отраслью экономической деятельности страны. Каждый пятый житель этой страны сегодня вовлечен в сферу его разрушительной деятельности. Под его контролем находятся миллионы американских солдат, которые выполняют жандармские функции на тысячах военных баз, разбросанных по миру. Это он держит в своих руках финансовые нервы агрессивных войн на вьетнамской и арабских землях. Это он возрождает нацизм в Европе, готовит новые виды оружия массового истребления, организует разгул расизма и полицейских репрессий в собственной стране. Это он нагнетает подрывную идеологическую борьбу против стран социализма, осуществляет преступный геноцид в Южном Вьетнаме.

Минувший год никогда не изгладится из моей памяти. Я видел в начале 1969-го покрытый кратерами смерти Вьетнам, видел его героический братский народ.

Как-то около демилитаризованной зоны нам повстречалась грузовая автомашина, в кузове которой лежал юный вьетнамский солдат. Только что в полевых условиях ему ампутировали ногу. Мы забрались на грузовик и склонились над раненым растерянные и беспомощные. Мы говорили ему, что хотим рассказать советским читателям о его героическом подвиге. Едва шевеля губами, он ответил:

— Они должны узнать не обо мне, а о том, что в Южном Вьетнаме американские агрессоры в упор расстреливают женщин, детей, стариков, уничтожают целые деревни.

Да, тогда еще никто не ведал о Сонгми. А теперь мир знает, что на юге Вьетнама таких Сонгми существуют десятки, где возродились преступления, уже пережитые человечеством четверть века назад.

Пройдет много лет, пока Америке удастся смыть позор грязной войны против вьетнамского народа, позор Сонгми. Вот оказывается какой «американский образ жизни» представители военно-промышленного комплекса США пытаются навязать другим народам через свою пропаганду и вооруженные интервенции.

Все это уже было. История знала немало подобных примеров, и хорошо известно, какой она вынесла суровый приговор тем, кто посягал на право человека жить в условиях мира и независимости, на своей родной земле.

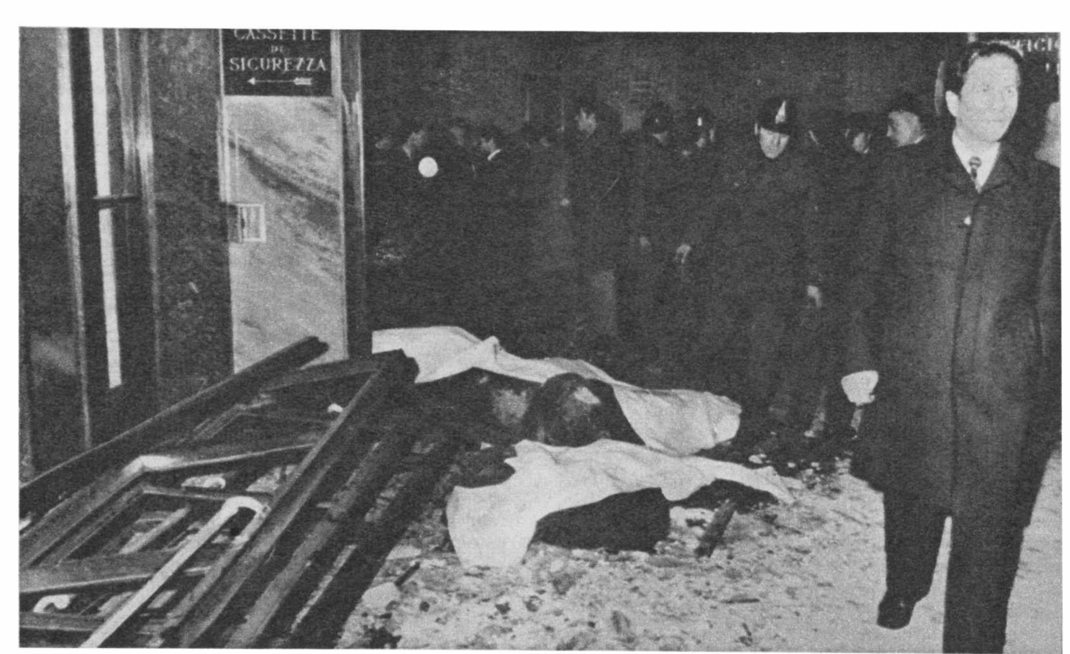
Уходит в прошлое 1969 год на суд справедливой и беспристрастной истории. Она скажет свое веское слово о черных делах империализма и овеет новой славой свершения мира социализма и прогресса. В этих свершениях — доброе предзнаменование грядущего.

Австрия, 1965 год. Эбензее. Жертвы «коричневого террора».

ПО СЛЕДАМ ПОСЛЕДНИХ СОБЫТИЙ

Фото ЮПИ и газеты «Арбайтер цайтунг».

Италия, 1969 год. Милан. Снова кровь...

КТО ДИРИЖИРУЕТ „КОРИЧНЕВЫМ ТЕРРОРОМ"?

Телеграфные агентства и радио разнесли по всему миру сообщение о взрыве бомбы вечером 12 декабря в миланском сельскохозяйственном банке (позже выяснилось, что убито 14 и ранено свыше 100 человек). Я просматриваю свои записные книжки последних лет, где собраны многочисленные факты, заявления официальных властей и полиции, касавшиеся подпольной террористической деятельности неонацистских групп на территории северной Италии, в альпийских районах Австрии, а также одного замаскированного штаба международной подпольной неофашистской террористической организации в Мюнхене.

В дни моей работы корреспондентом «Правды» в Австрии и Швейцарии мне довелось воочию убедиться, к каким разрушительным и кровавым последствиям ведут вылазки наемных бандитов махровой реакции.

Не будем опережать результаты и выводы следствия по делу преступников, совершивших террористический акт в Милане, которое сейчас ведется итальянской полицией.

К 16 декабря, телеграфировало из Рима агентство Рейтер, полиция допросила 244 человека, из которых 55 были взяты под стражу. Полиция произвела обыск в 367 частных квартирах и в «резиденциях 81 потенциально опасной политической группы».

В ходе обысков, утверждает Рейтер, полиция также «раскрыла несколько крупных тайников оружия...».

Осведомленные итальянские газеты, прогрессивно мыслящие журналисты и политические наблюдатели в эти тревожные для Италии дни бросают обвинения в адрес крупной финансово-промышленной олигархии, реакционных закулисных кланов, латифундистов, объединенных общей ненавистью к пролетариату, спаянных единоверием и поклонением перед фашиствующим мракобесием.

В связи со взрывом в Милане в Италии называют еще один адрес, который, пожалуй, самым кратчайшим путем выводит к одному из главных центров подпольного «коричневого террора». Речь идет о неонацистских и реваншистских организациях, окопавшихся на территории Западной Германии, которые оттуда, через государственные кордоны ряда европейских стран альпийского района, протянули щупальца к Италии.

Осенью 1965 года я пересек австро-западногерманскую границу и направился в сторону Мюнхена.

...Проскочив под аркой «Ворот кайзера Карла», наша машина миновала дом № 34. Лишь немногим жителям баварской столицы было известно, что скрывалось за дверью на втором этаже этого мюнхенского дома, на которой блестела начищенной медью табличка: «Общество культурной деятельности в Южном Тироле».

Здесь, в доме № 34 по Нейхаузштрассе, в то время обосновался замаскированный штаб подпольной неофашистской террористической организации. Этот штаб работал в тесном контакте с западногерманскими, пангерманскими и неонацистскими легальными и полулегальными организациями и «землячествами», подобными «Витико бунду», «Судетен — дейче ландсманншафт» и другим.

В этот штаб сходились нити от многих террористических групп, засланных из ФРГ на территорию соседней Австрии, а оттуда — в северную Италию.

Разумеется, подрывная деятельность этой неонацистской организации была бы невозможна, если бы за ее спиной не стояли видные покровители. Частыми и желанными гостями в «Обществе культурной деятельности в Южном Тироле», то есть в доме № 34, бывали Рудольф Конрад, в прошлом гитлеровский генерал, экс-министр Земли Бавария Вальтер Штайн, активный член «Землячества Судетских немцев» и финансовый покровитель штаба террористов бывший штурмбанфюрер СС Вальтер Хергль и многие другие деятели баварского Христианско-социального союза, этой партийной вотчины герра Штрауса.

Подвизался в мюнхенской «малине» неофашистских террористов и небезызвестный доцент Инсбрукского университета Бургер, получивший прозвище «вожака пещерных бомбометчиков». Из подонков «западной цивилизации» вербовал мюнхенский штаб банды террористов. В одной компании с «интеллектуальными неофашистами» орудовали бывшие подручные гестапо, каратели, набившие себе руку на казнях, поджогах и пытках во времена гитлеровского «нового порядка».

Почему, однако, спросит читатель, мюнхенский штаб неонацистов нацеливал свои террористические банды, в частности, на районы северной Италии, организуя многочисленные диверсионные акты в Южном Тироле,— здесь совершались нападения на итальянские пограничные заставы и таможни, поджигались общественные здания, закладывалась взрывчатка и адские машины в пассажирские трансальпийские поезда. Террористы бросали бомбы в помещения демократических организаций, взрывали памятники партизанам, оскверняли могилы жертв фашизма, забрасывали сюда контрабандой оружие, реваншистскую и неонацистскую литературу.

«В Южном Тироле мы чувствуем себя так, как будто бы нас перенесли в Судеты 1938 года»,— сказал однажды в порыве откровенности бывший баварский министр Вальтер Штайн. А ведь хорошо известно, что в 1938 году, подготавливая захват Чехословакии, нацистская Германия использовала судетских немцев и их фашистскую партию в качестве «пятой колонны».

Вот такой «пятой колонной» местной реакции и международных сил империализма и выступают засылаемые из ФРГ в Италию террористы, блокирующиеся в своих действиях с итальянскими чернорубашечниками, мафистами, анархистами и прочими наемными убийцами.

Земля Южного Тироля — итальянская территория. Помню одну из своих последних поездок.

...Мы едем на север, к итало-австрийской границе. По обе стороны шоссе высятся конструкции стальных мачт высоковольтных электропередач. Такие мачты и подрывают то ночью, то под утро неонацистские террористы, засылаемые из ФРГ. Знакомое еще со времен войны ощущение опасности, притаившейся за скалистыми пиками, за прямыми стволами сосен, не покидает тебя здесь. Там, в труднодоступных горных местах, время от времени карабинеры находят тайные склады оружия, взрывчатку, неофашистскую литературу...

У заснеженных вершин Альп проникшие сюда тайком «пещерные бомбометчики» разбивают замаскированные лагеря, таятся, выжидая удобный момент для броска к полотну железной дороги, к шоссейным магистралям.

Я заметил у выходов из тоннелей бетонированные точки. Подступы к дотам, на которых развеваются итальянские флаги, увиты спиралями колючей проволоки. На наблюдательных башнях — мощные прожекторные установки, рядом — итальянские часовые с автоматами.

Невольно приходит на ум вопрос: неужели масштабы деятельности неофашистского террористического подполья принимают столь угрожающий характер, что заставляют итальянские власти постоянно держать свои гарнизоны в Южном Тироле в состоянии боевой готовности?

Но даже тогда я не мог предположить, что действия террористов приведут к совершению преступных актов такого характера и с такими тягчайшими последствиями, которые потрясли всю общественность Италии после взрыва в Милане... Зловещий список ныне пополнился новыми преступлениями. На земле Италии появились новые могильные кресты жертв неофашистского террора.

Виталий МЕНЬШИКОВ

„ЛУЧШАЯ СЛАВА РУССКОГО"

К 100-ЛЕТИЮ ВЫХОДА РОМАНА Л. Н. ТОЛСТОГО «ВОЙНА И МИР»

М. ЛОБАНОВ

Поразительно в «Войне и мире» не только богатство жизненных форм, оттенков бытия, разнообразие характеров, но и то внутреннее единство, та органичная цельность художественного мира, которая порождается всепроникающим влиянием «мысли народной», по словам самого Л. Толстого. Отечественная война 1812 года выдвинула русский народ в качестве не только военного победителя Наполеона. Россия приобретает мировое значение. Запад глубже хочет понять своего северного соседа.

Характерно, что Гегель, когда-то недоверчиво относившийся к России, резко меняет отношение к ней. В письме к одному из русских слушателей своих лекций он говорит: «Вы счастливы, что имеете отечество, занимающее такое значительное пространство в области мировой истории и имеющее вне сомнения еще большее значение... Россия же, возможно, уже самое могущественное государство среди остальных, несет в своих недрах огромные возможности развития своей интенсивной природы». Но, разумеется, особенно плодотворные последствия имел двенадцатый год для русского национального самосознания. Сама история давала наглядный материал для раздумья. Прежде всего это, казалось бы, сама «загадочность» самоотвержения русского народа, который, по словам Герцена, поднялся «единой громадой в 1812 году, отвергнув освобождение от крепостного права, предложенное ему на остриях чужеземных штыков, и отправляясь в то же время умирать, чтобы спасти отечество, не давшее ему ничего, кроме рабства...» Буонапарте, как тогда называли Наполеона, вошел во вкус величественности, принимая, как привычное, депутации покоренных столиц Запада. Но в России как-то нелепы гарцующие виктории. В «Войне и мире» Наполеон, стоя на Поклонной горе, так и не дождавшись депутации от жителей Москвы (в которую он после Бородина входит), «своим актерским чутьем чувствует», что «величественная минута, продолжаясь слишком долго, начинает терять свою величественность». В этом «слишком долго», гасящем всякую импульсивность, в этом глубоком молчании российских пространств, поглощающих браваду и все шумное, таится какое однодумье? Что же в «ядре» этой силы, противостоящей нашествию? Это само историческое бытие русского народа со своеобразием сложившихся моральных ценностей противостоит механизму не только грубого насилия, но и самой «цивилизации», которую нес с собою Наполеон, покоритель Запада и его «знаменосец» (известно, что национальный состав наполеоновской армии был «всеевропейский»: немцы, итальянцы, французы, испанцы и т. д.).

В романе Л. Толстого Россия — и в своих конкретных исторических приметах, своих политических язвах. Одна из этих язв — засилье в государстве чужеземцев, принятых на русскую службу, но совершенно чуждых России. Андрей Болконский говорит об Адаме Чарторижском, наделенном «изворотливостью» и «злобой», ставшем министром иностранных дел России: «вот эти-то люди решают судьбы народов». Князь Багратион почти умоляет: «Ради бога, пошлите меня куда-нибудь хотя полком командовать, а здесь быть не могу; и вся главная квартира немцами наполнена, так что русскому жить невозможно». Здесь и «этажи» тогдашнего общественного сознания, от основательных политических интересов друга Кутузова — старого князя Болконского, болеющего за Россию, до сплетен в салоне фрейлины Анны Павловны Шерер, посетители которого в большинстве своем «не только говорили, но и думали» на французском языке. Этот изысканный «этаж» освещался, конечно же, не менее изысканным вольтерьянством, унаследованным от «екатерининского» века. Деликатность по отношению к тем, кто стал именоваться «неприятелем», не утрачивает своего лакейского достоинства (черта, достаточно въевшаяся в «образованное» сознание, так что впоследствии один русский литератор не очень-то и удивлялся, рассказывая, как в Париже на русскую свадьбу русского посла был приглашен «как почетное исключение» убийца Пушкина Дантес).

Иван Бунин в «Освобождении Толстого» останавливается на такой догадке: «Надо быть особью, прошедшей в цепи своих предков долгий путь многих, многих существований и вдруг явившей в себе особенно полный образ своего дикого пращура со всей свежестью его ощущений, со всей образностью его мышления и с его огромной подсознательностью, а вместе с тем особью, безмерно обогащенной за свой долгий путь и уже с огромной сознательностью».

Такой «особью», прошедшей в цепи своих предков «долгий путь» многих исторических существований, и созидается «Война и мир». Мощной корневой системой — духовной и языковой — сплетена она с прошлым, самой древностью. Та, по словам Л. Толстого, «неуловимая сила, называемая духом войска», веющая над творением писателя, не вбирает ли в себя призыва из «Повести временных лет»: «да не посрамимъ землѣ Рускиѣ, но ляжемъ костьми, мертвыи бо срама не имамъ». Не слышится ли здесь такое знакомое из «Слова о полку Игореве»: «О Руская земле! Уже за шеломянемъ еси!» Из «Задонщины» — о битве на Куликовом поле? Из «Сказания Авраамия Палицына» — о героической обороне Троице-Сергиева монастыря от польско-литовских интервентов (1608—1610 гг.)? Вот одна история из этого «Сказания»: «В той же день иде в церковь святыа Троица клирик Корнилей, и внезапу прилете ядро пушечное и оторва ему правую ногу по колено, и внесоша его в паперть. И по божественей литоргии причастися животворящих таин христовых и глаголаше архимариту: «Се, отче, господь бог архистратигом своим Михаилом отомстит кровь православных християн». И сиа рек, старец Корнилей преставися». Эта величавая простота смерти больше всего поражала в русских людях Толстого, и сколько какой-то извечной мудрости в его солдатах, надевающих на себя перед Бородинским сражением белые рубахи.

Мы видим, как не ветшает слово, замешанное на духе народном, на его историческом испытании. Это — вечное для нас и родное, всегда современное, ибо мы и наши предки связаны «въ едино сердце», как говорит древнерусский летописец. Напрасно спешат иные похоронить самые корни языка: жалкое занятие. Недавно один критик так возмутился печатно оттого, что встретил в статье о литературе, посвященной Великой Отечественной войне, такие слова, как «супостат», «свет победы, воссиявший», «пращур», «крещен в огневой купели войны» и т. д. Не бесполезное ли возмущение? Подозреваем, что вечно сладостно будет звучание этих и им подобных слов для русского слуха.

Л. Толстой говорил, что древнерусская литература обладает сокровищами, которых «не имеет ни один народ». И связь великого художника с этими сокровищами была прежде всего в каких-то заветнейших моральных основаниях. В «Войне и мире» есть слова, которые могут быть названы одним из сокровеннейших раздумий писателя: «нет величия там, где нет простоты, добра и правды». В знаменитом «Житии Александра Невского» Александр говорит своей дружине: «Не в силе бог, а в правде». Кажется, что ровный, уверенный свет этой истины становится стабилизирующей силой в атмосфере романа, насыщенной мировыми и индивидуальными антиномиями.

О художническом прозрении Л. Толстого можно сказать словами его современника, который, споря с толстовским неверием в некоторые тайны бытия, ссылался как на доказательство наличия такой тайны — на художественное творчество самого Толстого. В самом деле, как постигнуть загадку рождения душевного состояния Кутузова, который перед Аустерлицким сражением (зная наперед, что оно будет проиграно) должен начать гибельное дело.

«— Ведь мы не на Царицыном Лугу, Михаил Ларионович, где не начинают парада, пока не придут все полки,— сказал государь...

— Потому и не начинаю, государь,— сказал звучным голосом Кутузов, как бы предупреждая возможность не быть расслышанным, и в лице его еще раз что-то дрогнуло.— Потому и не начинаю, государь, что мы не на параде, и не на Царицыном Лугу,— выговорил он ясно и отчетливо...

Государь пристально и внимательно посмотрел в глаза Кутузову, ожидая, не скажет ли он еще чего. Но Кутузов с своей стороны, почтительно нагнув голову, тоже, казалось, ожидал. Молчание продолжалось около минуты.

— Впрочем, если прикажете, ваше величество,— сказал Кутузов, поднимая голову и снова изменяя тон на прежний тон тупого, нерассуждающего, но повинующегося генерала».

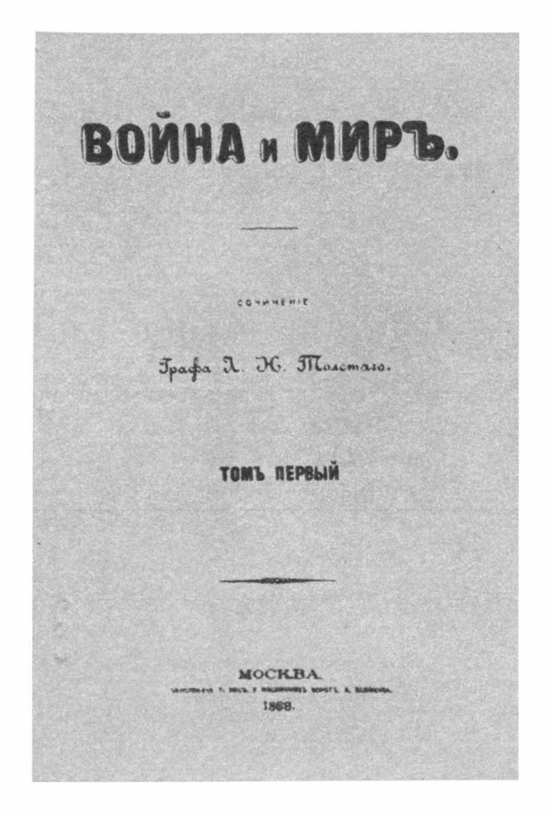
Сколько трагического смысла в этом «тоне тупого, нерассуждающего» генерала, понимающего весь ужас предстоящего сражения, не могущего предотвратить неминуемую катастрофу и подавляющего в себе на мгновение маской «тупости» страдание, которое оттого действует на нас еще заразительнее. Одним этим «тоном тупого» затронуть столько сложного в душе человека... Разве это не тайна, что, прочитав «Войну и мир», мы уже не представляем себе истории Отечественной войны 1812 года не только без толстовского Кутузова, но и без Андрея Болконского, Пьера Безухова?

В неразложимой сложности у Толстого русская жизнь пред опасностью разрушительных для России сил. И сколько здесь нравственно-эстетического средоточия — в самой многослойности быта. Толстой так широк и порою так «не похож» на себя, обычно «скептичного» и «разоблачительного» в быте. Читаем о приезде Ростовых в Москву, когда они останавливаются в Старой Конюшенной у Марьи Дмитриевны Ахросимовой,—и веет таким знакомым от этого прямодушного гостеприимства, от облика суровой и заботливой хозяйки, привыкшей держаться и говорить всем прямо, так похожей в старинном «корне» своем на аксаковского Багрова, на лесковскую бабушку Варвару Никаноровну («Захудалый род»). И самые московские «мелочи» так согреты толстовским участием.

Капитан Тушин потерял руку под Шенграбеном, за четыре года до Бородина, но почему-то, думая о Тушине, думаешь и о Бородине. В романе как бы разлито ощущение участия каждого русского человека в этом решающем сражении — настолько собирательной становится толстовская мысль о Бородине, этом «величественном событии, которое навсегда останется лучшей славой русского народа».

По словам Л. Толстого, «победа нравствен-

НАРОДА"

ВОЙНА и МИРЪ.

сочинение

Графа Л. Н. Толстого.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ

МОСКВА.

1868.

ная, та, которая убеждает противника в нравственном превосходстве своего врага и в своем бессилии, была одержана русскими под Бородиным...».

В «Войне и мире» и раскрывается это нравственное величие русского народа. Никакие теории, никакие умозаключения не могут навязать народу того, что чуждо его духу, тому «чувству, которое лежит в нас и лежало в наших отцах». Для горячечного суждения это чувство может быть не чем иным, как сентиментальным вздором, но оно — вечная проблема для тех, кто серьезно смотрит на дело (кстати, своим мнением о том, что все пережитое человеком становится уже историей, Л. Толстой был близок к утверждению известного русского историка о том, что переживания, «чувства» народа — это реальная историческая сила). Наступает для народа осознание своего исторического часа, своего призвания — и слетают «ветхой чешуей» все искусственные наслоения. До этих «вольтерьянцев», очаровывавших еще недавно светские салоны, кому теперь было дело — не Болконскому же и не его солдату Тимохину... Сила Кутузова в том «народном чувстве, которое он носил в себе во всей чистоте и силе его». Сам трепетно любя Отечество, он не выносит напыщенных тирад о России (пресекая насмешливо Бенигсена, с фальшивым пафосом говорящего о «священной древней столице России»). Андрей Болконский говорит о назначении Кутузова: «Пока Россия была здорова, ей мог служить чужой... но как только она в опасности, нужен свой, родной человек».

И русские солдаты это понимают, а больше всего видят в нем ту роднящую их простоту, которую сам Л. Толстой считает признаком истинной величественности Кутузова и которая вообще представляется ему залогом высшего типа развития личности, с ее нравственным самоуглублением. Еще в «Севастопольских рассказах» писатель заметил, что «человек, не чувствующий в себе силы внутренним достоинством внушить уважение, инстинктивно боится сближения с подчиненными и старается внешними выражениями важности отдалить от себя критику». Такая самозакрытая внешняя надменность, не знающая живительных внутренних связей с миром, иссушает не только лично (это бы еще ничего!), но и опустошительной важностью своей, «руководящей» осанкой (за которой ничего нет) посильно омертвляет все духовно живое.

Интересно, что именно с Кутузовым связываются в романе Л. Толстого слова «война и мир» (Кутузов говорит: «Да, немало упрекали меня и за войну и за мир... а все пришло вовремя»). Само величие русского полководца настолько самобытно, что дает основание Толстому заключить: «Простая, скромная и потому истинно величественная фигура эта не могла улечься в ту лживую форму европейского героя, мнимо управляющего людьми, которую придумала история».

То, что в Кутузове стало уже духовным, зрелым плодом, для других лучших русских людей еще искомое. Наиболее проникновенный из них в своих моральных исканиях — Пьер Безухов (имя Пьер столь же «безразлично» для его русской натуры, как чтение Кутузовым в минуты отдыха легкого французского романа). Пьера точит пустота светского, вообще земного — без цели — существования. Истина для него не та отвлеченная книжная истина, которая становится для иных «теоретиков» прикрытием от сложности жизни или лозунгом, позволяющим им удобно, бездумно жить и даже процветать. Нет, это та жаждущая, требующая насыщения истина, без которой невозможно жить. Это был удел русских интеллигентов, самих русских писателей, заставлявший их мучиться угрызениями совести от одного того, что слово расходилось с делом (терзавший и Толстого, кончившего жизнь уходом из Ясной Поляны). В Пьере Безухове сплетаются эти жизненные противоречия до безысходного, казалось бы, кризиса, пока не находит он внутренней опоры в тех, кого называет «**они**». «**Они** в понятии Пьера были солдаты... **они** просты. **Они** не говорят, но делают. Сказанное слово серебряное, а несказанное — золотое». Один из этих солдат стал для Пьера «олицетворением всего русского». Жизнь этих простых людей (которых Пьер называет «они») дала русским философам богатый материал для того вывода, который в отличие от рационалистической рассудочности утверждает целесообразность человеческого бытия в цельности его духа и поведения.

В Пьере Безухове на головокружительной высоте обнажается то, что Л. Толстой называет «неопределенным, исключительно русским чувством презрения ко всему условному, искусственному, человеческому, ко всему тому, что считается большинством людей высшим благом мира». Нет ли здесь чего-то родственного Несторову Феодосию, добивавшемуся, чтобы его собственная жизнь не противоречила его идеалу о ней; Кузьме Минину, жертвующему всем ради Отечества... Москва в руках французов, можно ее и сжечь, но несравненно труднее подавить то, что составляет духовную особенность русских людей. Это по-своему, видимо, понимает и тот французский капитан, с которым Пьера свел случай. При всей своей «оживленной непроницаемости... ко всему тому, что не было он сам» — этот француз никак не возьмет в толк, как это его московский знакомый хочет оставаться русским, когда он, французский капитан, производит его, за оказанную услугу, во французы? И как этот русский барин, имеющий два дворца в Москве, — «бросил все...» И уж совсем бы озадачило француза, узнай он о том, что этот русский аристократ «лучшим обществом» для себя выбрал не светских сановников и красавиц, а самого настоящего мужика, глухого к блестящему остроумию.

Таким образом, иноземное нашествие встречает мощное противодействие не только русской военной силы, но и самого своеобразия русского национального характера. Глубочайший смысл — в неразложимости этого характера, с его складом духа, мышления, чувства. Это та психологическая почва, без которой немыслима внутренняя самостоятельность личности. Нравственные искания таких людей, как Пьер Безухов, Андрей Болконский, — это та духовная сила, то индивидуально-несокрушимое, которое крепким заслоном стоит на пути тех, кто хотел бы упростить, а следовательно, до крайности ослабив, разложить культурные и моральные ценности народа. Высоко развито чувство чести и долга перед Отечеством не позволяет Андрею Болконскому делать в качестве адъютанта Кутузова блестящую карьеру, он берет на себя командование полком, сражающимся на Бородинском поле. И это воинское рыцарство соединяется в нем с напряженнейшей работой духа, мучительным желанием понять смысл жизни и найти себя в ней, с этим предсмертным постижением любви как сострадания, любви, поглощающей в его душе все мелкое, честолюбивое.

Духовному опыту Пьера Безухова и Андрея Болконского глубоко враждебна та нравственная мертвенность, которою отмечена в романе семья князя Курагина, особенно Элен. Можно представить себе, какое чувство брезгливости (и оно передается нам, читателям) испытывал Толстой к этой «светской красавице», способной только на моральное и физическое растление. Как о мелком происшествии, в форме светской сплетни, говорит писатель о смерти этой Элен (неудачно попытавшейся освободиться от будущего ребенка). Настолько мерзка Толстому эта женщина, топчущая в грязь свое святое назначение — быть матерью, созидать семью. И здесь надо особо сказать об отношении Л. Толстого к проблеме семьи. Не слишком ли затянулось обличение Толстого (начиная со школьных парт) за то, что он посмел показать свою Наташу как хорошую жену и мать, дорожащую семьею? Ведь с обличениями всякое может быть... Памятно, например, как в 20-х годах одна из тогдашних наставниц нашей молодежи, требуя «общности» жен и открытия «дороги крылатому Эросу», провозглашала: «Исключительность в любви, как и «всепоглощение» любовью, не могут быть идеалом любви, определяющим отношения между полами с точки зрения пролетарской идеологии. Наоборот, пролетариат, учитывая многогранность и многострунность «крылатого Эроса», не приходит от этого открытия в неописуемый ужас и моральное негодование наподобие лицемерной морали буржуазии».

Конечно же, куда там Наташе, с ее семейной привязанностью, до всей этой «крылатой» многострунности!

Так, внутреннее богатство романа обращено и к нашим насущнейшим общественным и личным заботам. И, погружаясь снова в этот волнующийся мир, в полноту духовно-народных сил, мы вспоминаем и такие по-русски пронизывающие подробности, как пляска Наташи, как смерть пятнадцатилетнего Пети Ростова, слова которого вспоминаются потрясенному случившимся Денисову: «Я привык что-нибудь сладкое. Отличный изюм, берите весь». Сколько таких подробностей в полноте того русского жизненного материала, которым вдохновлялся гений художника!

Любопытно иное «приглядывание» к этому материалу. Недавно, например, в статье И. Золотусского «Материал и мысль» («Литературная газета» от 26 ноября с. г.) было сказано: «Материал мог быть войной 1812 года («Война и мир») или жизнью «канцелярской крысы» («Шинель»), мысль от этого не теряла. Она была равно величественной. Ибо источник ее находился в пишущем, а не в описываемом». Не будем уже замечать многозначительности этой «ассоциации»: война 1812 года и «жизнь «канцелярской крысы».

Мысль «не теряла» от того, что «материалом» стала война 1812 года. Просто ли это «теоретическая» малограмотность? И не стоило бы говорить об этой выходке, если бы не было здесь известной преемственности.

В 20-х годах в печати громко объявляли о «контрреволюционности» «Войны и мира». Сейчас это как будто уже нелепо, но зато «лепо» можно говорить о том, что «материал» Отечественной войны 1812 года ровным счетом ничего не значит для писателя, все равно что «жизнь «канцелярской крысы».

И в будущем возможны такие «приглядыванья» отнюдь не частного порядка. Лев Толстой — сила вечно живая, борющаяся, непримиримая в правде, как и его великий народ.

РЕСПУБЛИКА В ЭТИ ДНИ

КОГДА ТЕБЯ ОКРУЖАЮТ ДРУЗЬЯ

Летом нынешнего года тридцатитысячный хор участников сотого юбилейного Праздника песни объединил людей разных возрастов и профессий. Поющий народ! Наш край иногда называют песенным краем. Это верно: эстонцы любят песню, и наша хоровая культура имеет давние традиции. Но прежде всего эстонцы славятся своим трудолюбием. Став хозяевами земли, трудолюбивые эстонские крестьяне творят ныне поистине чудеса.

В буржуазной Эстонии кулаки с завистью поглядывали на высокопроизводительные фермы скандинавских стран: там, мол, животноводство развито по-настоящему! Ныне нашим животноводам скандинавы уже не могут служить примером. Если, скажем, в Эстонии производство молока на душу населения составляло в 1968 году 790 килограммов, то в Швеции — 421, Финляндии — 783, Норвегии — 448. Мы идем впереди и по производству мяса. В том же году эти цифры выглядели так: 95, 52, 40, 35 килограммов в убойном весе.

И это в той Эстонии, которая еще не так давно была аграрным придатком крупных капиталистических держав, в которой сдержанный, молчаливый хуторянин десятилетиями в одиночку боролся с природой, бесконечно корчуя камни: уберешь их, соорудишь ограду каменную, глядь, а камней опять столько же. Любят эстонцы свою землю и обрабатывают ее с любовью, только теперь уже не в одиночку, а сообща, в колхозах. Попробуйте предложить эстонскому крестьянину вернуться к старой хуторской системе — не найдется желающих.

Неузнаваемо изменилась жизнь моей Эстонии. Теперь она стала высокоразвитой индустриальной республикой, занимающей одно из первых мест в мире по производству электроэнергии на душу населения.

Изменились и сами люди, производящие материальные ценности.

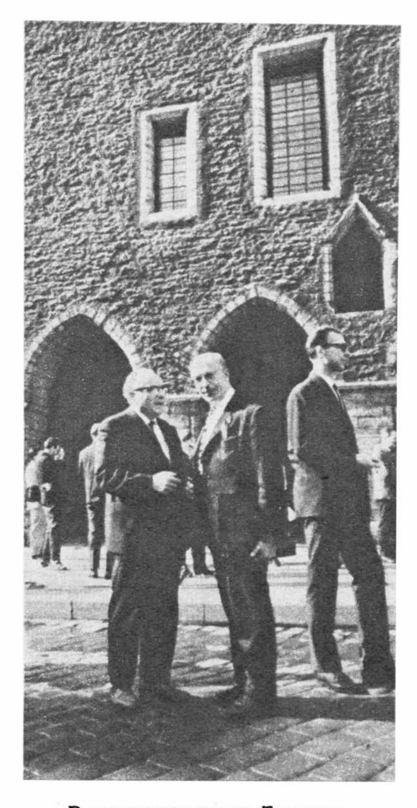
— Помнишь,— говорил мне знакомый журналист, с которым я встретился недавно на Втором республиканском съезде колхозников, когда мы во время перерыва прогуливались в толпе делегатов,— как все выглядело во время Первого съезда? Люди в выцветших гимнастерках со следами недавно снятых погон, в ватниках, в домотканых поддевках. А сейчас собравшихся не отличить от участников годичного собрания Академии наук!

Разумеется, не во внешних переменах дело. Люди эти за невероятно короткий исторический срок прошли настоящую академию жизни, академию социалистического строительства и в городе и в деревне. Они изменились и внешне и внутренне. Выросла сознательность, родилось чувство коллективизма, чувство локтя...

А начались все эти перемены в 1940 году, в том самом году, когда наш народ вступил на путь строительства социализма в братской семье советских народов. Когда же тебя окружают друзья, то исчезает и замкнутость, тебе есть с кем поделиться радостью.

Сегодня наш народ по Ленину сверяет свою жизнь и дела, свои планы и поступки, каждый свой шаг на пути к коммунизму.

Юхан ЮРНА,
редактор газеты «Советская Эстония»

В гостеприимном Таллине.

Фото В. Сальмре.

ВСЕГДА РАДЫ

Около двухсот больших и малых государств разместилось на планете. В пятидесяти из них живут люди, которые бывали гостями Таллина. В Токио кто-то помнит каменные тротуары Вышгорода, в Нью-Йорке — готическую ратушу, в Буэнос-Айресе — 124-метровую церковь Олевисте, ее восьмигранный шпиль, в Сиднее — бронзовую лань скульптора Яана Коорта, что стоит в сквере по улице Ваксали... Все больше иностранных гостей посещает Эстонскую ССР.

— За десять лет отделение общества «Интурист» в Таллине предоставило возможность ста тысячам иностранных граждан познакомиться с жизнью Эстонской ССР,— рассказывает управляющий Таллинским отделением «Интуриста» Олаф Сээт.— Нынче наше отделение приняло около двадцати семи тысяч гостей. А в первый год работы — только 400.

— Из каких стран чаще всего приезжают в Таллин?

— Наибольшее число зарубежных гостей — из Финляндии. Затем гости из ГДР, Польской Народной Республики, Венгерской Народной Республики, Швеции, США. В этом году мы впервые принимали у себя туристов из Монгольской Народной Республики, Сирии, Ливана.

А. ПЛЕТНЕВА,
сотрудник газеты «Советская Эстония»

АРОМАТИКА БЕЗ ПАРФЮМЕРИИ

Сланцеперерабатывающий комбинат имени В. И. Ленина в Кохтла-Ярве напоминает огромное могучее дерево. На десятки километров под землей разветвились его корни — шахты, непрерывно подающие комбинату сланцевое питание.

Сланцеперерабатывающей промышленности немногим более полувека, добрую половину этого срока сланец самым банальным образом сгорал в печах, из которых выбрасывались горы золы. А потом за него взялась химия. И небольшой закопченный городок Кохтла-Ярве превратился в белокаменный, зеленый, яркий от цветов и огней город мастеров. Ученые, инженеры и рабочие эстонского бассейна вырабатывают из сланца готовые химические продукты и сырье для последующего синтеза.

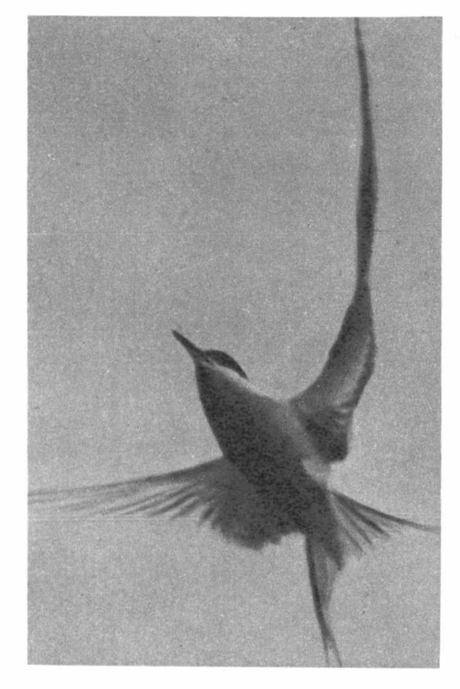
— Нынешний год у нас, как и по всей стране, особый,— рассказывает главный технолог сланцеперерабатывающего комбината Павел Юлиусович Пиллер.— Каждый из нас в честь столетия со дня рождения В. И. Ленина стремится усовершенствовать свой труд. Лучше всех, пожалуй, сейчас работают мастера, производящие ароматику. Только наша ароматика не имеет никакого отношения к парфюмерной промышленности. Это когда-то, на заре развития химии, так называлась группа веществ, обладавших приятными запахами. Ныне наши мастера ароматики производят из сланца бензол и другие виды химического сырья. В честь юбилея этот участок комбината значительно перевыполняет производственный план.

Прекрасно работают и мастера электродного кокса. Продукт этот дефицитный, он необходим в печах, выпускающих легированную сталь, без него не получишь алюминий. Комбинат начал выпускать этот продукт сравнительно недавно, и заставить сланец превратиться в электродный кокс было делом нелегким.

Завоевывает рынок еще один наш продукт — сланцевые мягчители для регенерации резины.

— Словом,— подводит итог Павел Юлиусович Пиллер,— старая часть комбината (хоть старой ее можно назвать с натяжкой) работает точно и отлаженно. А скоро на эстонских сланцах появится долгожданный новорожденный — в 1970 году вступит в строй завод азотнотуковых удобрений.

Н. ТАУТС

КРЫЛАТАЯ ИСПЫТАТЕЛЬНИЦА

Говорят: птицу видно по полету. Но только видно! Познать же до конца, в мельчайших деталях, летательный аппарат, созданный природой,— задача трудная. И в самом деле: как исследовать механизм полета птицы в лабораторных условиях? Но обязательно ли в лабораторных?

— Отнюдь нет,— отвечает кандидат биологических наук младший научный сотрудник Института зоологии и ботаники АН ЭССР Юри Кескпайк.— Мы сделали попытку изучить работу организма птицы во время полета в естественных условиях.

Идея была проста: использовать в качестве информатора радиопередатчик. За создание его взялся аспирант Пеэт Хорма. И вот аппарат готов — крошечная коробочка с усиком антенны и тончайшими датчиками. На теле птицы он закрепляется быстро сохнущим нитроклеем.

На орнитологической станции полуострова Пухту птиц множество. Какую же выбрать? Сначала прибор решили доверить ручному кряковому селезню. Но вскоре его пришлось отстранить от полетов, селезень вел себя бестолково: когда приемная аппаратура была настроена, краснолапый вперевалку прогуливался рядом, выпрашивая хлебные крошки, и не думал взлетать. А потом, когда этого никто не ждал, вдруг поднимался в воздух... Выручил дублер — молодая ручная чайка. Она была не менее прожорлива, чем селезень, но более благодарна — платила за пищу послушанием.

И вот на столе Юри Кескпайка лежат узкие полоски фотобумаги с частоколом черточек, нанесенных пером самописца,— кардиограмма, карты динамики легких, мышц птицы. Полученные данные сейчас подвергаются обработке, систематизируются. Все это ценный материал для физиолога. А имеет ли он практическое значение?

— Несомненно,— отвечает ученый.— Природа создала множество поразительных живых конструкций. В последнее время они все больше интересуют человека. Заманчива, в частности, постройка орнитоптера — летательного аппарата с машущим крылом.

С. ДАВЫДОВ, сотрудник газеты «Советская Эстония»

ПОХОРОШЕЛО ВСЕ КРУГОМ...

Ноароотси — полуостровок недалеко от эстонского города Хаапсалу. Какие только легенды не ходят о нем! Говорят, что раньше он был островом и жили на нем лишь девушки. Еще говорят, что в восьмом или девятом веке высадились тут викинги да так здесь и остались.

Море обмелело, и островок стал полуостровом. Это давняя история. А вот недавняя, о ней рассказал нам ветеран войны, директор школы и местный историк Виктор Пёёль:

— Прошлое Ноароотси? Невеселое оно. Усеянные мелким камнем поля, у хуторян в лучшем случае три-четыре гектара пашни, одна лошадь, две коровы, урожай — я недавно проверил по тогдашней статистике — чуть больше 8 центнеров с гектара. Рыбу ловили, да сбывать ее было трудно. И еще был такой вид дохода: железными крючьями вылавливали со дна моря хорошо обкатанные волной булыжники и возили их в Таллин — продавали для мощения мостовых. На весь полуостров в предвоенное время был один трактор.

Председатель колхоза имени Ленина Яан Колью сообщил сегодняшнюю статистику Ноароотси: урожай зерна — 21,8 центнера с гектара, 22 трактора, 4 комбайна, 12 грузовиков и все прочие машины, хорошие ремонтные мастерские, 1 300 голов породистого эстонского красного скота и 1 000 свиней, новые гаражи, зерносушилки, склады, фермы с импульсными доильными установками. Новые здания столовой, магазина, клуба. Заработок колхозников — 4 рубля 72 копейки в день. Коллективные поездки в Таллин и в соседние города — в театры, на концерты. Вечера самодеятельности в клубе.

— Десять лет назад я собственноручно ввернул первую электролампочку в одном из домов Ноароотси, а сейчас все ставлю и ставлю телевизоры, они у нас почти в каждом доме...— рассказывает колхозный электрик Лембит Нильс.— Человеку особенно дорого все, во что вложен его труд.

Если отмести разную местную экзотику, то этот в прошлом заброшенный полуостровок теперь кажется зеркалом, в котором отразились все экономические и другие изменения, происшедшие в Эстонии за истекшие четверть века. Похорошели поля и дома, и Ноароотси теперь известен как уголок добрых, веселых и трудолюбивых людей.

Владимир РАУДСЕПП, ответственный секретарь газеты «Кодумаа», заслуженный журналист ЭССР

Колхозная библиотека в Ноароотси.

Фото А. Алла

ТЕБЕ, МЕМОРИАЛ

Таллинская мебельная экспериментальная фабрика «Стандард» часто выполняет заказы других республик.

— Мы получили заказ из Ульяновска,— рассказал нам начальник производственного отдела фабрики Каупо Вальдмаа.— Там к 100-летию со дня рождения Владимира Ильича Ленина строится Мемориальный центр. Наш вклад — мебель для Дворца культуры, Дома пионеров, детской библиотеки.

Р. МУСТ

НЕ ПРОПАЛ ДОКУМЕНТ!

Балтийский моряк Ю. Смирнов, ныне слесарь-приборист Прибалтийской ГРЭС, оборонял Ленинград в годы войны, воевал на Синявских высотах, обезвреживал мины под Таллином, у острова Аэгна. В сентябре 1946 года его тральщик в числе других очищал от вражеских мин польский порт Гдыню.

Польское правительство вручило тогда советскому офицеру Ю. Смирнову временное удостоверение о награждении «Бронзовым крестом заслуги». Но вскоре после войны в одной из аварий на судне все документы были утеряны. И вот теперь, спустя 23 года, польский орден нашел советского моряка.

По поручению посла Польской Народной Республики в СССР военком Нарвы недавно торжественно вручил Ю. Смирнову «Бронзовый крест заслуги».

В. ТАУБЕРГ

ТАК ДЕРЖАТЬ

Знакомьтесь: Лембит Сонг. Герой Социалистического Труда. Капитан-директор транспортного рефрижератора «Аугуст Якобсон». Избирался депутатом Верховного Совета СССР.

Среди 3 700 механиков и судоводителей, подготовленных за полвека в Таллинском мореходном училище, Лембит Сонг не единственный Герой. Это и Пауль Рохтлаан — капитан теплохода «Кыпу». И Роман Аланд — капитан траулера рыболовецкого колхоза «Октябрь», депутат Верховного Совета ЭССР.

Нет, пожалуй, порта на земном шаре, где бы не бывали те, кто в разное время оканчивал мореходное училище в Таллине.

160 будущих судоводителей сейчас находятся в плавании. Их морские пути-дороги лежат к берегам Западной Африки и в порты Финляндии, Швеции, Норвегии, Дании, ФРГ — по всем трассам, где курсирует около 80 судов Эстонского морского пароходства. 90 будущих механиков-третьекурсников тоже в эти дни на практике. Маршруты — берега Кубы и бассейн Средиземного моря.

А. ВЫРК

На снимке: «Вега» — плавучая школа мореходов.

Фото В. Сальмре.

АВТОМОБИЛЬ № 000001

З. ХИРЕН

Фото Б. Кузьмина.

Пока мы ждали минуты, когда с большого конвейера автомобильного завода имени Ленинского комсомола сойдет высокоскоростной «Москвич-412» с номером 000001, речь зашла о Новом годе, о том, как встречали его прошлый раз и как встретят теперь. И находили много общего.

Начать с того, что и тогда и сейчас в центре внимания был «Москвич-412». В прошлом году тоже имелась в виду серийная машина, но нынешняя, хоть и носит старое имя,— автомобиль во многом принципиально новый.

События тогда развивались так: в третьем или в начале четвертого часа наступившего нового, 1969 года к подъезду Шереметьевского аэропорта подкатило несколько машин с работниками автозавода. Они встречали возвращавшихся из дальних странствий своих друзей, четырех заводских ребят, участвовавших в международном ралли. Сейчас, накануне 1970 года, за руль нового «Москвича» тоже сел контролер-испытатель Анатолий Трофимович Филатов. Но самое большее, что он мог себе позволить — отправиться не по обычному в этих случаях маршруту: завод — станция метро Кузьминки — обратно, а прокатить корреспондентов по Москве. Что же касается коллег Филатова, тех самых заводских ребят, которых встречали в новогоднюю ночь 1969 года в Шереметьеве, то они на «Москвичах-412» предыдущей серии — это предшественники нынешнего первенца — прокатились чуть дальше: по крайней мере после их обкатки на спидометрах четырех «Москвичей» появилась цифра 23 500. Столько километров прошел каждый из них по дорогам одиннадцати стран Европы, Азии, Австралии.

Два новых года... И вот теперь из заводских ворот выкатился автомобиль с поистине новогодним номером — 000001. Здесь же, среди виновников сегодняшнего торжества, мы без труда разыскали участников знаменитого автомобильного марафона.

После того марафона наших «Москвичей» встречают на путях-дорогах планеты иначе, чем раньше. Тогда Лондон не очень-то приветливо отнесся к нашим гонщикам.

Сразу же после старта многие зарубежные автомобилисты обгоняли нашу четверку и всякий раз при этом снисходительно улыбались. А знаменитый гонщик Джек Форрест заранее вычеркнул автомобили «Москвич» из списка конкурентов, заявив, что до Сиднея ни один из них ни в коем случае не дотянет. Это предсказание, как известно, не оправдалось: вся четверка в полном составе пришла к финишу, завоевав в марафоне, который был назван впоследствии «Марафоном века», четвертое место.

Год назад московские гонщики показали, на что способен наш обыкновенный серийный автомобиль, а сейчас контролер-испытатель примет первый экзамен у новорожденной модели.

...Интервью у директора завода Валентина Петровича Коломникова мы взяли у него в кабинете. Напротив рабочего стола — обыкновенный телевизор, кажется, «Темп». Поворотом ручки директор включает один за другим цеха завода. Вот опять перед нами конвейер, возле которого мы только что стояли. И так цех за цехом, участок за участком. В сущности, перед нами трудовой путь молодого инженера на заводе. Валентин Петрович пришел сюда в августе 1953 года. Начал с контрольного мастера. Затем назначили старшим контрольным мастером, начальником главного конвейера, заместителем начальника цеха сборки, начальником цеха шасси, начальником производства, заместителем директора, главным инженером, и вот уже второй год Коломников руководит предприятием.

И к сегодняшнему событию и к событию годичной давности наш собеседник имеет самое прямое отношение.

— Чем продиктован переход на новую модель, каковы ее особенности? — спрашиваем мы.

— Всегда наступает момент, когда автомобиль выбирает себе новую одежду. И не только одежду,— отвечает директор.— В данном случае, как вы могли убедиться, у автомобиля совершенно новые «глаза». Вместо обычных круглых фар — прямоугольные, изменены сигнальные фонари, поворотные мигалки, внутренняя проводка. Все это не только изящно, красиво, но и облегчает вождение машины в ночное время, делает ее надежнее в пути. Удлинение задней части автомобиля не только придало ему изящество, но и позволило сделать более емким багажник. Наш век — век все увеличивающихся скоростей. Уфимцы снабдили эту модель 75-сильным двигателем, позволяющим развивать скорость до 140 километров в час. Но большие скорости требуют некоторых мер безопасности. Именно с этой целью внутри машины металлические обшивки заменены мягкими. Кроме того, сделаны приспособления для защитных поясов. Я назвал лишь несколько новинок. Их гораздо больше. Работа проделана громадная и сложная. Переход от одного типа автомобиля к другому должен был пройти без снижения темпов, плавно, ритмично. Сейчас каждые две с половиной минуты с нашего конвейера сходит новый автомобиль.

— Много это или мало? — спрашиваем мы.

— Увы, к сожалению, очень мало. И вы об этом, наверно, знаете не хуже меня. Мы выпускаем сто тысяч автомобилей в год. Явно недостаточно. Но я беру на себя смелость утверждать, что недалек день, когда на витринах автомобильных магазинов у нас будет выставлено столько машин, что каждый покупатель получит возможность хорошенько подумать, прежде чем остановит свой выбор на одной из них. Я имею в виду автомобили Волжского завода, Ижевского. Ну, и нашего, конечно.

— Мы тут на заводе часто слышим: «Новая территория». Вы не могли бы объяснить, что в данном случае имеется в виду?

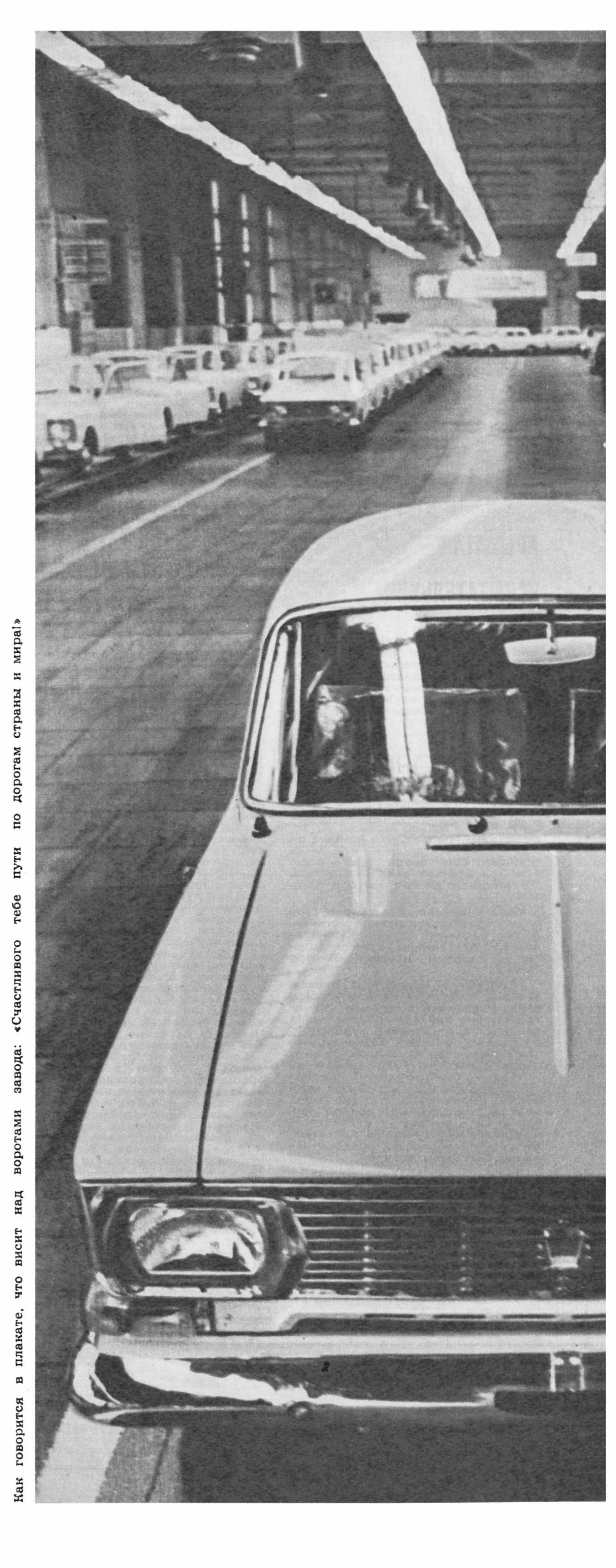
— С удовольствием. Тем более, что ответ на этот вопрос одновременно объяснит и мой оптимизм по поводу близкого автомобильного изобилия. Новая территория вместе с нынешней — это площадь в 95 гектаров, на которой вырастут самые совершенные цеха, конвейер, испытательный трек. Когда весь этот комплекс вступит в строй, завод сможет выпускать двести тысяч автомобилей в год.

С этими словами Валентин Петрович подвел нас к громадному столу, на котором можно было увидеть в макете новые корпуса завода.

— Многое из того, что вы видите, уже готово,— заметил Валентин Петрович.

— А когда вы предполагаете поменять местами единичку, стоящую в конце номера новой модели перед пятью нулями, с нулем, стоящим впереди?

— Убежден, что это будет в скором времени. Думаю, что, если вы придете к нам накануне 1972 года, не прогадаете. И скорее всего к тому времени вместо правофланговой единички появится левофланговая двойка, а значит, и двухсоттысячный автомобиль.

Как говорится в плакате, что висит над воротами завода: «Счастливого тебе пути по дорогам страны и мира!»

— Наступает момент, когда автомобиль выбирает себе новую одежду... С главного конвейера сошел «Москвич» № 000001.

На экране телевизора показался цех сборки. Диспетчерская завода. Оператор — Наташа Аброськина.

— Новая территория — еще сто тысяч автомобилей.— И директор завода В. П. Коломников подвел нас к объемному макету.

Здесь рождается кузов. Герой Социалистического Труда слесарь-сборщик кузовного цеха Н. Г. Усачев.

— Садитесь, чувствуйте себя как дома! — приглашает будущих пассажиров «Москвича» Люба Ковосельцева. Она отвечает за внутреннюю отделку салона автомобиля.

Кузова засверкали. Бестеневая камера контроля качества окраски.

ГОД НОВОГО ДОМА

КВАРТИРА № 44

ПОСЛЕДНЯЯ ПЕРЕПРАВА

— Мы взобрались на колокольню Соловецкого монастыря в самый шторм. Зрелище было потрясающее!

Эта летняя поездка в северные края — самое памятное событие года для студентки текстильного института, лаборантки комбината «Красная Роза» Лиды Бурмистровой. С Севера будущая художница по текстилю привезла много рисунков. Дома даже целую выставку устроила. Самым придирчивым судьей оказалась мать, старший научный сотрудник ЦНИИ хлопчатобумажной промышленности. Как же, Валентина Анатольевна имеет непосредственное отношение к текстильному производству. Она, правда, не художник, а руководитель группы по внедрению новой техники и технологии. И самое радостное событие для Валентины Анатольевны — это то, что сейчас она внедряет в производство новейшие машины, которые поставили Советскому Союзу друзья из Чехословакии. Эти прядильные машины упразднят сразу две операции и дадут большой экономический эффект. Они уже установлены на нескольких текстильных фабриках страны.

Памятные события этого года у Бурмистровых самые разнообразные. Глава семьи инженер-строитель Анатолий Иосифович показал нам фотографии, которые очень дороги ему: здесь запечатлена встреча фронтовых друзей. Расстались они в 1945 году на Эльбе. В ночь на 9 мая 1945 года друзья-саперы наводили переправу через Эльбу. Но она уже не понадобилась, эта последняя переправа... На рассвете прибежал связной: конец войне! Анатолий Бурмистров, Василий Лыткин и Петр Степанов не виделись почти четверть века. А летом этого года списались и собрались в Москве.

КВАРТИРА № 75

МОЛОДО, ДА НЕ ЗЕЛЕНО

Вера поднялась на трибуну, оглядела зал и только тут испугалась. Батюшки, народу-то сколько, даже вдоль стен стоят! Но притихший зал ждал, и Вера звонко произнесла приветствие передовикам производства Свердловского района от коллектива швейного объединения «Вымпел».

Потом мотористка Вера Климова, секретарь цехового комитета комсомола, рассказала о том, что пятилетний план завершили на «Вымпеле» пятьсот двадцать восемь человек, а сама она, как и многие ее подруги, уже с июня работает в счет 1971 года...

Вот это свое выступление на слете передовиков производства Свердловского района столицы Вера Климова и считает самым памятным событием года.

— На слет мы отправились торжественно, со знаменем, да, кстати, наш «Вымпел» вот уже двадцать пятый квартал подряд завоевывает знамя Совета Министров СССР и ВЦСПС. Пальто наши людям нравятся, так нравятся, что мы даже и сами свои изделия в магазине достать не можем. Вот такие дела. Теперь пусть Сережа рассказывает.

— Да мне как-то неудобно, я ведь слесарю без году неделя. Строителем раньше был. Четыре года отработал, и квартиру мы получили. А теперь перешел на экспериментальную базу Гипроммашстроя. Дельные машины тут осваивают. Сейчас вот в Венгрию две отправляем. Для домостроительных комбинатов. Машины эти заглаживают железобетонные плиты, да так чистенько, что только побели, и стена готова.

А потом Климовы показали нам свою квартиру. Мы разахались,— какая красивая мебель! — и тут оказалось, что чуть ли не всю ее сделал сам Сергей.

КВАРТИРА № 90

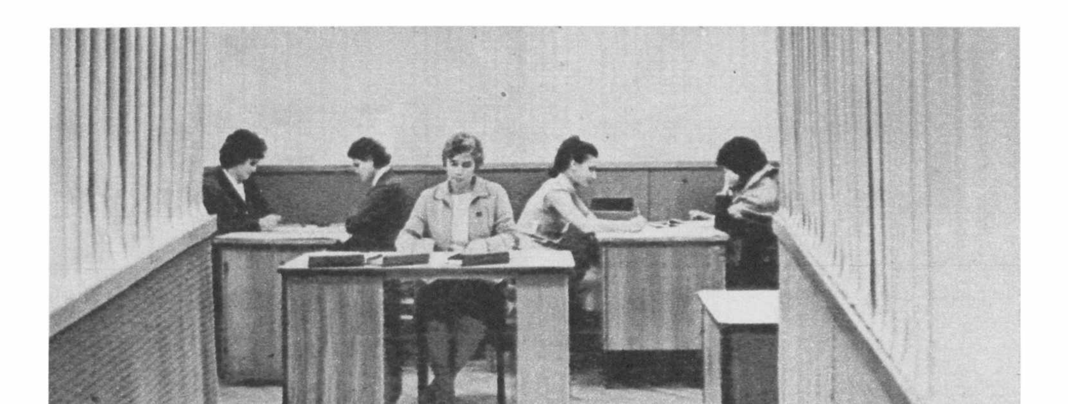
В СОЛНЦЕ КУПАЕМСЯ

Мария Федоровна Савина всю жизнь прожила в этом районе, в стареньком деревянном доме. Когда заложили фундамент девятиэтажного здания на Бутырской улице, совсем рядышком, ходила мимо и мечтала: «Вот бы сюда попасть! До работы отсюда удобно добираться». Работает она в ТАСС, в отделе выпуска, вот уже 22 года. И что вы думаете? Квартиру Мария Федоровна получила в этом самом доме.

— Событий у меня в нынешнем году множество,— говорит Мария Федоровна,— и все, представьте, радостные. Квартирой я не налюбуюсь, в солнце купаемся — окна на юг. Работа у меня очень интересная. Мы ведь все узнаем первыми: и союзные новости и зарубежные. И об успехах советской науки первыми узнаем. Вот недавно радовались запуску трех советских космических кораблей.

— А уж это и моя личная радость,— вступил в разговор Валентин Петрович, муж Марии Федоровны.— В нашем институте большой праздник был. Шутка сказать, два выпускника МАИ побывали в космосе — Волков и Кубасов. Я, правда, не преподаватель, всего лишь слесарь-механик, но мы, слесари,— в институте тоже нужные люди.

— Валентин Петрович и по дому специалист на все руки. Живем-то мы вместе недавно. Въезжала я сюда одна. Счастье наше уж здесь, в этом доме началось...

Я РО

Микола СЫНГАЕВСКИЙ

УКРАИНА МОЯ

Начинаю стихи.
Так, щедра и крепка,
зерна в землю бросает рука земляка.
Буду всходов я ждать — день, и два, и века.
И любить будешь ты,
и любить буду я,
Украина моя,
Украина моя.

Я на голос отцов по планете иду,
разделив с ними славу, и труд, и беду.
Что в полях колосится, что зреет в саду,
все планетою нашей доверено нам:
до росинки — отцам,
до последней — сынам.

Отовсюду к тебе
дни и ночи спешу,
твою песню, как душу, в себе я ношу.
Твои звезды на небе крылом ворошу.
А во мне твой Днепро — как живая струя,
Украина моя,
Украина моя.

В твоем лоне узнал я твою доброту,
из ладоней твоих принял в сердце мечту,
и пошел я по жизни, презрев суету,
и легли сквозь долины, дубравы, гаи [1]
все дороги мои,
все тревоги мои.

Время кровных раздоров забыл человек.
Равноправными братьями стали навек
украинец и русский, латыш и узбек...
И в единой семье
под звездой Октября —
Украина моя,
Украина моя!

Я по звездам, по водам твой шлях узнаю,
по вершинам смерек [2] в закарпатском краю,
по огням Запорожья... О них я пою,
там, где горлица пьет на заре из ручья,—
Украина моя,
Украина моя.

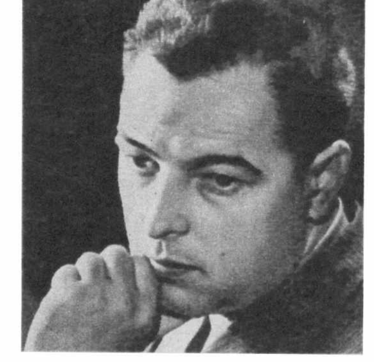
Борозда, что оставил мой дед на земле,
протянулась сквозь долгие годы ко мне.
Седина моя древней под стать седине.
На челе у тебя,
на челе у меня
все тревоги столетья,
все горести дня.

След людской — на земле, на песке, на стерне.
Люди счастье творят —
ты не стой в стороне!
Посади свое дерево.
Песню спой в тишине.
И подхватит ее
вся большая семья,
Украина моя,
Украина моя.

[1] Рощи.
[2] Ели.

ДОМ ИЗ ПЕСНИ

Стой, любовь, и замри!
Тут могила войны.
Тут солдаты лежат — Украины сыны,
что приходят ночами в материнские сны.
И тогда Ярославна встает, как заря:
это — древность твоя,
это — вечность твоя.

Я пишу эти строки для вешних полей,
для зеленых лесов,
для веселых морей.
Голос песни моей — голос тысяч людей.
Пусть она облетит
все земные края,
Украина моя,
Украина моя.

ЖИЗНЬ

О жизнь! Снесу твои обиды,
превозмогу твою беду,
с твоей немыслимой орбиты
до самой смерти не сойду.

Борюсь за право быть собою,
ищу меж троп свою тропу
и помню тех, кто среди боя
упал, подкошенный, в траву.

Наполнен мир их голосами,
они везде, они во мне.
Их эхо катится лесами
по всей полесской стороне.

Я узнаю их чистый голос,
не отзвучавший на земле,
и крутится земля, как глобус
в заречной школе на столе.

Они, как мы, встают по солнцу,
все, не пришедшие с войны.
А по ночам, припав к оконцу,
заглядывают в наши сны.

Я верен им...
Идет сраженье,
и бомбы рвутся наяву,
и я живу — как продолженье
того, упавшего в траву.

НАРОДНАЯ ПЕСНЯ

Забывали ее,
вспоминали ее —
к песне жизнь лицом повернулась.
Отозвались леса,
отозвалось жнивье,
и девчонка в ночи улыбнулась.

И открыла мне песня,
летя над землей,
в поле трогая спелый колос,
что бессмертье — лес,
где на голос мой
откликается чей-то голос.

СКАЗКА

Не убивайте сказку про птаху —
лучшее чудо из всех чудес.
Малые дети натерпятся страху
и не пойдут на прогулку в лес.

Выгорит солнце,
и серою краской
этот прекрасный покроется свет...
Я ведь и сам рожден этой сказкой —
дивною сказкой далеких лет.

* * *

Все проходит — и грозы и тишь,
солнце травы рассветные будит.
Встанет день, как из люльки малыш,
лишь меня там не будет.

Небо молнии синие рвут,
ураган все ломает и крутит.
В мае вновь соловьи запоют,
лишь меня там не будет.

Людям песни, улыбки,
а мне —
ветер губы навеки остудит.
Васильки зацветут по весне,
лишь меня там не будет.

А иные собратья мои
славословят опять, словоблудят.
Затрезвонят, заблещут ручьи,
лишь меня там не будет.

За поэтом крадется вослед
льстивый сладостный шепот Иудин.
Снова с тьмою поборется свет,
лишь меня там не будет.

Мир придет в своей звездной красе
после трудных и горестных буден.
И твой лик отразится в росе,
лишь меня там не будет.

Вижу в щедром цветенье края,
где смеются и трудятся люди.
Там останется песня моя,
лишь меня там не будет.

ЖАТВА

Там за рекою, в древнем поле,—
ромашка. Солнце. Благодать.
Там мне мечталося до боли
людскую душу повстречать.

В тиши житейской и в тревоге
я шел за верностью людской,
ведь от рождения дороге
принадлежу я всей душой.

Со мною говорят дубравы,
лугов и замыслов простор,
надежды, птицы, мысли, травы —
идет сердечный разговор.

А тишь такая в чистом небе —
хоть ею землю засевай,
и древней думою о хлебе
с рассвета дышит отчий край.

Ему открыта беспредельность.
Летите, думы-журавли!
В садах его земная зрелость
свисает грузно до земли.

Живи, добро, и в сердце сейся,
и волю всходам дай своим.
Пусть честная родится песня
в подмогу людям дорогим.

Бегут в бессмертье наши реки,
и дышат жатвою поля.
Я не один в двадцатом веке —
со мною люди и земля.

Мне все тут дорого до боли,
как дух пшеничный над селом.
Я за любовь плачу любовью
и за добро плачу добром.

* * *

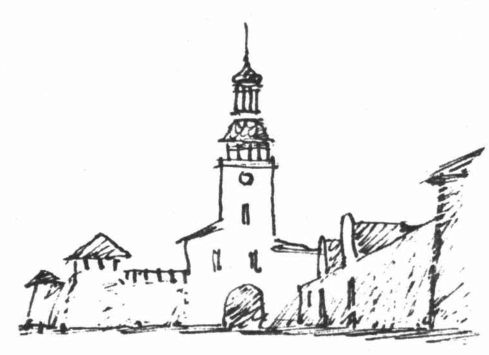
Вы песни любите? Скорей
зовите в гости птичье братство!
Они летят из-за морей,
наполнив крыльями пространство.
Летят, прогнозам всем назло,
сквозь полдень в радужной оправе.
взяв мою песню на крыло,
а мне печаль свою оставив.
Вы песни любите? Народ
их прародитель и создатель.
Чернигов песню запоет,
а Канев дружески подхватит.
По Украине, по земле,
за ними, выросшими в жите,
на птичьем ласковом крыле
иль на своих двоих спешите!

Сын поля, леса и села,
я родом из народной песни,
а за спиною два крыла
звенят и рвутся в поднебесье.
Одно крыло — моя любовь,
а ненависть — крыло другое.
Двукрылье это вновь и вновь
меня уносит от покоя.

Вы песни любите, друзья?
Как не любить свое богатство?!
Без песен в эти дни нельзя!
Зовите в гости птичье братство!
Зовите в лес, зовите в сад,
на ветку дуба и калины.
Такой высокий чистый лад
у нашей песни — Украины!

Перевел с украинского
Лев СМИРНОВ.

СТРАНИЦЫ СТАРОГО КАЛЕНДАРЯ

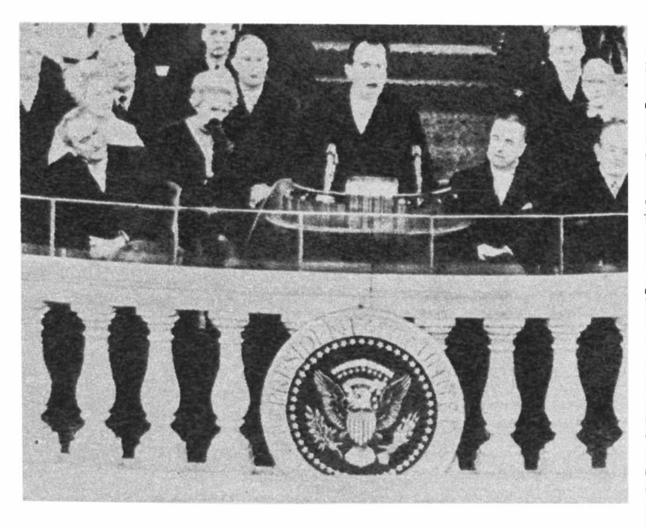
Слетают последние листки календаря с цифрой 1969. Кончается год. Мир вступает в новое десятилетие.

Перед тем, как пробьет двенадцатый час, оглянемся на старый год, припомним, каким он был за рубежом. Менялись правительства и курсы валюты, продолжались бои в горячих точках планеты, шли совещания и переговоры, волны народного гнева захлестывали улицы и площади городов, кипели страсти у избирательных урн и в парламентских залах.

Многие страницы календаря отмечены бурными событиями. О них рассказывают фотографии, сделанные в разных концах света. По ним потомки смогут судить, как выглядел мир в 1969 году. Итак, переберем листки календаря.

Всю мировую печать обошел снимок, запечатлевший гробы, в которых демонстранты несли карточки с именами американских солдат, убитых во Вьетнаме. Газеты всех направлений признавали небывалый размах антивоенных выступлений, всколыхнувших Америку осенью этого года. Протесты против преступной войны во Вьетнаме принимают самые различные формы.

20 января у стен Капитолия в Вашингтоне происходила торжественная церемония вступления в должность 37-го президента Соединенных Штатов Америки Ричарда Никсона. В речи, произнесенной в этот день, новый хозяин Белого дома говорил: «Мы в плену у войны и нуждаемся в мире. Мы страдаем от раскола и нуждаемся в единстве». Президент заверял, что отдаст «все свои усилия, всю свою энергию и весь свой разум делу мира между народами», говорил «об уменьшении бремени вооружений и укреплении здания мира».

Прошел почти год, но слова, прозвучавшие с трибуны у Капитолия, так и остались словами. Это подтвердили многотысячные колонны демонстрантов, которые нескончаемым потоком двигались мимо того места, откуда президент раздавал свои обещания. Американцы шли с лозунгами «Прекратить войну во Вьетнаме немедленно!».

Студенты института международных исследований имени Джона Гопкинса в Вашингтоне так выразили свое отношение к событиям. На плакате надпись: «Прекратить войну!».

Безрадостно начался 1969 год у радистов американской 199-й легкой пехотной бригады.

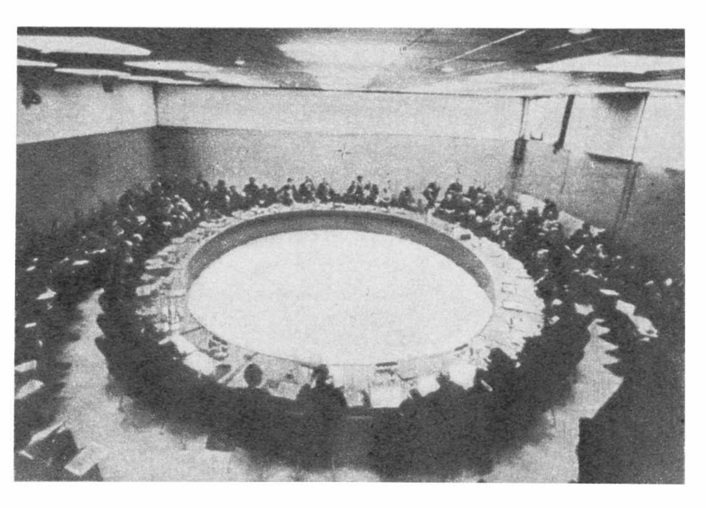
В дни, когда Никсон принимал поздравления и раздавал обещания, американские солдаты продолжали вести жестокую и бессмысленную войну в джунглях района Бен-Лок (Южный Вьетнам). Неизвестно, удалось ли этим парням выбраться живыми или их имена выкликали демонстранты у стен Капитолия, перечисляя американские потери во Вьетнаме. ◄

◄ Они чудом уцелели после варварской расправы, учиненной американскими солдатами в южновьетнамской деревне Сонгми. Каратели убили 567 жителей селения — безоружных мирных граждан. Среди них были дети, женщины, старики.

Известие о зверствах американских агрессоров во Вьетнаме потрясло весь мир.

«Главная причина подобных преступлений кроется в агрессивной и неоколониалистской политике Соединенных Штатов в Южном Вьетнаме,— заявил глава делегации ДРВ на парижском совещании по Вьетнаму Суан Тхюи.— Лучшим способом избежать повторения подобных фактов является немедленный и полный вывод всех американских войск из Южного Вьетнама».

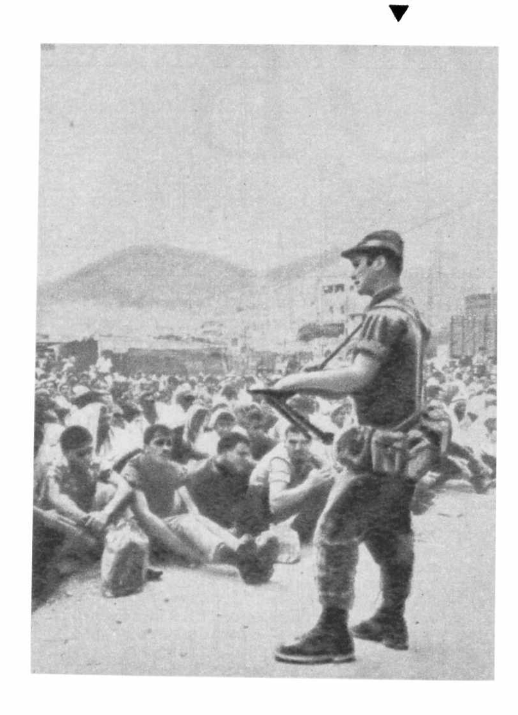
◄ В тесном кругу заседали министры обороны стран НАТО. Уходящий год был, так сказать, юбилейным для блока агрессоров — в апреле НАТО исполнилось 20 лет. В статье, посвященной этой дате, французский еженедельник «Трибюн де насьон» писал: «НАТО вступила в стадию разложения... Во всяком случае, нелепость, какой является содержание нынешних войск НАТО, признана официально. В то же время... правительство Никсона сообщило, что Пентагон все еще контролирует в 30 государствах 429 стратегических баз и 2 972 опорных пункта, содержание которых обходится американским налогоплательщикам в 5 миллиардов долларов».

Минувший год ознаменовался дальнейшим обострением обстановки на Ближнем Востоке. Причина в том, что Израиль продолжает агрессию, террор и систематические преступления против арабских народов.

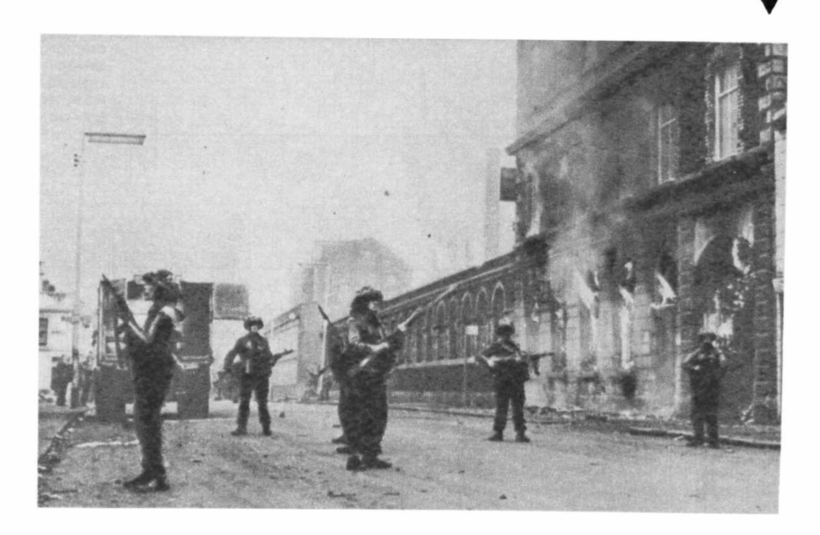
Жертвами вооруженных провокаций стали жители многих деревень и городов ОАР, Иордании, Сирии.

Израильские захватчики должны немедленно убраться с оккупированных арабских земель — таково решительное требование миролюбивых народов.

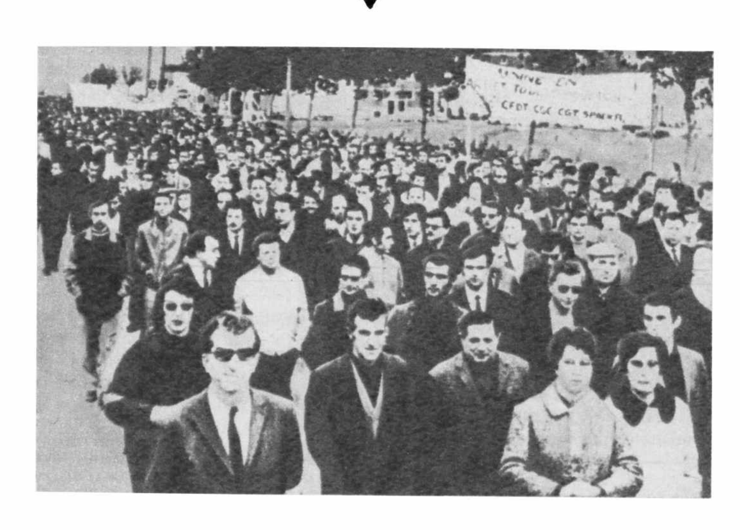
Это не кадр военной кинохроники, а фотография 1969 года. Ирландия. На пылающих улицах Белфаста — английские солдаты. Их прислали сюда для подавления выступлений участников движения за гражданские права. На требования ирландских патриотов ликвидировать нищету, безработицу, политическую дискриминацию власти ответили усилением полицейских мер, стремясь огнем и мечом сломить сопротивление ирландцев.

Жаркой была осень во Франции. Начиная с сентября не прекращались стачки: бастовали докеры, электрики, рабочие газовой промышленности, продолжались выступления крестьян, мелких предпринимателей и ремесленников.

В рядах бастующих шли рабочие атомных предприятий Пьерлата. Их коллеги заняли помещения ядерной электростанции в Маркуле в знак протеста против намерения администрации провести увольнения.

Борьба началась после того, как было объявлено об увольнении в 1970 году в целях «экономии» 2 600 человек, занятых в научно-исследовательских центрах и на предприятиях комиссариата по атомной энергии. Кратковременные забастовки проводили работники ядерных электростанций в Пьерлате, Кадараше и в других местах.

Бурный натиск реакции пришлось выдержать в этом году главе индийского правительства Индире Ганди. Правая группировка в Индийском национальном конгрессе — «синдикат» — предприняла маневры с целью подорвать позиции демократического крыла партии, свергнуть кабинет Индиры Ганди. Силам реакции не удалось этого добиться. Индира Ганди одержала победу потому, что провозглашенная по ее инициативе программа социально-экономических преобразований поддерживается самыми широкими кругами населения.

Горы мусора на улицах Лондона. Снимок сделан в октябре во время стачки рабочих — уборщиков улиц, требовавших увеличения заработной платы.

«Такого еще не знала Италия»,— писали газеты. По стране прокатилась мощная волна забастовок. 20 миллионов итальянцев приняли участие во всеобщей стачке. Трудящиеся выступали с требованиями социальных реформ, лучших условий жизни и работы.

Игорь ДОЛГОПОЛОВ

БРЮЛЛОВ

«В области искусства, в творчестве сердца, русский народ обнаружил изумительную силу, создав при наличии ужаснейших условий прекрасную литературу, удивительную живопись и оригинальную музыку, которой восхищается весь мир. Замкнуты были уста народа, связаны крылья души, но сердце его родило десятки художников слова, звуков, красок. Гигант Пушкин,— величайшая гордость наша и самое полное выражение духовных сил России, а рядом с ним волшебник Глинка и прекрасный Брюллов».

М. Горький.

ВО СЛАВУ РОССИИ...

«Если бы нашему Эрмитажу,— писал Карл Брюллов, сравнивая коллекцию Дрезденской галереи с петербургским собранием,— хоть одного крикуна из здешних, то он стоил бы всех сокровищ Европы, Азии, Африки и Америки». Эти гордые слова хранятся в «Архиве Брюлловых» и относятся к поре, когда братья Брюлловы Карл и Александр, получив благословение петербургского «Общества поощрения художников», путешествовали по Европе, имея конечной целью Рим.

Молодые художники отправлялись в дальний путь, как пишет современник, «искать не вдохновенья, а усовершенствования», и они тщательно изучают, смотрят, сравнивают...

А вот отрывок из письма Карла, написанного уже из Рима:

«Но нам вдалеке от родины, от друзей, от всего, что делало нас счастливыми в продолжении 23 лет, каково нам — вы, может быть, после сего письма и будете иметь вообразить себе.

Ни сосенки кудрявые, ни ивки близ него.

Хотя здесь вместо сосен растут лавры и вместо хмеля виноград — все мило, прелестно! — но без слов, молчат и даже кажется все вокруг умирающим для тех, кто думает о родине».

Как много стоит за этими бесхитростными словами, сколько душевной чистоты и сдержанности!

Юный Брюллов воспитывался в стенах Петербургской академии в дни, когда Россия одерживала великие победы и пронесла славу своих боевых знамен по полям сражения Европы. Это была пора славы и восторга, и молодой художник не раз мечтал прославить Отчизну своими творениями.

Честолюбивым мечтам суждено было сбыться. Но до великого дня триумфа русского художника в Европе лежали долгие годы напряженного труда, учения, лишений.

А пока Брюллов снял мастерскую в древней столице Италии — родине многих гениальных живописцев. И поместил в ней слепки, напоминавшие ему о классических произведениях древности: Аполлона Бельведерского, Венеру Медицейскую, Меркурия Ватиканского, Бельведерский торс и фрагменты фигур Аякса и Геркулеса.

Молодой живописец получил хорошую школу, но здесь, в Риме, он впервые так близко подошел к изучению великих шедевров классики и с поразительной зрелостью делает первые глубокие выводы.

Вот отрывок из его письма к брату Федору — художнику:

«Первое, что я приобрел в вояже, есть то, что я уверился в ненужности манера. Манер есть кокетка или почти то же; делая соображения из всего виденного во всех галереях, на дороге встречавшихся, вижу, что метода, употребляемая древними мастерами, не без причин».

Тонкое чувство формы, поражающая пластичность картин Брюллова — результат любовного изучения классики. Вспомним, что еще в академии юный художник сорок раз рисовал сложнейшую группу Лаокоона, двенадцать раз копировал Веласкеза.

Это не вредно вспомнить сегодня, когда некоторым горячим головам кажется, что труд, пот, кропотливое изучение никак не принадлежат искусству...

Шли годы. Несмотря на косность и нелепые претензии «Общества поощрения художников», Брюллов упрямо идет к цели. Его живопись становится прозрачнее, колорит картин напряженнее, краски свежее. Молодой живописец пишет свои картины «Итальянское утро» и «Полдень», в которых сюжет взят не из мифологии, не из библии, а просто и з ж и з н и. Это весьма шокирует почтенных членов «Общества поощрения...», и они лишают Брюллова стипендии. Но, к счастью, к тому времени мастерство художника настолько окрепло, что он решает идти своим путем.

«Всадница». Эта блестящая картина Брюллова сразу поставила его в ряд с крупнейшими живописцами Европы. Виртуозно написанная, она вызвала сенсацию в Риме. Вот один из отзывов прессы тех дней:

«Отличный живописец, которого до сих пор мы знали только по некоторым прелестным рисункам, исполненным акварелью, в этом году появился с большой картиной, написанной масляными красками, и превзошел всеобщие ожидания. Эта картина, портрет в настоящую величину, изображает очень красивую девушку на лошади, в саду, и написана господином Карлом Брюлловым по заказу графини Самойловой. Манера, которою исполнен этот портрет, заставляет припомнить прекрасные произведения Вандика и Рубенса».

Как видите, девять лет, проведенные в Риме, не пропали даром, Брюллов достигает в своих портретах и картинах самого высокого живописного класса. Но молодой художник верен своей мечте, он продолжает упорно работать, изучать мастеров Ренессанса, чтобы создать произведение монументальное, способное прославить русскую школу живописи, прославить Россию...

Стендаль в своих знаменитых «Прогулках по Риму» пишет о посещении Ватикана, где они любовались стансами Рафаэля, и в частности «Афинской школой»:

«Наши спутницы с первого же взгляда уловили оттенки в выражении действующих лиц этой картины благодаря копии в размере подлинника, которую пишет какой-то русский художник...

Яркие краски русской копии послужили нам прекрасным комментарием, отлично поясняющим текст старинного автора...»

Этот «какой-то русский художник», поразивший Стендаля, был молодой Карл Брюллов.

ТРИУМФ

«Так Брюллов, усыпляя нарочно свою творческую силу, с пламенным и благородным подобострастием списывал Афинскую школу Рафаэля. А между тем в голове его уже шаталась поколебленная Помпея, кумиры падали, народ бежал по улице, чудно освещенной волканом». Эти слова Пушкина с гениальной простотой рисуют страстную увлеченность художника, вынашивающего «Гибель Помпеи», свою будущую, ставшую столь знаменитой картину.

История трагической катастрофы, постигшей древний город, целиком захватила все помыслы живописца. Он вспоминает свои первые впечатления от посещения Помпеи:

...нам открылась откопанная часть сего несчастного города. Мы взошли; у входа сидели сторожа-проводники; один из них предложил нам свои услуги и сказал, что это место был малый форум или место, где сбирался народ для торга и других публичных дел... Вид сих развалин невольно заставил меня перенестись в то время, когда эти стены были еще обитаемы, когда этот форум, на котором мы стояли одни и где тишина была только прерываема какой-нибудь ящерицей, был наполнен народом... Нельзя пройти сии развалины, не почувствовав в себе какого-то совершенно нового чувства, заставляющего все забыть, кроме ужасного происшествия с сим городом.

Художник, вооруженный блистательным мастерством, создает несколько эскизов и потом приступает к грандиозному холсту. Но прошло три года со времени первого эскиза, пока молодой живописец наконец окончил вчерне прорисовку холста. Вот маленькая запись, которая свидетельствует о напряжении, испытанном при этой работе: «К концу 1830 г. в брюлловской «Помпее» все фигуры были только поставлены на места и пропачканы в два тона. Вся эта работа была окончена... и так подействовала на организм Брюллова, что у него от упадка сил дрожали голова, руки и ноги».

Не представляется возможным в журнальной статье описать все перипетии и сложности создания этого колоссального холста. Ведь его размер достигал около тридцати квадратных метров!

Но наконец картина написана. Вот что рассказывает друг художника об этих торжественных минутах со слов самого Брюллова: «...чудные моменты пережил я, писавши эту картину! И как теперь вижу стоя-

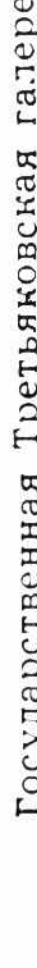
К. Брюллов. 1799—1852. АВТОПОРТРЕТ. 1848.

Государственная Третьяковская галерея.

К. Брюллов. ИТАЛЬЯНСКИЙ ПОЛДЕНЬ. 1828.

Государственный Русский музей.

К. Брюллов. ВСАДНИЦА. 1832.

Государственная Третьяковская галерея

К. Брюллов.

БАХЧИСАРАЙСКИЙ ФОНТАН.
1838—1849.

Государственный
Всесоюзный музей А. С. Пушкина

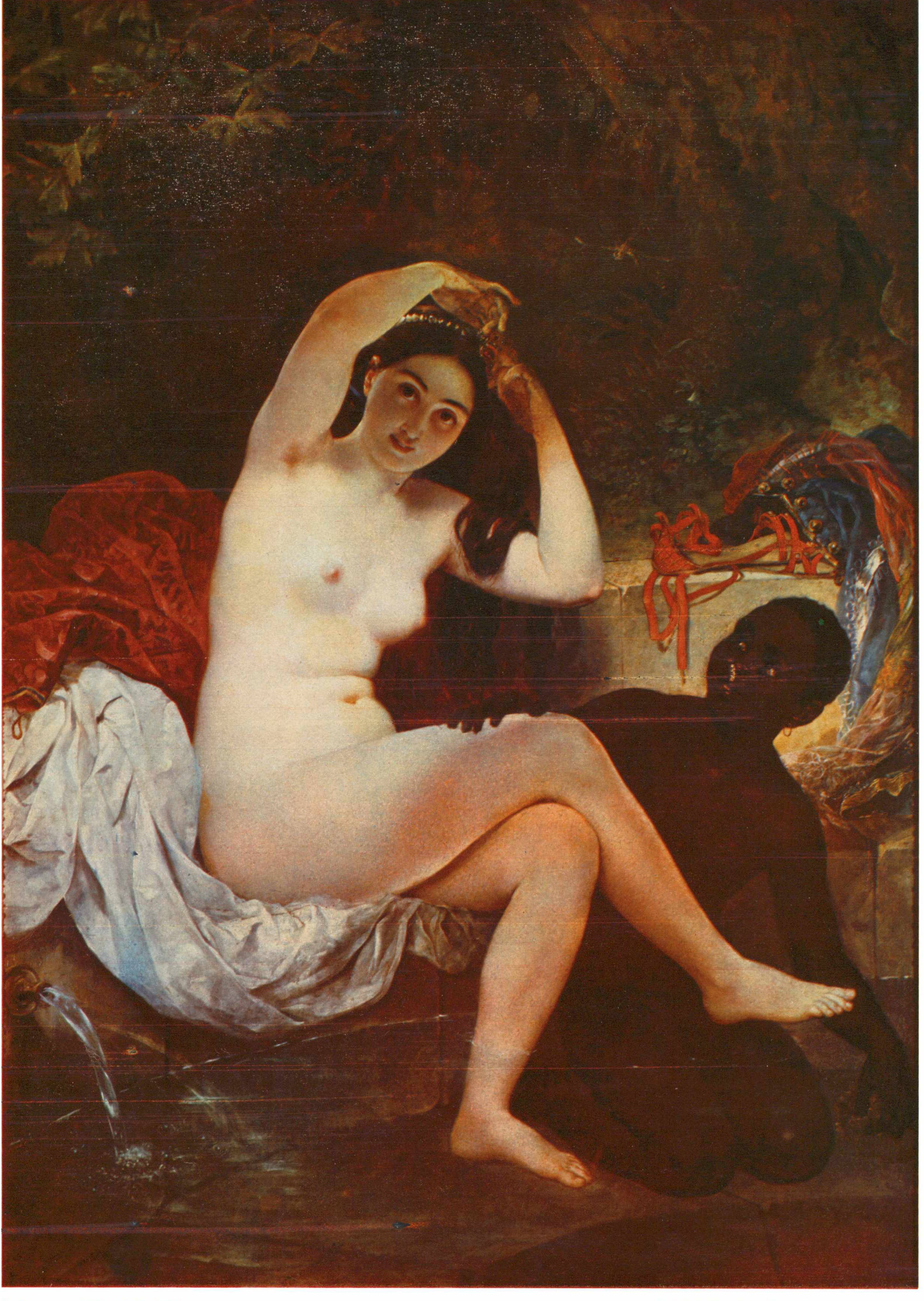

К. Брюллов. ПОСЛЕДНИЙ ДЕНЬ ПОМПЕИ (фрагмент). 1830—1833. Государственный Русский музей

К. Брюллов. ПОРТРЕТ ПИСАТЕЛЯ Н. В. КУКОЛЬНИКА. 1836.

Государственная Третьяковская галерея.

К. Брюллов. ВИРСАВИЯ. 1832. Государственная Третьяковская галерея.

щего перед нею маститого старца Камуччини. Спустя несколько дней после того, как весь Рим стекался смотреть мою картину, пришел он ко мне в мастерскую (на) Виа Сан Клавдио и, постояв несколько минут перед картиной, обнял меня и сказал: «Обними меня, Колосс!»

Триумфально было рождение славы Брюллова. Десятки тысяч римлян и жителей других городов Италии приходили в мастерскую полюбоваться шедевром. Слава художника росла с каждым днем... Великий английский писатель Вальтер Скотт, рассматривая «Последний день Помпеи», сказал с восторгом: «Это не картина, это целая поэма».

Картину привезли в Милан. И снова, как и в Риме, в зале Брерского дворца с утра до вечера теснились толпы любителей живописи. Брюллова узнавали на улице, приветствовали его, а однажды, когда художник посетил театр, публика узнала живописца и устроила ему овацию. А через несколько минут прима читала со сцены стихи, написанные в честь русского гения.

Можно себе представить, как ожидали в России «Гибель Помпеи», которая неторопливо шествовала по Европе и, побывав в Париже, наконец достигла Родины. Ликованию соотечественников не было предела. Самые высокие ценители искусства были поражены блистательным произведением Брюллова. Гоголь писал:

«Его произведения первые, которых могут понимать (хотя неодинаково) и художник, имеющий высшее развитие вкуса, и не знающий, что такое художество. Они первые, которым сужден завидный удел пользоваться всемирною славою, и высшею степенью их есть до сих пор — Последний день Помпеи... у Брюллова является человек для того, чтобы показать всю красоту свою, все верховное изящество своей природы. Страсти, чувства, верные, огненные, выражаются на таком прекрасном облике, в таком прекрасном человеке, что наслаждаешься до упоения».

«Гениальным художником» и «первым живописцем Европы» называл его Белинский.

Триумф. Другого слова не подыщешь, чтобы оценить тот поток восторга, любви и признательности, который обрушился на счастливого художника. Это была полная мера народного признания за творческий подвиг.

...И вот наконец прославленный живописец на Родине. Он спешит в Москву, куда приезжает 25 декабря 1835 года, опаздывая на один день отпраздновать свое рождение.

Москва произвела на Брюллова огромное впечатление. Он целыми днями бродил по городу. Восторгался красотой древнего Кремля. Ведь все здесь дышало великой историей великого народа. Еще живы были в памяти героические страницы Отечественной войны 1812 года. Вот несколько строк воспоминаний современника о тех днях:

«...Брюллов горячо любил Москву. Стоя на колокольне Ивана Великого, он словесно рисовал десятки ярких исторических картин: чудился ему Самозванец, идущий на Москву, с своими буйными дружинами; то проходил в его воображении встревоженный Годунов; то доносились до него крики стрельцов и посреди их голос боярина Артамона Матвеева; то неслись в воздухе на конях Дмитрий Донской и князь Пожарский; то рисовалась около соборов тень Наполеона...»

В голове замечательного художника роились десятки замыслов, он рисовал эскизы, увлеченно рассказывал новым друзьям о своих планах...

Москвичи приняли его радушно, хлебосольно. Его звали на бесконечные банкеты, приемы. В честь него были сложены ставшие хрестоматийными стихи:

Принес ты мирные трофеи
С собой в отеческую сень,—
И стал «Последний день Помпеи» —
Для русской кисти первый день!

Брюллову были в тягость эти бурные каждодневные восторги, кончавшиеся шампанским и долгим застольем. Но не в его силах было приостановить эту справедливую радость новых друзей...

Большим событием в жизни художника была его встреча и завязавшаяся дружба с Пушкиным. Они сразу сошлись и полюбились друг другу. В письме к жене от 4 мая 1836 года поэт пишет:

«...Мне очень хочется привести Брюллова в Петербург. А он настоящий художник, добрый малой, и готов на все. Здесь Перовский его было заполонил; перевез к себе, запер под ключ и заставил работать. Брюллов насилу от него удрал».

А через две недели он сообщает Наталье Николаевне в другом письме от 18 мая:

«Брюллов сейчас от меня. Едет в Петербург скрепя сердце; боится климата и неволи. Я стараюсь его утешить и ободрить; а между тем у меня у самого душа в пятки уходит, как вспомню, что я журналист».

Пушкин написал крылатые строки о «Помпее», отдав свою дань признательности другу-творцу:

Везувий зев открыл — дым хлынул клубом — пламя
Широко развилось, как боевое знамя.
Земля волнуется — с шатнувшихся колонн
Кумиры падают! Народ, гонимый страхом,
Под каменным дождем, под воспаленным прахом,
Толпами, стар и млад, бежит из града вон.

Не прошло и месяца со дня посылки Пушкиным письма о выезде Брюллова в Санкт-Петербург, как в помещении Академии художеств 11 июня 1836 года был дан обед в честь знаменитого живописца.

Может быть, не стоило особо отмечать эту ничем не замечательную дату, 11 июня! Но дело в том, что по странному стечению обстоятельств именно 11 июня, через четырнадцать лет, Брюллов приедет, по существу, умирать — в Рим... Больной, постаревший. Но не будем забегать вперед и омрачать торжество в императорской академии...

«Вам не новы приемы торжественные, похвалы восторженные,— говорил в своей речи, обращенной к Брюллову, конференц-секретарь В. И. Григорович.— Дань таланту истинному есть дань справедливости. Но здесь вы найдете радушие, привет и чувства родственные. Вы наш по всему: как русский, как питомец, как художник, как сочлен, как товарищ».

Брюллов был растроган. Он стоял неподвижно, в глазах у него блистали слезы восторга, он буквально сиял в лучах тепла и любви.

Громовое «ура», мажорный торжественный марш потрясали стены здания, где родился и воспитался великий талант художника.

На следующий день отгремели трубы, и столица встретила Брюллова строгими буднями и делами.

Императорская Академия художеств, предложив Брюллову руководство историческим классом, возвела его в звание младшего (2-й степени) профессора. Для получения звания старшего профессора ему надлежало написать большую картину на тему, утвержденную академией.

Наверное, почетный член многих академий был несколько озадачен таким оборотом дел. Но, очевидно, «Гибель Помпеи», написанная по собственной инициативе, была недостаточно весомой для получения звания старшего профессора, не говоря уже о звании академика, которого, кстати, Брюллову так и не суждено было получить никогда...

Таково было высочайшее государя Николая Первого благоуважение.

ГОСУДАРЬ НАХМУРИЛСЯ...

Зимний. Сюда вместе с Волконским приехал Брюллов, чтобы предстать перед самодержцем России.

Дворцовые часы пробили гулко десять, и тут же где-то рядом прозвенели десять ударов...

— Пойдемте, Карл Павлович. Пора,— промолвил Волконский.

Странные, сложные чувства владели художником, когда они шли по бесконечным анфиладам дворца.

Золоченые двери будто сами распахивались настежь. Будто во сне мелькнул пустынный ряд великолепных покоев. Ледяной блеск паркетов, холодное сияние зеркал, колючее мерцание золота... Последние шаги... Согнутая спина Волконского, и вдруг Брюллов почувствовал студенистый, оловянный взор царя.

Деспот, превративший Зимний в застенок, милостиво улыбался художнику.

— Я хочу заказать тебе картину,— сказал Николай I прямо, без приветствий и обиняков.

Брюллов поклонился.

— Напиши мне,— продолжил государь,— Иоанна Грозного с женой в русской избе на коленях перед образом, а в окне покажи взятие Казани.

Заказ царя — банальный, нелепый — был неотвратим. Как быть? Ведь Николай, очевидно, готовил этот сюжет, с кем-то советовался, обсуждал эту тему, может быть, сжился с ней.

Бесцветные глаза самодержца в упор уставились на Брюллова...

Художнику показалось, что холеные щеки царя побледнели. Ждать было нельзя. Надо немедля отвечать.

— Государь,— промолвил Брюллов,— если я займу первый план двумя холодными фигурами, статичными,— тут же поправился живописец,— а самый сюжет, широкую панораму зажму в маленькое окно, то меня закритикуют, не поймут.

Николай вонзил в художника один из своих испытанных жестких взглядов.

— А что ты предлагаешь?

— Я работаю над «Осадой Пскова»,— ответил Брюллов,— и хочу верить, государь, что картина получится.

— Хорошо,— сказал сухо самодержец и нахмурился.

...До самой смерти Брюллов не забудет этого диалога, как до самой смерти не кончит огромную картину «Осада Пскова», которая никак не укладывалась в заданные историей Карамзина рамки.

Брюллова не удовлетворила история Карамзина. «Здесь все цари, а народа нет...»

Фальшивый посыл сложнейшей композиции огромного холста (Брюллов затеял картину больше «Помпеи»). Казенный характер заказа. Нажим, опека — все это было ненавистно живописцу. У него не уходили из памяти злые строчки эпиграммы Пушкина на историю Карамзина:

В его «Истории» изящность, простота
Доказывают нам без всякого пристрастья
Необходимость самовластья
И прелести кнута.

Словом, холст не задался...

Но этот эпизод в Зимнем лишь положил начало тягостным отношениям, наступившим между царем и «первой кистью России».

Брюллов по масштабам своего дарования стремился к монументальной живописи, к фреске. Ведь недаром он с успехом прошел школу Рафаэля. Но царь не понимал его. И когда после пожара Зимнего в 1837 году Брюллов просит царя дать расписать ему фресками стены дворца на темы великой истории России, то его хлопоты, кстати, горячо поддержанные поэтом Жуковским, не увенчались успехом.

Николай I ответил резким отказом. Он не понял, не поверил, что могучая кисть Брюллова могла бы создать фрески, превратившие стены Зимнего в уникальный музей, подобный Ватикану.

Первый живописец России глубоко и ясно мыслил. Он отлично понимал, что ему не сломать и не прошибить косность двора, недружелюбие самодержца, и он... исподволь, молча манкировал просьбами царя.

Ученик Брюллова Железнов рассказывает о прелюбопытнейшей «дуэли», состоявшейся между самодержцем и вольнолюбивым мастером.

— ...Николаю Павловичу очень хотелось, чтобы Брюллов написал с него портрет, но он долго надеялся, что Брюллов сделает ему удовольствие и сам будет искать чести оставить потомству его изображение. Наконец, утратив эту надежду, государь как-то раз, гуляя в Петергофском саду, случайно встретил Брюллова и сказал ему:
— Карл, пиши мой портрет.

Брюллова это не застало врасплох, он тут же ответил, что не взял с собой в Петергоф этюдника с красками.

Сеанс был отложен.

Царь назначил время для сеанса и опоздал на двадцать минут. Брюллов свернул этюдник и ушел.

Когда самодержец приехал и спросил, где художник, ему сообщили, что он не дождался.

— Какой нетерпеливый мужчина! — сказал в сердцах царь.

Фантастично, но портрет Николая I кисти Брюллова не был создан. Это тем более разительно, что живописец написал десятки превосходных портретов современников, поражающих своим мастерством и сделавших бы честь любому собранию мира.

Своеволие Брюллова обошлось довольно дорого русскому искусству. Дело в том, что художнику так и не удалось получить заказ на росписи, фрески с историческим содержанием. И наше искусство не имеет ни одной монументальной картины или фрески Брюллова, написанной на тему истории Руси.

Таковы факты...

КРАСНАЯ КОМНАТА

Как-то вскоре после приезда Брюллова в Санкт-Петербург Пушкин зазвал его к себе на ужин.

Приехали поздно. В доме тишина... Дети уже спали. Поэт спросил жену, говорят, еще не приезжала. Тогда Пушкин пошел в детскую, разбудил малышей и стал их выносить поодиночке на руках и показывать художнику, любуясь их румяными, хоть и заспанными личиками.

Брюллову вдруг стало очень грустно, ибо все рисовало, как он после вспоминал, «картину натянутого семейного счастья». Не утерпев, вдруг спросил у Пушкина: "На кой черт ты женился?.."

На такой вопрос едва ли мог ответить и сам Брюллов, который был женат всего несколько недель... Это была его трагедия, которая ему дорого обошлась, надолго выбила его из колеи.

Жизнь Брюллова была вся в работе, в живописи. Он другой себе ее и не мыслил. Просыпался и с раннего утра уходил в мастерскую, проводя долгий день в трудах, а к вечеру Петербург звал художника отправлять обязанности светского человека — первого художника России. И эти вечера, как правило, долгие, отнимали драгоценную энергию, опустошали душу. Брюллова окружала восторженная лесть, похвалы... Все это, может быть, кружило голову на первых порах, но потом стало просто мешать жить на свете. Художника вечно заманивали на приемы, ужины, пирушки.

Светский Петербург безумно скучал, и, получив такой редкий подарок в лице красивого, талантливого художника, покорителя Европы, он не выпускал много лет живописца из своих цепких объятий.

Брюллов умолял своих друзей: «Не пускайте меня к этим людям»,— но неумолимые законы «малого стада» вступали в силу, и снова светская ржа разъедала душу, отнимала силы.

Дом Брюллова, его мастерская были его единственным приютом, его маленькой крепостью, и он приложил много трудов, чтобы соответственно ее обставить. Художник очень любил горячие колера, особенно красные цвета.

Молодой Тарас Шевченко, тогда еще крепостной, впервые попав к Брюллову, был поражен красной комнатой.

Через прозрачные алые занавеси струился багряный таинственный свет солнца. Стены были покрыты пурпурными штофными обоями, диван обтянут кумачовым сафьяном... Сам хозяин встретил их в халате кораллового цвета, на мольберте стоял рисунок, сделанный красной сангиной.

Пунцовые солнечные блики играли на металле старинного оружия — щитах, мечах, копьях,— причудливо развешанных и расставленных в интерьере. Богатые рубиновые бархатные и рдяные атласные драпировки дополняли картину и, конечно, ошеломляли зрителя.

Кстати, эта красная комната стала для Шевченко как бы «символом свободы», ведь здесь он получил из рук друзей в о л ь н у ю, освободившую его от крепостного рабства. Думается, что известна всем со школьной скамьи история с выкупом Шевченко, когда Брюллов поставил на аукцион специально написанный портрет Жуковского и на вырученную сумму в 2 500 рублей добыл волю юному живописцу. Видите, как недорого стоила свобода человека в те далекие времена!

Брюллов работал, как одержимый. Есть много записей, рассказывающих о неистовом темпераменте живописца, о его феноменальной работоспособности. Вот несколько страниц из них:

Мы очень хорошо помним Карла Павловича, встававшего вместе с солнцем и уходившего в свою мастерскую, в то время когда он был занят этой картиной. Сумерки только заставляли Брюллова покидать кисть. Так длились с небольшим две недели, и художник до того горел желанием осуществить одну из страниц нашей истории, что, кажется, хотел бы обратить и ночь в день. Никто в это время не был допускаем в его мастерскую, несмотря ни на какие просьбы и ни на какое лицо. Брюллов страшно похудел в это время — одним словом, Брюллов работал...

К сожалению, эта картина, а речь идет об «Осаде Пскова», не была закончена мастером.

Натурщик, позировавший Брюллову, рассказывал, что, когда художник писал распятие, был сделан специальный крест и его весьма натурально, как и положено по легенде, распяли... Вдруг Брюллов уходит в другую комнату и не возвращается. Натурщик, чувствуя изнеможение, начинает звать его, кричать. Тот не показывается. Наконец от боли и усталости он потерял сознание и повис на кресте. Через несколько времени явился Брюллов и, оставшись доволен изнеможенным состоянием модели, с жаром стал писать с него этюд. Только кончив последний, он приказал снять свою «жертву».

Одним из редких качеств Брюллова была необыкновенная доброжелательность и отзывчивость к своим коллегам — художникам. Всем известно его отношение к Федотову, который, будучи молодым, начинающим живописцем, пришел к великому мастеру и нашел у него большую поддержку и внимание... Прошло несколько лет, и вот Федотов снова у Брюллова.

Вот выдержка из письма Федотова к Погодину от 19 мая 1850 года, после посещения тяжело больного художника.

«Милостивый государь, Михаил Петрович!
Извольте получить ответ на ваш вопрос. Перед тем, как представил я первые картины в Академию, я так давно не бывал у Брюллова, что и не видал, как он захворал и как дошел до отчаянного положения, в каком его находили и каким я сам нашел его, когда по его зову явился к нему с Баскаковым. Худой, бледный, мрачный, сидел он в вольтере; перед ним на полу приставленные к стульям мои две картины: «Кавалер» и «Разборчивая невеста». «Что вас давно не видно?» — был первый вопрос Брюллова. Разумеется, я отвечал, что не смел беспокоить его в болезни. «Напротив,— продолжал он,— ваши картины доставили мне большое удовольствие, а стало быть — и облегчение. И поздравляю вас, я от вас ждал, всегда ждал, но вы меня обогнали...»

Какую предельную честность и простоту души надо иметь, чтобы сказать всего лишь три слова: «В ы м е н я о б о г н а л и».

«АВТОПОРТРЕТ»

В один из серых петербургских дней, когда доктора разрешили Брюллову после семимесячной болезни покинуть постель, он попросил придвинуть вольтеровское кресло ближе к трюмо, потребовал принести в спальню мольберт, палитру, кисти. Вмиг наметил он на картоне рисунок головы, руку...

С вечера он повелел не пускать к нему на другой день никого!

«Автопортрет» Брюллова 1848 года... Художник на пороге пятидесятилетия. Живописец только что перенес тяжелую болезнь. Но не только недуг отнял у него краски лица и блеск глаз...

Усталость. Постоянная, неуходящая. Она залегла в тревожных складках крутого, чистого лба, она притаилась в пепельных, некогда блестящих золотых кудрях. Усталость во вздутых венах тонкой руки, плетью повисшей на подлокотнике кресла. Усталость в самом колорите полотна, в сочетании черных, красных, восково-бледных тонов.

Время... Зрелость. Пора жестоких переоценок, пора разочарований и потерь — вот истинные слагаемые этого образа...

Мастерство Брюллова в эти годы достигло совершенства. Его кисть поистине виртуозна. Ведь этот дивный портрет написан всего за каких-нибудь два-три часа! Живописец в одно касание решает тончайшие пластические задачи — и перед нами ш е д е в р!

Но почему же тогда глаза художника так безрадостны, почему в них нет сияния, удовлетворения творца, создающего чудо? Почему они так тревожны? Почему так пристально всматриваются они в зеркало?

Может быть, потому, что Брюллов впервые за всю полувековую жизнь, именно в эти два часа, именно в этот поистине всего лишь м и г так остро ощутил бег времени, так обнаженно оценил свои потери, так чутко понял суть безвозвратно упущенных лет. Может быть, в эти короткие часы перед художником промелькнула вся его жизнь?

...Многое не свершилось. Не сбылась заветная мечта художника оставить Родине картины, в которых была бы видна вся жизнь, самое сокровенное — судьба народа, великая история России... О, как он мечтал заткнуть глотку светской черни, болтавшей в своих золоченых бонбоньерках-салонах об угасании его таланта. О, как он мечтал уйти от мелочной и тем не менее тяжкой опеки царя, от оловянного, неотступного взора монарших глаз.

Но все это лишь мечты...

Снова наступит завтра. Наступят будни. И снова все быстрее и быстрее закрутится неумолимое колесо столичной жизни, пестрая череда успехов, неискренних похвал и соболезнований.

Два часа в жизни художника. Как это ничтожно мало и как это много, если вдуматься в с у т ь б ы т и я! Когда вдруг с ослепительной ясностью ощущаешь, что рок несет твою утлую ладью по воле недобрых волн и злого ветра и что у тебя самого нет сил остановить этот бег.

...Привычно ходит кисть по картону, и за считанные минуты на картине возникают черты больного, бесконечно усталого человека.

Бьют часы. В роскошной мастерской тихо. Шум Петербурга не проникает в этот приют муз. Но это только кажущийся покой.

Покоя нет!

Брюллов предельно одинок в этом огромном городе. Он одинок и неустроен, этот великий художник, покоривший Рим и заслуживший триумф на Родине. Он несчастлив, этот человек, которым восхищались тысячи людей, перед которым преклонял колени сам Пушкин!

Он одинок...

Такова неумолимая логика прожитой жизни. Он растерял истинных друзей. У него нет жены, нет подруги, нет детей, нет любимых верных учеников, продолживших его стезю... Или, может быть, это ему кажется? Нет, все так.

Один!

Горько, напряженно глядят на нас с «Автопортрета» глаза великого художника, создавшего прекраснейшие образы, воспевшего Человека во всей его красоте, восславившего Родину, отдавшего всего себя людям...

...Но мы знаем, что Брюллов не одинок... Об этом говорят сотни его великолепных творений — его детей. Об этом говорят сотни тысяч почитателей его таланта, всегда тесно заполняющих залы наших музеев, любуясь его шедеврами...

Брюллов с нами!

СТИХИ ГЕОРГИЯ ЛЕОНИДЗЕ

«Бессмертна связь родной земли с ее дитем — поэтом».

Эти слова мог сказать только поэт-патриот. Именно таким помнят и будут помнить Георгия Леонидзе все, кто знал его.

27 декабря исполняется 70 лет со дня рождения выдающегося грузинского поэта. Он ушел из жизни в расцвете творческих сил. В его письменном столе, в его записных книжках остались созданные в последние годы жизни стихи. Здесь печатаются некоторые из этих произведений.

ВЕЧНОЕ СИЯНИЕ

Мой стих!
На что ты годен? Пропади!
Бездомным будь и погибай
без смысла,
коль у поэта в слове и в груди
сердцебиенья родины не слышно.

Но если светится
резная вязь
твоих узоров
материнским светом,
то не истлеешь ты:
бессмертна связь
родной земли
с ее дитем — поэтом.

ПОЛЕВОЙ ЦВЕТОК

Царицу розу
мир прославил,
но ближе мне
цветок иной —
невзрачный,
скромный,
полевой,—
я для себя его оставил.
Кем прислан ты?
С каким желаньем?
И на какой возрос меже?
Ты дорог мне своим дыханьем
и сладостным благоуханьем,
но я не юноша уже.
Твой шепот сердце бередит,
а в этом сердце — что осталось?!

Уже маячит впереди
подобием дракона старость.
Небесный мой!
Твоя мольба —
моя последняя судьба.
Неужто не боишься ты,
что тяжкий плуг подрежет корни,
что облако на небосклоне
ударит градом с высоты!
Какая грусть в моей мольбе!
Ты все свое благоуханье
мне отдаешь — оставь себе!
Да минет черных дней дыханье
тебя
в твоей земной судьбе!

РТВЕЛИ

Какой богатый урожай!
Какое ртвели!
Ликуй, душа, и выражай
свое веселье!
Нельзя не петь
и не гулять
нельзя со всеми.
Будь славен, тамада Гулбат [1],—
заснуло время!
Я с вами, лозы, песнь спою,
и в общем хоре
всю душу выражу свою
на всем просторе.
Вино, чреватое огнем...
— Жизнь и победа!
Того грузином назовем,
кто пьет за это!

Перевел Станислав **КУНЯЕВ.**

---

[1] Гулбат Чавчавадзе — прославленный тамада прошлого века, символ совершенного тамады.

ГОД НОВОГО ДОМА

КВАРТИРА № 86

ТИХАЯ РАБОТА

— Работа у меня тихая,— начал свой рассказ глава семьи Менахмедовых Мерза Менахмедович.

— А где вы работаете?

— В пятнадцатом отделении московской милиции.

— Вот так тихая!

— Тихая и есть. Участок у нас спокойный. Вы спрашиваете про самые радостные события в этом году, а на нашем участке за весь 1969-й не то что преступлений не было, но даже ни одного серьезного нарушения не наблюдалось. Это для нас и есть самая большая радость. В нашем пятнадцатом отделении я с тридцать восьмого года работаю,— получается тридцать один год, ну, конечно, с перерывом на войну. Вернулся из армии в сорок шестом, и опять в свое отделение. Мотоциклистом был, а недавно нам новую технику дали, и я на патрульный автомобиль пересел.

В нынешнем году в милиции вообще немало нового: новую форму у нас ввели, зарплату увеличили.

— Готовитесь ли к встрече Нового года?

— А как же! Я его, как и обычно, на посту встречать буду. Так что вы уж празднуйте спокойно!

КВАРТИРА № 124

О ТЕПЛЕ И ХОЛОДЕ

Тут шла яростная шахматная баталия. Представитель страны, где родилась эта умственная игра, проигрывал, может быть, прямому потомку Афанасия Никитина, ходившего за три моря в Индию. Инженер Ранджан Чакраборти проигрывал своему тестю Павлу Даниловичу Жирякову, сварщику управления по монтажу холодильных и специальных установок. А Таня — дочь Жирякова и жена Чакраборти,— облаченная в экзотический индийский наряд, не знала, за кого ей болеть.

Мы спросили двадцатилетнюю Таню, давно ли она замужем.

— Очень давно, уже целых два года. Мы поженились, когда Ранджан был студентом университета имени Патриса Лумумбы, а я училась в техникуме легкой промышленности. Ранджан окончил университет и уехал на родину в Калькутту. А я его ждала. И только в этом году он вновь приехал в Советский Союз и поступил на работу в конструкторское бюро института Гипростроммаш. Этот год для нас очень радостный: я окончила техникум и с июля работаю начальником смены на фабрике-прачечной № 16.

— Ранджан,— поинтересовались мы,— а не страшит ли вас, уроженца знойной Индии, наша студеная зима?

— Нет, мне не холодно в России. Я привык к вашему климату за время учения.

— Правда, тут и я еще холода нагоняю,— рассмеялся Павел Данилович.— Наша задача как раз холод обеспечить. На телестудии в Останкине наше управление смонтировало установки, которые вырабатывают около трех миллионов килокалорий холода в час. По всему Союзу наши монтажники ездят. Я вот несколько месяцев пробыл в Гродно. Там строится завод по производству капролактама.

Когда мы уходили, шахматное сражение возобновилось.

КВАРТИРА № 45

НАМ СВЕРХУ ВИДНО ВСЕ...

Леонтий Федорович Курцев — пенсионер, человек заслуженный! Квартиру дали ему. Много лет работал по снабжению строек Москвы. А вот сын Виталий по его специальности не пошел, выбрал аэрофотосъемку. И у жены та же профессия. Только она ее сменила, стала мелиоратором. Но прежняя профессия пригодилась. Сейчас Регина Витольдовна готовит кандидатскую диссертацию, тема которой — использование материалов аэрофотосъемки в борьбе с эрозией почвы. Как в песне: «Нам сверху видно все». Нынешний год у нее ознаменован, в частности, тем, что в научных трудах института инженеров землеустройства, где она сейчас работает, опубликована ее статья «Использование мелиорированных земель в Московской области». С этой статьей связана памятная командировка в подмосковный совхоз «Заря коммунизма». Там затеяли интересное дело. Начали орошать долголетние пастбища. Дождевальной установкой производят три полива в лето. Все затраты окупились за год. И кормов стало намного больше. Сейчас уже под орошением 123 гектара, а к 1975 году их будет в совхозе 900. Регина Витольдовна говорила о своей поездке с таким увлечением, что было ясно: не зря она сменила профессию.

ВЫДАЮЩЕЕСЯ ДОСТИЖЕНИЕ

Академик Б. РЫБАКОВ

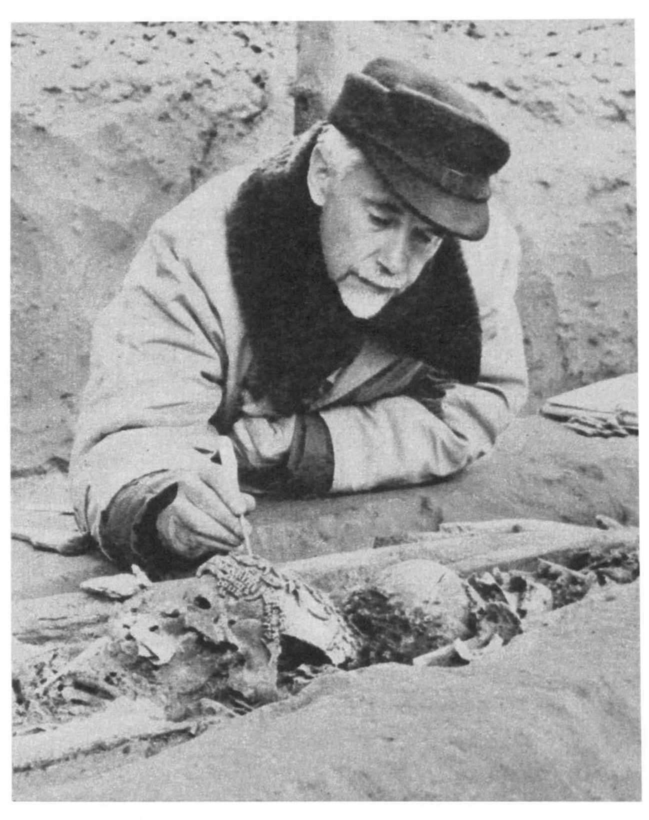
Итоги археологического года. О них по просьбе нашего корреспондента рассказывает директор Института археологии АН СССР академик Б. А. Рыбаков:

Археологи нашей страны могут быть довольны итогами уходящего года. Более трехсот археологических экспедиций и групп работали во всех уголках нашей Родины. Ученые только нашего института вели раскопки в 60 пунктах!

Среди наиболее интересных хотелось бы упомянуть так называемые новостроечные экспедиции. Мы кооперируемся со строителями больших электростанций, плотин, каналов, заводов и ведем раскопки там, где они производят крупные земляные работы. Такими были Чебоксарская, Воронежская, Алтайская, Саяно-Тувинская, Украинская, Красноярская экспедиции. Некоторые из них принесли очень интересные и важные находки. Украинские археологи, работая в содружестве со строителями, раскопали более двухсот скифских курганов. И в одном из них обнаружили богатейшее захоронение — «царский курган». Впервые в советский период найден такой клад золотых, серебряных украшений, сбруи и утвари.

Очень интересными были зарубежные экспедиции советских археологов. Наши ученые плодотворно работали в Ираке — в Северной Месопотамии, занимаясь исследованиями земледельческих поселений VI—V тысячелетий до нашей эры; в Северном Афганистане; в составе советско-болгарской экспедиции в Болгарии, советско-монгольской экспедиции в Монголии.

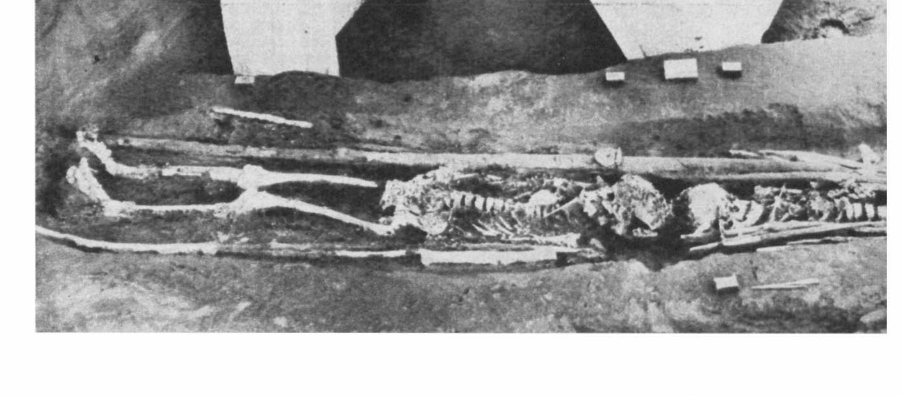
Но, несомненно, находку, совершенную в этом году доктором исторических наук Отто Николаевичем Бадером, я бы назвал самым выдающимся достижением. Это — событие мирового значения, и за последние десять—пятнадцать лет я вряд ли смогу назвать нечто равное в археологии древнего каменного века.

Профессор О. Н. Бадер.

ПАЛЕОЛИТИ КРЕПКИЙ Н

Марк БАРИНОВ

В 1958 году экскаваторщик Владимирского кирпичного завода, разрабатывая глиняный карьер на ручье Сунгирь, что неподалеку от Владимира, зачерпнул ковшом какие-то кости, угольки, камешки странной формы. Рабочий остановил свою машину, собрал находки и отнес в краеведческий музей.

Так была открыта знаменитая палеолитическая стоянка Сунгирь, о которой уже написаны десятки научных статей и книг, стоянка, ставшая эталонным памятником эпохи палеолита — древнего каменного века, отделенного от нашего времени двадцатью пятью тысячелетиями. О значении Сунгиря можно судить по одному лишь факту — специальный международный симпозиум с участием нескольких десятков крупнейших специалистов: археологов, антропологов, геологов и палеонтологов из многих стран мира — проходил прямо на месте раскопок.

Руководит сунгирьской экспедицией Института археологии Академии наук СССР доктор исторических наук, профессор О. Н. Бадер.

В 1964 году он совершил важное открытие на Сунгире. Была обнаружена могила одного из хозяев этой древнейшей на нашей русской земле стоянки. Снова волна острого интереса прокатилась по всему научному миру. Известный археолог и антрополог, доктор исторических наук Михаил Михайлович Герасимов взялся реконструировать внешний облик сунгирьца, а руководитель палеолитической инженерной лаборатории профессор С. А. Семенов приступил к исследованию многочисленных украшений, оружия и орудий, найденных на стоянке. В комплексное изучение памятника включились геолог и палеонтолог из Геологического института Академии наук СССР профессор В. И. Громов, палеоботаник академик В. Н. Сукачев, антрополог профессор Г. Ф. Дебец.

Почему же Сунгирьская стоянка представляет такую ценность и что нового дало ее изучение для науки?

25—30 тысяч лет тому назад Владимирщина являла собой северную окраину. Всего в каких-нибудь ста — двухстах километрах от этих мест еще находилась граница отступающего на север великого ледника. А здесь расстилались неприветливые, холодные просторы лесотундры, на которой то тут, то там виднелись небольшие рощи невысоких берез, елей, осины. Равнину прорезали широкие полноводные потоки, соединявшие между собой многочисленные озера, оставленные ледником. А под тонким слоем почвы лежала вечная мерзлота. Множество зверя, мелкого и крупного, обитало на равнине: от мамонта до песца, от пещерного льва до зайца.

Ученые считали, что и здесь могли в ту эпоху селиться и успешно существовать люди — наши далекие предки и земляки. Но до Сунгиря это оставалось во многом предположительным.

И наконец, находка захоронения палеолитического человека — это вообще величайшая редкость.

Сунгирьская находка поставила перед учеными ряд вопросов, на которые ответов нет до сих пор. Вот, например, обнаружен наконечник копья, которые в то время выделывались только в Центральной Европе — где-то в районе нынешней Чехословакии. Как он попал сюда? Не говорит ли это о далеких путешествиях «палеолитиков»? Или еще — многие предметы, найденные на стоянке Сунгирь, как две капли воды походили на такие же предметы, найденные в Костенках — стоянке, открытой на Дону. Значит, существовали связи между людьми палеолита, жившими на больших расстояниях друг от друга. Но какие? Между прочим, среди нескольких захоронений в Костенках

Головной убор истлел, сохранились бусы из мамонтовой кости, украшения из клыков песца.

Фото Г. Шлионского.

Так выглядит погребение мальчиков эпохи палеолита.

КИ-
АРОД

обнаружена могила негроида. Откуда палеолитический негр на Дону?

...Мы изредка встречались с Отто Николаевичем, каждая встреча выливалась в долгую беседу. Профессор Бадер, несмотря на свои шестьдесят шесть лет, всегда бодр, деятелен, неизменно вежлив, внимателен и предельно загружен работой. Кроме Сунгиря, он вел большие исследования на Урале в знаменитой Каповой пещере. Археологи считали Бадера удачливым, верили, что у него особый и редкий дар на великолепные археологические находки. «Он за свою жизнь сделал столько открытий, что их хватило бы на дюжину археологов»,— говаривали мне о нем. Однажды я завел об этом разговор с Отто Николаевичем. Он дал скромное, короткое пояснение своей «везучести». Это пояснение сводилось к следующему: во-первых, он сын лесничего, родился, вырос и воспитывался на природе. И потому до сих пор, попадая в поле, в лес, ощущает там себя дома, а в Москве, в обстановке института или даже своей квартиры, он чувствует себя неуютно, стремится поскорее за город. Во-вторых, он просто считает, что надо работать, а не говорить о работе. Вот и все.

Мы беседовали с ним этой весной. Я задал тогда Отто Николаевичу вопрос: когда же он завершит работы на Сунгире? Ведь все, что можно было раскопать, уже раскопано, стоянка прославлена на весь мир... Я знал, что Отто Николаевич связан большой дружбой с владимирскими краеведами, и при доброжелательном отношении областных руководителей они намечают построить павильон над раскопками, реконструировать стоянку в том виде, в котором она была 25 тысяч лет тому назад,— словом, создать на этом месте музей.

Мой собеседник согласился, что в основном стоянка раскопана, что пора вплотную думать о создании павильона, но в голосе его я уловил какое-то колебание. «Вы не уверены в том, что все интересное там уже найдено?» — впрямую спросил я. Отто Николаевич ответил, что хочет еще покопать в этом году немного... Мы расстались. Он уехал к себе на Сунгирь. И вот недавно Бадер срочно пригласил меня к себе. Я немедленно выехал.

Это место расположено на высоком пологом взгорье. Сзади виднеется панорама Владимира, впереди белеют купола Боголюбова, справа, среди бесконечных пойменных лугов, возвышается знаменитая церковь Покрова на Нерли. Сердце России...

Ветер гнал по небу низкие тучи, вокруг белел выпавший за ночь снег, было холодно, неуютно. Голые деревья группами виднелись вокруг. Мне подумалось, что вот такая же картина была, наверное, обычной и нормальной для палеолитического лета. Только мамонтов вокруг не видно... А вот и стоянка. Сейчас она особенно неприглядна. Большие ямы, площадки на глубине нескольких метров, теплушка на колесах в стороне, а в самом центре раскопок — дощатый сарай, углубленный в землю. Мне сказали, что Отто Николаевич там, внизу. Я спустился, отворил дверь и замер.

Я забыл, что вокруг поле, перелески, хмурое осеннее утро. Внизу, в четырех-пяти метрах от поверхности земли, в центре помещения, возвышалось нечто вроде постамента с низкими бортами из земли. Длиной около трех метров, шириной около метра. На этом постаменте, или земляном столе с бортами, я увидел два детских скелета, лежащих тесно, голова к голове, ногами в противоположные стороны. Скелеты были богато украшены всевозможными изделиями из кости, а возле них находились какие-то очень длинные костяные предметы. Я понял, что передо мной новая, какая-то совершенно поразительная находка Отто Николаевича. А он сам сидел на краю этого постамента и, склонившись над скелетами, осторожнейшим образом тонкой кисточкой очищал какое-то украшение.

Мы поздоровались, и я горячо поздравил его с великолепной победой.

Летом у Бадера работало около ста человек. Не подумайте, что это были платные, штатные сотрудники. Отнюдь! Археологу надо быть не только специалистом в своей области, но и агитатором, пропагандистом своего дела, для того чтобы зажечь и увлечь за собой добровольцев-студентов и школьников. Для того, чтобы углубиться на 25 тысячелетий в прошлое, Бадеру и его молодым друзьям и помощникам пришлось перебросать перочинными ножами и кисточками тонны земли! Опускаясь по миллиметру в глубину, они как бы спускали воду из бассейна, обнажая лежащие на дне сокровища.

И вот в августе были обнаружены первые следы захоронения. Археологи, снимая один тончайший слой за другим, в течение месяца вскрывали древнюю могилу и наконец открыли ее во всем великолепии.

Два мальчика, уложенные голова к голове. Одному из них было 7—8 лет, другому — 12—13. Поразительное богатство могилы потрясло даже такого видавшего виды археолога, как Отто Николаевич. Великое множество бусин из бивня мамонта. Они были расположены так, что специалисты по контурам, намеченным бусами, могут составить представление о костюмах, надетых на детей. О. Н. Бадер считает, что это были меховые куртки типа наших северных кухлянок, только без капюшона, меховые брюки и меховые сапоги вроде наших унтов. Кроме того, на мальчиках были широкие меховые плащи-накидки, которые скреплялись на груди тонкими изящными булавками из мамонтовой кости.

До сих пор представление о костюме палеолитического человека было недостаточным. Но чудесные открытия в могиле юных сунгирьцев только начинались. На головах мальчиков, очевидно, были надеты великолепно украшенные шапки. Я увидел рядами лежащие на черепах бусы из бивня мамонта, а сверху — просверленные клыки песца, видимо, пришитые на шапке, а на самом темени — тонкое кольцо из кости, которым стягивались либо волосы мальчика, либо хвосты песцов на шапке.

Нужно было обладать огромной тягой к украшению своей одежды, своей жизни, чтобы в тех условиях холода, борьбы со стихиями и дикими зверями отдавать массу времени и сил на такое чудовищной трудоемкости занятие, как приготовление этой бездны бусин!

На пальцах мальчиков были костяные перстни — по нескольку на каждом — совершенная новость для археологов! А на руках изящные браслеты из кости. Но самое главное и самое удивительное оказалось рядом. Возле скелетов Бадер обнаружил какие-то длинные предметы. Не веря своим глазам, ученый был вынужден признать, что это копья, сделанные из цельной кости! А ведь до сих пор знали только наконечники. Но чья же это кость длиной в два с половиной метра?! Ответ мог быть только один — бивень мамонта! Отто Николаевич пришел к поразительному выводу: люди палеолита не только расщепляли и обрабатывали бивни мамонта, но и, размягчая, выпрямляли их! Подобного наука не встречала нигде в мире! Было обнаружено еще множество дротиков и кинжалов из бивня мамонта, другие костяные украшения, оружие. Таинственные тонкие диски с прорезями найдены возле висков каждого мальчика, костяная лошадка, как две капли воды похожая на ту, которую Отто Николаевич нашел на стоянке несколько лет тому назад, и другие предметы.

Каков же вывод из нового поразительного открытия профессора Бадера? О выводах можно говорить только в самом первом приближении. Находка еще ждет тщательнейшего исследования. Но уже теперь, как утверждает О. Н. Бадер, мы должны будем многое переменить в наших представлениях о людях древнего каменного века. Мы можем сказать, что мир этих людей, несмотря на все трудности, с которыми они повседневно сталкивались, был значительно богаче и ярче, чем мы представляли себе прежде. «Палеолитики были крепкими людьми, хорошо приспособленными ко всем трудностям,— сказал О. Н. Бадер,— наши далекие предки знали и умели гораздо больше, чем мы могли себе представить до сих пор. Особенно поражает богатство их духовной жизни. Этот сложный ритуал захоронений, эта изысканность украшений, эта великолепная техника обработки кости и камня. Я не сомневаюсь теперь, что они имели в своем распоряжении огромное количество деревянных орудий и украшений».

Мы с Отто Николаевичем много беседовали о далеком прошлом нашей Родины, и постепенно передо мной вырисовывалась картина жизни в палеолите.

Людей в то время вообще на нашей планете было совсем немного. По приблизительным подсчетам ученых, на территории Европейской части СССР обитало тогда тысяч пятнадцать человек — не более. По предположениям антропологов, наши далекие предки тех времен были уже полностью сформировавшимися — и внешне и внутренне — представителями «Гомо сапиенс» — «Человек разумный». Они селились по рекам в небольших (по 70—100 человек) поселениях — стоянках и занимались главным образом охотой. Они очень искусно умели изготавливать орудия и оружие из камня и бивня мамонта и костей других крупных животных. Они были крупными и сильными людьми, отважными и находчивыми — крепкий народ!

Я слушал Отто Николаевича и думал о двух вещах. Думал о том, что вот теперь, увидев воочию своих древних предков, как бы прикоснувшись к их жизни, мы глубже поймем корни высокой любви к прекрасному, совершенного мастерства, которым мы восхищаемся в творениях более позднего периода — хотя бы в замечательных памятниках, со всех сторон окружающих Сунгирь. И еще я думал о том, что если бы сам Отто Николаевич не был бы так одержим этой высокой любовью, никогда не увидели бы мы того, что открыл людям его труд, талант и терпение.

Николай АСАНОВ,
Юрий СТУРИТИС

РОМАН

Рисунки В. ВЭТРА.

ЧАЙКИ ВОЗВРАЩАЮТСЯ К БЕРЕГУ

29

Малый Джон, ожидавший возвращения Лидумса в американской шпионской школе, был чрезвычайно мрачен. Лидумс, настроенный на веселый лад после окончания маневров, которые ему изрядно надоели, спросил:

— Не лопнула ли ваша фирма по торговле затопленными кораблями?

— Если бы...— загадочно ответил Джон. Но рядом стояли Биль и Альвирас, и он замолчал. Только когда молодые ученики поднялись к себе, сказал:

— Переоденьтесь, Казимир, поедем в город...

Малый Джон молча вел машину. Лидумс, искоса разглядывавший его, заметил, как тот сжал челюсти, словно боялся проговориться раньше времени.

Остановились у знакомого кабачка, где уже бывали несколько раз.

Но и за столиком Малый Джон отдал только несколько распоряжений. Официант принес сразу две бутылки «корна», боквурсты — толстые свиные сосиски, две деревянные кружки пива по литру в каждой. Похоже было, что Малый Джон решил основательно напиться.

Презрительно смерив взглядом маленькие рюмки, Малый Джон приказал заменить их бокалами. Официант, удивленно глядя на иностранцев, принес рюмки побольше. Малый Джон налил себе и Лидумсу, сказал:

— Когда пьют за упокой, кажется, не чокаются...— и выпил.

Лидумс накрыл свою рюмку ладонью, требовательно спросил:

— Что случилось, Джон?

— Катер Клозе был обстрелян русскими. Из десяти человек, составлявших десант, Будрис принял только трех наших разведчиков и двух гребцов лодки, которые не смогли вернуться на катер.

Это было так неожиданно, что Лидумс невольно потянулся к рюмке. Джон налил свою снова и выпил в мрачном молчании.

— Есть какие-нибудь подробности?

— Да. Мне только что переслали радиограммы Будриса. Читайте! — Он швырнул несколько листов бумаги на стол.

Это действительно были копии радиограмм Будриса.

«Операция прошла крайне неудачно. Мы приняли только пятерых человек. Немедленно радируйте, вернулся ли катер на базу и находятся ли на нем не найденные нами три друга и два их спутника...» Лидумс взглянул на Малого Джона, спросил:

— Сколько же их десантировалось?

— По три человека на двух лодках и по два гребца на каждой...

— Остальные вернулись? Катер уцелел?

— Катер в ремонте. Одна лодка исчезла. Но вы читайте, читайте!

Лидумс снова вернулся к радиограммам. Будрис жестоко порицал Лидумса за плохо подготовленную операцию. Лидумс молча показал эти строки Джону.

— Не беспокойтесь. Маккибин был вынужден сообщить Будрису, что операция готовилась без вашего ведома. Таким образом, «олл рискс», то есть все неприятности, «Норд» принял на себя.— Он даже не улыбнулся. По-видимому, эти «олл рискс» были непривычны для «Норда».

Лидумс взял следующую радиограмму. Он пытался угадать, что же происходило в ночь на двадцать седьмое марта там, на побережье Курляндии?

Будрис сообщал в следующей радиограмме, что чекисты провели несколько бесед с местным населением о повышении бдительности. Из этих бесед стало ясно, что чекисты обнаружили полузатонувшую резиновую лодку на три — пять человек, но ни трупов, ни каких-либо грузов ни в ней, ни вокруг, ни на дне, куда спускались водолазы, не обнаружили. Они считают, что людям удалось перебраться с лодки обратно на катер, но катер был подбит и, возможно, утонул, так как поблизости найдены соляровые и мазутные пятна...

Итак, предупреждение Лидумса поспело вовремя. Конечно, вторая лодка была просто захвачена, а затем инсценировано «потопление». Недаром же Будрис так яростно «нападает» именно на Лидумса, «не обеспечившего проведение операции»... Таким образом, Лидумс получает отличное алиби: он предупреждал, что в такое время года опасно проводить морскую операцию. И Малый Джон это знает. Поэтому Малому Джону и поручили сообщить Лидумсу о провале десанта и о том, что к этому провалу Лидумс отношения не имеет. В противном случае Малый Джон настоял бы на немедленном возвращении в Лондон и не показывал этих злополучных радиограмм. Лидумс взял снова наполненную Джоном рюмку, выпил ее, сказал грустно:

— Такова наша жизнь!

Помолчав немного, спросил:

— Нам, вероятно, надо поспешить в Лондон?

— Чтобы утешить шефа? — язвительно спросил Джон.— Я говорил с ним по телефону. Это железный человек! Он приказал закончить все необходимые тренировки. Впрочем, возможно, он надеется, к нашему возвращению в Лондон вы уже успокоитесь и не станете обвинять его в неосмотрительности. Но мне действительно было бы неприятно смотреть сейчас на его похоронную мину. Этот лицемер умеет притворяться, когда нужно. Но если следующими на очереди в рай окажемся мы с вами, он вполне прилично оплачет и нас!

Малый Джон говорил правду. И Лидумс понимал его желание забыться. Они просидели в кабачке до самого вечера, и Джон то бранил Маккибина, то сетовал на свою судьбу, которая заставила его служить в разведке. Только когда Лидумс напомнил, что он должен передать Маккибину телеграмму о своем отношении к этой трагедии, Джон согласился встать из-за стола.

Они заехали в отель «Альдона», и Лидумс составил короткую, но суровую радиограмму для Маккибина, в которой порицал руководство «Норда» за непродуманную операцию и за то, что в результате «Норд» рассорил своего советника с Будрисом. С точки зрения Лидумса, Маккибин должен был подтвердить Будрису, что в неудаче повинен именно «Норд», так как в подготовке операции Лидумс не участвовал. Там же он прибавил, что просит немедленно отозвать его в Лондон, чтобы обсудить создавшееся положение вместе с руководством «Норда».

Джон, прочитав его радиограмму, сказал, что приказ о возвращении у него в кармане, но предупредил, что американцы считают необходимым перед окончанием школы обязательно пройти еще медицинскую программу. Для Лидумса, Альвираса и Биля уже приготовлены медицинские сумки: они должны пройти в течение двух недель врачебную подготовку в том же примерно объеме, в каком обучаются «медики» из войск специального назначения... После этого он отвез Лидумса в школу. Обучение должно было начаться с завтрашнего дня.

Врач жил в юго-западной части Мюнхена в отдельном доме, окруженном большим садом. «Воспитанников» доставили к нему Эал, майор Айрон и Малый Джон. Айрон, оплативший свое проигранное пари пышным ужином в честь «мистера Казимира», теперь относился к Лидумсу с невольным почтением. Да и Малый Джон, по всей видимости, рассказал американцам, что мистер Казимир совсем не простой шпион, а идейный противник русских из хорошей семьи, наследник крупного судовладельца...

Эта все возрастающая почтительность и забавляла Лидумса и помогала ему. Он почти совсем избавился от надзора...

Американцы и Малый Джон, представив врачу участников группы, уехали развлекаться, а врач принялся знакомить новых учеников с содержимым медицинской сумки и с теми мерами первой помощи, кото-

---

Окончание. См. «Огонек» №№ 43—51.

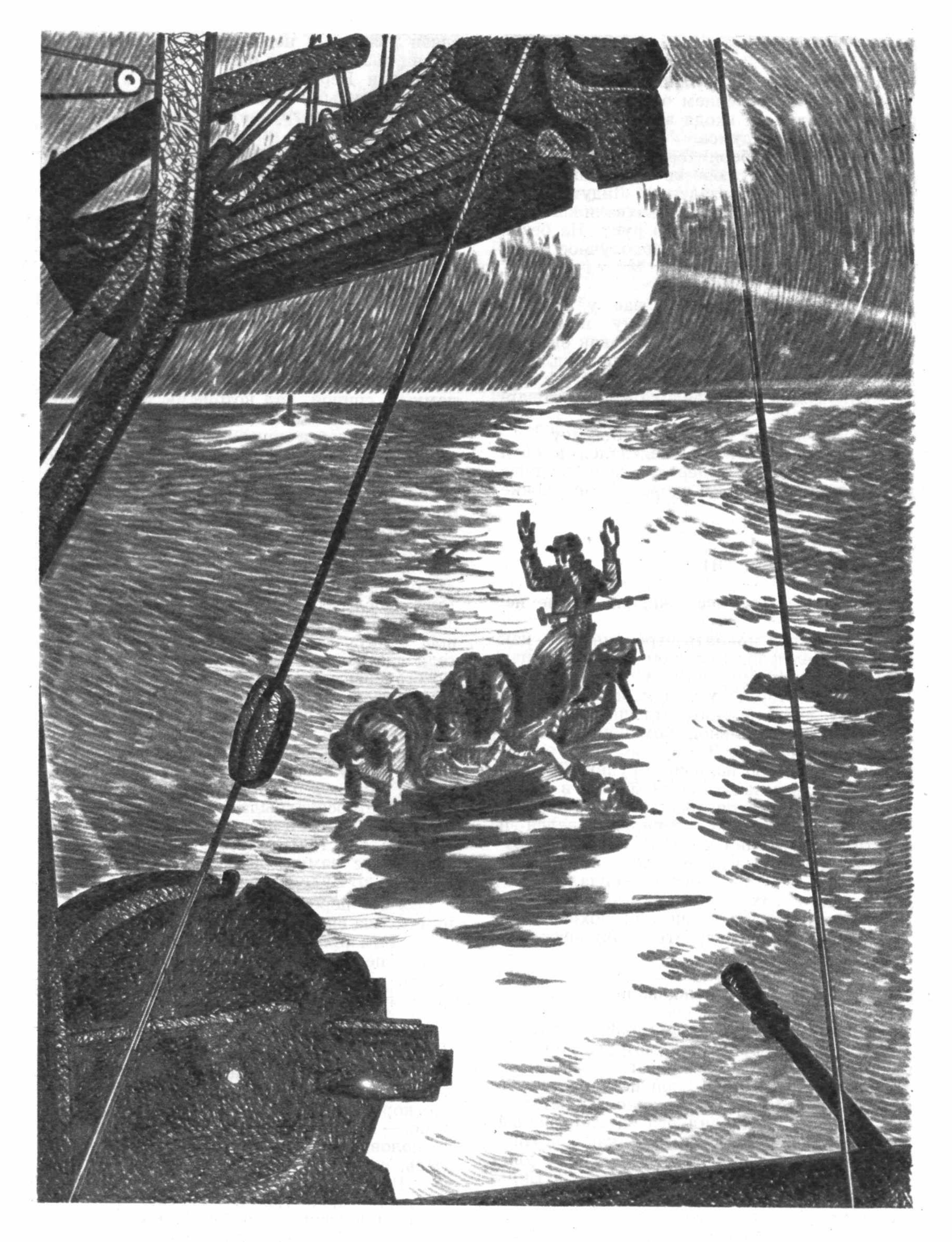
рые нужно применять при переломах, огнестрельных ранениях, длительной голодовке, нечаянном отравлении недоброкачественной или непривычной пищей. Лидумс со скрытой усмешкой наблюдал, как все больше мрачнели его спутники, примеряя, так сказать, на себя все приобретаемые познания. Кому хочется ломать ноги или руки, быть подстреленным или отравленным? Но сам Лидумс относился к новым занятиям с полной серьезностью: мало ли что могло еще случиться с ним и с теми, кого он будет охранять в Латвии, когда вернется домой?

Занятия обычно продолжались весь день, а вечером за учениками приезжал Эал и вез их в ночной Мюнхен «развлекаться». Только эти развлечения и помогали Билю и Альвирасу скрывать все более нараставшую душевную тревогу. Ясно было, что скоро им предстоит применить на деле свои познания в шпионском ремесле. Они тоже с удивлением и почтением поглядывали на своего старшего товарища, который ничем и никогда не показывал ни страха, ни простой обеспокоенности.

В последний день занятий доктор «принимал экзамен» по оказанию помощи с применением искусственного дыхания. Лидумс, улыбаясь про себя, попросил врача проверить, достаточно ли умело справляется с этим мудреным делом. Врач, ничего не подозревая, улегся на пол, а Лидумс, нажимая коленом на его живот, принялся сгибать его руки. «Вот так выглядит и моя миссия к вам,— посмеивался он в душе.— Вы лежите под моим коленом на полу, все вместе, и англичане и ваш старший партнер, и руки ваши схвачены моими руками!..»

В конце концов доктор взмолился о пощаде, и Лидумс отпустил его. На этом измочаленный доктор прекратил занятия и отпустил непочтительных учеников.

После этого началась подготовка к возвращению в Лондон.

30

Начальник английской разведывательной школы отныне взял новых выучеников под постоянный контроль.

Под его наблюдением готовились они и к выброске воздушного десанта. Биль, Альвирас и Лидумс наполнили мешки песком, уложили эти мешки в плетенные из железной проволоки корзины, обшитые брезентом. Всего получилось полторы тонны груза, по двести пятьдесят килограммов для Биля и Альвираса и тонна — для Будриса. Репетицию высадки десанта повторяли несколько раз. Генеральная репетиция должна была произойти в Англии, недалеко от загородной шпионской школы.

Вылет был назначен на первое апреля, но погода оказалась нелетной. Кончилось тем, что шпионы при благосклонном участии начальника всю ночь слонялись по злачным местам Мюнхена.

Утром второго апреля их доставили на знакомый уже аэродром в Фюрстенфельдбруке, где их ожидал самолет. Он взял курс на Англию.

После долгого полета приземлились неподалеку от Лондона на военном аэродроме. Там их встретил Малый Джон; он предпочел путешествовать с большим комфортом на пассажирском самолете. Малый Джон взял личные вещи участников группы, мило помахал им рукой и пообещал ждать их в школе.

Репетиция воздушнодесантной операции началась в 21 час. Самолет поднялся в воздух, хотя был сильный, порывистый ветер. На замечание Биля о том, что при таком ветре прыгать опасно, начальник школы философски заметил, что не волен выбирать погоду ни для тренировок, ни для настоящего прыжка в тыл противника. Биль умолк, только с опаской поглядывал в темное окно самолета.

Эта репетиция проводилась в максимально приближенных к подлинной десантировке условиях. Каждый получил оружие, рацию, шанцевый инструмент. Сначала выбрасывался «личный» груз Альвираса и Биля, затем прыгали они сами. После приземления они должны были спрятать парашюты, отыскать в темноте груз — двухсотпятидесятикилограммовые корзины, отметить местонахождение груза и спрятать его, затем сделать двадцатикилометровый бросок в намеченное на карте место встречи, а во время броска установить связь с центром по рации.

Задание, предложенное Лидумсу, было куда легче. Он должен был проследить за выброской груза для Будриса, на следующем круге выброситься и отыскать этот груз, а затем направиться прямо в здание разведывательной школы.

Лидумс приземлился довольно точно и скоро отыскал свои корзины. Упаковка уцелела, хотя «груз» вынес довольно сильный удар при приземлении. Погасив грузовые парашюты и сориентировавшись на местности, Лидумс быстро добрался до базы. Там его встретили начальник школы, Малый Джон, два специалиста по ведению подрывной войны и еще несколько человек, которых он не знал. Начальник тут же сообщил, что выброска десанта прошла успешно: Биль и Альвирас сумели встретиться и уже передали на базу первые радиограммы. Вернутся они днем, машина уже ждет их в условленной точке. По поводу успешного окончания парашютных тренировок в школе был устроен парадный ужин, на который начальник пригласил и «мистера Казимира».

Утром Малый Джон уехал в Лондон («с отчетом»,— сказал он), пообещав как можно быстрее вытащить туда же и Лидумса. Но начальник школы имел на «мистера Казимира» свои виды. Едва Малый Джон уехал, как начальник повел Лидумса в стрелковый тир.

В стрелковом тире, довольно обширном подземном убежище со стендами и мишенями, с бетонными укрытиями для стрелков, их уже ожидал инструктор по стрельбе и оружию сержант английской службы, назвавшийся Альбертом. Альберт выдал Лидумсу для испытаний десяток пистолетов разных систем и автомат «Стенган». Лидумс должен был изучить и пристрелять это оружие, чтобы определить, какие системы лучше всего подходят для применения в лесных условиях Латвии. Во время испытаний оружия Альберт и сам начальник школы тщательно следили, чтобы Лидумса не увидел никто из шпионов, проходивших специальное обучение в той же школе. Одним

словом, это опять была тюрьма, и понятно, как обрадовался Лидумс, когда поздним вечером за ним приехал Малый Джон.

— Вас с нетерпением ожидает мисс Нора! — пошутил он, входя в заваленную оружием комнату Лидумса.

— Ах, черт побери! Я и забыл о подарке для нее! Она так любезно проводила меня в эту поездку! — спохватился Лидумс.

— Зато я вспомнил! — похвалился Малый Джон и показал левую руку. На безымянном пальце сверкало злополучное кольцо с аквамарином.

— Когда это вы успели?

— Кольцо уже ожидало нас у английского ювелира по указанному немецким скупщиком адресу. Я побоялся, как бы ювелир не соблазнился каким-нибудь предложением, и поторопился забрать его. Прошу вас! Это может быть великолепным подарком для Норы!

Он снял кольцо и передал Лидумсу.

Лидумс торопливо переодевался в свой штатский костюм... Впереди были трудные дела. Он надеялся на скорое возвращение в родную страну.

31

В Лондоне Лидумса ожидали новые испытания.

Он еле успел принять утренний душ, как зазвонил телефон. Большой Джон обещал быть через четверть часа. С точки зрения Лидумса, в «Норде» могли бы и не спешить, дать ему хоть немного отдышаться после долгой и утомительной командировки. Но сказать Большому Джону об этом он не успел: тот быстро положил трубку. Вот эта торопливость и наводила на мысль: в «Норде» опять что-то стряслось.

Лидумс торопливо побрился, оделся и спустился в нижний холл. Во время его отсутствия порядок в доме оставался неизменным, бар был полон, завтрак ожидал на столе, приятно пахло свежим кофе: миссис Пегги заслуживала всяческих похвал. Лидумс едва успел проглотить чашку кофе, как появились гости.

Большой Джон показался Лидумсу хмурым, а Вилкс, сопровождавший шефа, был вообще мрачен. Он молча поздоровался с Лидумсом и сразу ринулся к бару, чтобы не мешать Большому Джону, который, как понял Лидумс, приехал с дурными новостями.

Впрочем, Большой Джон не торопился с этими новостями. Он радушно приветствовал Лидумса, похвалил его за спортивный вид, принялся расспрашивать, как понравилось ему в Германии, что любопытное увидел он у американцев, как вели себя Биль и Альвирас... Вилкс очень кстати приготовил всем троим виски со льдом.

Лидумс держался непринужденно, курил, вытянувшись в кресле, хотя его и подмывало спросить: что произошло в «Норде»?

Но вот Большой Джон, по-видимому, принял какое-то решение. Он отставил пустой бокал и, глядя прямо в глаза Лидумсу, сказал:

— Ваш знакомый Петерсон убит в Латвии, под Ригой...

Лидумс вздрогнул и тоже отставил бокал. Напрягшись, подавшись вперед в кресле, он, не мигая, глядел на Большого Джона. Тот понял этот ожидающий объяснений взгляд, махнул рукой, как будто не знал, что ответить, и попросил Вилкса:

— Налейте мне чистого, Вилкс. И Казимиру тоже.

Все трое выпили молча, как на поминках. Большой Джон сказал:

— Я просил Силайса, чтобы он сам сообщил вам эту печальную весть, но Силайс в полной прострации.

Вилкс угрюмо добавил:

— Силайс сам обучал Петерсона. И не напрасно: Петерсон много обещал в будущем. Спокойный, храбрый, решительный человек. У него остались жена и ребенок. Они пока ничего не знают.

— Но, может быть, это ошибка? — неуверенно спросил Лидумс.

— К сожалению, нет,— сказал Большой Джон.— Петерсон мог по расписанию радиосвязи дважды в неделю выходить в эфир. Месяц назад связь с ним прекратилась. Мы запросили Бертулиса, Делиньша и Будриса о его судьбе. Признаться, мы особенно беспокоились о группе Будриса: Петерсон знал все их базы, и, если бы он попал к чекистам, нашим друзьям пришлось бы чрезвычайно трудно. Вот ответ Будриса...

Он вынул из своего портфеля большой лист бумаги и передал Лидумсу.

«У нас дома все спокойно,— читал Лидумс.— Относительно нашего друга удалось выяснить следующее.

Вечером двадцать восьмого марта на Рижском взморье, в районе Дзинтари, проходили какие-то воинские учения. На улицах появились крытые автомашины с выдвижными антеннами, передвигались в разных направлениях солдаты с большими ранцами за спиной, над которыми тоже виднелись антенны. Несколько улиц были перекрыты военными грузовиками и регулировщиками с красными флажками. Внезапно на одной из дач в конце поселка поднялась стрельба. Стрельба продолжалась примерно минут пятнадцать. Начало стрельбы фиксируется по-разному: от двадцати одного часа пятнадцати до двадцати одного часа тридцати. К даче подошли несколько машин «Скорой помощи» и спешно направились в Ригу. После окончания тревоги жители слышали, как переговаривались солдаты: речь шла о двух диверсантах, которые не захотели сдаться и были убиты в перестрелке. Со стороны «синих» убиты трое и несколько человек легко ранены. Жители, осматривавшие дачу на следующий день, рассказывают, что в ней сорваны двери, выбиты стекла, видны пулевые пробоины. На даче до сих пор находятся несколько солдат, которых сменяют раз в сутки. Полагаем, что рация Петерсона была запеленгована «синими», а сам он и его помощник убиты при попытке ареста. Временно прекратили радиосвязь с вами и пересылаем сообщение письменно. Будрис».

Лидумс передал письмо Большому Джону и молча склонил голову.

— Вам приходилось видеть эти переносные пеленгаторы? — спросил Большой Джон.

— Нет,— ответил Лидумс.

— А как запеленговали вас, Вилкс?

— Мы увидели эти самые крытые автомашины с выдвинутыми антеннами. Пришлось немедленно уходить.

— Не слишком ли много несчастий в такое короткое время? — сурово спросил Лидумс.— В Германии мне сообщают о гибели половины морского десанта в Латвию, здесь, в первый же день, о гибели Петерсона... Не слишком ли мы полагаемся на нашу радиосвязь? Как я понимаю, Петерсон выходил в эфир не реже, чем схваченный чекистами американский шпион Бромберг? А у Будриса работают по меньшей мере четыре радиостанции... Вдруг запеленгуют не просто одиночную станцию, а всю группу Будриса?

— Мы уже подумали об этом,— хмуро ответил Большой Джон.— Будрис предложил использовать для радиосвязи автомашину, с тем чтобы как можно чаще менять месторасположение рации. Но после неудачи с катером Хельмута Клозе, а теперь еще и с новым ударом — гибелью Петерсона мы дали ему строгое указание. Вот, ознакомьтесь!

Лидумс внимательно прочитал «указание»:

«№ 286/с. Определенно исключаем, что причиной трагедии Петерсона является только лишь пеленгация. Но вам, Будрис, следует немедленно прекратить свою радиосвязь с нами приблизительно на два месяца. К нам по радио обращайтесь только в случаях абсолютной необходимости, хотя мы и продолжаем вас слушать всегда согласно расписанию связи. Отбросьте мысль об использовании автомашины для проведения сеансов радиосвязи, как слишком рискованную».

Передавая радиограмму обратно Большому Джону, Лидумс подумал: англичане как бы просят у меня прощения за смерть Петерсона. Но для Будриса возникла хоть небольшая пауза... Теперь он на продолжительное время избавлен от необходимости готовить все новые и новые дезинформационные сведения, которые был вынужден передавать англичанам через несколько радиостанций одновременно.

— Что ж, на некоторое время это правильный выход,— задумчиво сказал он.— Но ведь для того, чтобы провести подготовленную нами десантировку с воздуха, нам все равно придется «оживить» одну из раций Будриса. И тогда для уточнения всего плана воздушного десанта придется прибегнуть и к автомашине...— Он внимательно смотрел на Большого Джона.

Большой Джон кивнул Вилксу на столик с напитками, чтобы тот налил и принес бокалы, медленно выпил свой, подождал, пока выпили и собеседники, только после этой церемонии сказал:

— Боюсь, дорогой Казимир, что мы напрасно мучили вас парашютными прыжками!

— Почему? — удивленно спросил Лидумс.

— Мы только что консультировались с военным министерством. Оно категорически против попытки перебросить вас по воздуху.

Тут Вилкс, очевидно, все еще переживавший смерть Петерсона, неожиданно вышел из себя:

— Это черт знает что! Там наши парни, наверно, голодают, сидят без оружия, а тут какие-то господа в пышных мундирах боятся за самолет!

— Перестаньте, Вилкс,— холодно остановил его Большой Джон.— Мы могли бы и не согласиться с военными «в пышных мундирах»,— передразнил он разозленного Вилкса,— но мы посоветовались с самим Будрисом. Вот наш запрос: — Он вынул из портфеля несколько листов и прочитал:

«Дорогой Будрис! Взвесив и рассмотрев все возможные методы проведения операции по возвращению нашего друга, мы нашли, что воздушную операцию было бы легче провести, нежели морскую, особенно после неудачи нашего друга Клозе, если бы только вы смогли организовать прием. Речь идет о тонне груза для вас и о нескольких людях с грузом в двести пятьдесят килограммов на каждого. Поэтому просим сообщить ваши соображения о наиболее подходящем времени для такой операции весной, а также и ваш расчет, сколько груза для вас и сколько человек с поименованными грузами вы смогли бы принять за одну операцию с тем, чтобы сразу и как можно быстрее убрать все с места выброски. Хотелось бы также знать точно, не доставит ли вам дополнительных трудностей одновременная выброска пяти-шести человек, из которых один или два будут адресованы в соседнюю с вами республику? Можете ли вы организовать прием при помощи световых сигналов и беаконов и подобрать подходящую площадку? Бертулис и другие знают, как это нужно делать. Взвесив все условия своей безопасности, сообщите, находите ли вы такую операцию возможной в этом году и если да, то сообщите удобное время...»

— Эту радиограмму мы направили Будрису через Петерсона еще второго марта, а вчера ночью получили очень мотивированный ответ от господина Будриса,— переведя дух после чтения, сказал Большой Джон.— Господин Будрис сообщает:

«Очень подробно взвесили положение у нас и все возможности проведения операции. Мы считаем, что воздушная операция имеет ряд преимуществ перед морской, но думаем, что проведение ее в настоящих условиях связано с большим риском. Самолет обязательно заметят, и в таком случае срочно начнется проверка больших районов, как это было в прошлом году, когда искали каких-то неизвестных нам парашютистов, может быть, тех, которых судили в Латвии вместе с американским разведчиком Бромбергом.

Именно поэтому мы считаем морскую операцию более удобной. Конечно, теперь чекисты, после нашей неудачи на Курляндском побережье, будут настороже, но мы можем провести ее в другом районе, все предвари-

тельно разведав. Опыт показывает, что морские операции почти всегда были удачны, и у нас имеется уже известный практический навык, а недавнее обнаружение катера пограничниками было случайным. В приеме людей, думаем, особых трудностей не будет. Но, как показывает опыт, их доставка в соседние республики может быть связана с большим риском. Здесь в дальнейшем необходимо и нам и вам принимать более строгие меры предосторожности...»

Большой Джон умолк и торжественно оглядел слушателей. Те молчали. Тогда он строго добавил:

— В данном случае мнение нашего друга Будриса просто совпало с точкой зрения военных, которым стало известно, что недавно русские атаковали американский самолет, пытавшийся нарушить их границу.

Вилкс громко выругался и потянулся к бокалу. А Лидумс думал: «Значит, письмецо из Миндена, которое мне удалось отправить с подзагулявшим Малым Джоном, дошло по назначению. И умный Будрис понял его. Действительно, сколько бы усилий стоило ему и оперативным работникам отыскать и арестовать всех заброшенных в Латвию агентов. Нет, я был прав, передавая свои не очень еще тщательно обдуманные опасения...» Он вспомнил о тех полутора тоннах груза с оружием, боеприпасами, рациями и взрывчаткой, которые подготовили к выброске англичане, о длительной тренировке Биля и Альвираса, и с трудом подавил нечаянный вздох облегчения. Да, такой груз мог стать опасным, да и скрыться с ним в лесу легче легкого: под каждое дерево оперработника не поставишь!

Он взял свой бокал и присоединился к молчавшим собеседникам. Впрочем, молчал только Большой Джон, Вилкс все еще ругался.

— Не надо, Вилкс, принимать так близко к сердцу каждую неудачу! — мягко остановил «соратника» Лидумс.— И что же вы намереваетесь делать теперь? — снова обратился он к Большому Джону.

— Мы обсуждали этот вопрос...— Джон помолчал.— Что вы скажете, если мы попробуем перебросить вас через финско-советскую границу? Можете ли вы придумать такую легенду, которая могла бы объяснить ваше появление в приграничной полосе Советского Союза неподалеку от Финляндии?

— Д-да! Создать такую легенду довольно затруднительно! — покачал головой Лидумс.— Кроме того, я боюсь, что вы не все предусмотрели, предлагая этот вариант. Ведь Финляндия находится в дружеских отношениях со своим северным соседом. Уже поэтому провал такой операции неминуем. Финские власти постараются избежать всякого упрека в нелояльности к Советскому Союзу и, конечно, не допустят перехода через свою границу...

— Пусть это вас не беспокоит. Официальные власти ничего не будут знать об этой операции. У нас в Финляндии есть свои люди, которые имеют отношение к пограничному режиму...

— И все-таки есть еще одно «но»...— спокойно продолжал Лидумс.— С юга граница проходит по обжитой, плотно населенной местности, близко к такому жизненно важному центру страны, как Ленинград, а с востока — леса, в которых можно скрыться на время, но будет трудно выйти к железной дороге, так как тут-то уж каждый чужой человек обязательно покажется подозрительным. Разве что сразу явиться с повинной? — усмехнулся он одними губами.

— Нет, мой командир, не соглашайтесь на этот маршрут! — резко запротестовал Вилкс. Он опять был на стороне Лидумса,— в конце концов эти военные и на самом деле поступили по-свински! Сначала дали согласие, заставили его бывшего командира рисковать с парашютом, а потом вдруг испугались.

— Я должен быть сейчас в отделе, но позже мы еще увидимся! — пообещал Большой Джон, прощаясь.— И не волнуйтесь, мы найдем для вас удобную дорогу домой! Вы идете, Вилкс?

Он метнул на Вилкса такой взгляд, что тот немедленно подтянулся и пошел к двери.

Пока Лидумс раздумывал, к добру или к худу такая задержка и что сказал бы по этому поводу Будрис, как снова позвонили. Лидумс посмотрел в дверной глазок: Малый Джон. По-видимому, безупречно срабатывала инструкция о внимании к человеку.

Малый Джон был и без пальто, и без шляпы, в светлом костюме. По-видимому, обрадовался ранней весне на островах.

Он без слов и без приветствий развел руками. Это должно было обозначать, что он так же разочарован, как и Лидумс.

Усевшись в кресло, он долго разглядывал блистающие носки ботинок, потом вдруг спросил:

— А что если шефы перебросят вас в Западную Украину?

— Что ни гость, то новости хуже! — пробормотал Лидумс.— Неужели я вам настолько надоел, что вы решили торпедировать меня? С моим знанием украинского языка я дойду как раз до первого отделения милиции!

— Ну, не надо думать о нас так плохо! — беспокойно сказал Малый Джон.— Кстати, я сообщил Маккибину о вашем отце. Он тут же навел справки и даже получил из ЛЛОЙДА ваше фото. Я его видел.

— Благодарю. А поможет ли мне эта справка вернуться домой?

— Во всяком случае, вам не предложат ничего экстраординарного и чрезмерно опасного. По словам Маккибина, вы уже сегодня стоите, как говорят наши друзья американцы, несколько дороже полумиллиона фунтов стерлингов. Ну, доложу я вам, лицо у нашего шефа вытянулось! Хотя мы отнюдь не все меряем на деньги — у нас есть по крайней мере титулованная знать, родовые поместья, майорат, когда все состояние семьи переходит к старшему сыну,— но деньги тоже имеют вес. Не удивлюсь, что следующим вашим гостем окажется сам Маккибин или по меньшей мере его заместитель, полковник Скотт... А на версию об Украине, советую вам, плюньте раз и навсегда! Мне поручили предложить ее только для того, чтобы вы могли хоть чем-нибудь занять ваш могучий ум до тех пор, пока наши интеллектуалы придумают что-нибудь позанятнее.

Малый Джон резвился с видом милого котенка, но острые глаза его то и дело шныряли по лицу Лидумса. Впрочем, во взгляде было и дружелюбие и удивление. Но вот он встал, сказал:

— По-моему, интерес к вашей особе катастрофически увеличивается! Очень может быть, что вам еще подарят яхту!

Провожая Малого Джона до двери, Лидумс обдумывал его последние слова: было похоже, что Малый Джон намекнул на переброску катером «Люрсен-С». Но в светлое время года капитан Хельмут Клозе не станет больше рисковать. Не означает ли это, что его задержат в Лондоне до глубокой осени? Если это так, то надо уже сейчас думать о том, чем он будет заниматься все лето?

Впрочем, у него осталось еще много незавершенных планов. Заринып. Скуевиц. Полномочия при эмигрантском правительстве. В конце концов он обязан сделать все, о чем просил и на что намекал Будрис. Это правительство следует обезвредить. А что требуется сделать для этого? Внести ряд предложений и требований Будриса. В той позиции, которую теперь занял Лидумс, он может требовать. Навряд ли англичане станут совать палки в колеса, если он займется высокой дипломатией. Обязанности посла он должен выполнить!

Он успел набросать письмо Скуевицу с предложением о встрече. Самого престарелого Зариньша он предпочел до времени не отягощать заботами. Но Скуевиц обязан прочитать между строками письма «мистера Казимира», что тут не просьба, а именно предложение о встрече. Кстати, и доклад и проект реорганизации эмигрантского кабинета, которые были ранее подготовлены главой незаконного правительства Латвии господином Зариньшем, оказались не рассмотренными Лидумсом из-за поездки в Западную Германию.

Зато теперь самое время это сделать. И посмотреть, как примут его замечания господа министры без портфелей!

Он уже вполне успокоился и готов был к новой битве. Ничего, господа англичане, я еще задам вам хлопот!

Конец первой части.

Последняя часть романа будет опубликована на страницах журнала «Огонек» в 1970 году.

ГОД НОВОГО ДОМА

КВАРТИРА № 53

СОПЯТ, НО СПРАВЛЯЮТСЯ

— Нет, мама, не уговаривай: в школу я не пойду. До самой пенсии останусь в детском саду,— так накануне 1 сентября 1969 года заявила своим родителям Ира Яковлева.

— А почему? — спросили мы Людмилу Васильевну, Ирину маму.

— Просто дочка еще не знала, что такое школа, а вот что детский сад — место хорошее, ей было доподлинно известно.

Ира — существо шустрое, хитрющее, но в то же время склонное к анализу. И, пробыв в первом классе всего только один день, вечером она уже сказала отцу: «Знаешь, папа, учительница у нас добрая, но только она ленивая: сама все умеет, а делать не хочет, нас заставляет и писать, и читать, и считать».

И надо сказать, учительница Ирины здорово умеет заставлять, в этом мы убедились сами, посмотрев тетради. Первоклашкам в нынешнем году трудно: начальная школа перешла на новую программу. Теперь первую ступень ребята будут заканчивать не за четыре года, как раньше, а за три. И уже с первого класса в программу входят начатки алгебры и геометрии. Буквы надо писать сразу, целиком, без разучивания палочек и закорючек. Сначала Ире помогали всей семьей — бабушка-пенсионерка, папа-механик, мама-врач, даже четырехлетний брат Саша, и тот сочувствовал. А теперь помощь не нужна: первоклашки, правда, сопят, но вполне справляются, и в Ириных тетрадках бегут ровные строчки цифр вперемежку с иксами, треугольниками и квадратами.

ПРИГОВОР ИСТОРИИ

Бывают книги, появление которых определяет новую ступень становления и развития отечественной литературы. Историко-революционный роман-эпопея Алексея Кузьмича Югова относится именно к таким явлениям.

Уже первая часть дилогии — книга «Шатровы», вышедшая в 1967 году,— свидетельствовала о новых возможностях современного романа, о которых так много говорилось и писалось в последние годы. Вторая часть эпопеи — «Страшный суд» — еще больше убеждает читателя в том, что сюжетные особенности, композиционное многообразие, стилевое и языковое богатство, а также другие компоненты и приемы юговской художественной прозы таят в себе средства почти неисчерпаемые.

Эпопея А. Югова не только освещает исторические судьбы народа в величайшей революционной борьбе, но и подкупает нас удивительной точностью и последовательностью рассматриваемых событий. Умение автора глубоко понимать психологию своих героев и раскрывать их духовный мир перед читателем делает его произведение высокохудожественным и убедительным.

«Страшный суд» охватывает события 1917—1920 годов. Место действия — Зауралье, Сибирь. Сложная и противоречивая обстановка была в те годы: активное брожение солдатских масс, Брестский мир, мятеж белочешского корпуса, война с Колчаком...

Уверенно, яркими мазками рисует писатель образ своего главного героя, особоуполномоченного ЦК РКП(б) по Уралу и Западной Сибири Матвея Кедрова, страстного большевика-ленинца. Вокруг него объединяются выпестованные им коммунисты Степан и Константин Ермаковы, Агат Копырников, Ефросинья Голубых, бойцы подполья, партизаны.

«Страшный суд» истории и трудового народа над классом эксплуататоров — диалектическая неизбежность торжества революционной правды. Произведение Алексея Югова высокопублицистично. В его публицистических «окнах», отступлениях и заметках явственно ощущается биение сердца писателя-гражданина, патриота.

Кристально чист и образен язык книги. Неутомимый поборник народности, чистоты и целомудренности русского литературного языка, А. Югов дал блистательный урок некоторым лжеученым и «реформаторам» нашей речи. Он убедительно показал, как велик, могуч и прекрасен русский язык, идущий от глубинных народных истоков. Все эти особенности и достоинства книги А. Югова свидетельствуют о больших, еще полностью не использованных литературных возможностях современного романа и дают книге полное право стать в ряду произведений лучших наших писателей.

Сергей ЛИСИЦКИЙ

Алексей Югов. Страшный суд. «Московский рабочий». 1969.

СОГРЕТА ОДНИМ ЧУВСТВОМ

«Марш-бросок... Сколько раз уже совершали его парашютисты от казарм до аэродрома, от аэродрома до казарм! Сколько пролито пота, сколько белых заплат из соли образовалось на зеленых плечах гимнастерок! И вот снова марш-бросок. Но таких еще не было. В конце тех, прежних маршей, какими бы трудными они ни оказывались, солдата ждал отдых. Пусть короткий, быстротечный, но обязательно полный отдых всем. А теперь?»

А теперь перед парашютистами-десантниками, находившимися на учениях у берегов Березины, легли долгие и трудные военные дороги. Раненные в первом же бою, пробираются через занятую врагом местность Кузя и Слободкин — главные герои новой повести Виктора Тельпугова «Парашютисты». С ними — медсестра Инна и два пограничника, встреченные в лесу. И хотя еще многие дни пути отделяют эту маленькую группу людей от своих, от линии фронта, они ощущают свою неразрывную связь со всей Советской Армией, со всем сражающимся народом.

Это чувство единства, это непобедимое мужество, эту волю к борьбе и победе, сплотившую миллионы советских людей, раскрывает писатель в небольшом, но обжигающем душу эпизоде. Из кусочков бересты Кузя и его товарищи сделали листовки. Написали: «Уходите, фашисты, с Варшавки! Не уйдете — будем бить вас тут днем и ночью. Отряд «Победа». Разбросали на шоссе, а на другой день нашли берестяные же листочки со следующим текстом: «Смерть фашистским захватчикам! Партизанский отряд «Удар по врагу».

В суровых испытаниях первых недель войны крепнет и мужает характер Слободкина — молодого бойца, недавно пришедшего в роту и не сразу привыкшего «к трудной десантной жизни». Крепкая дружба связала его с «прямым, справедливым и твердым» Кузей. Вместе сбили они первый вражеский самолет, вместе добрались до сборного пункта бригады.

Читатель расстается с героями повести в батальоне выздоравливающих, накануне будущих боев, успев хорошо узнать и полюбить этих замечательных парней, стойких и смелых, светлых и чистых душой.

Повесть «Парашютисты» дала название новому сборнику Виктора Тельпугова, вышедшему в издательстве «Московский рабочий». В книгу, кроме повести, вошло свыше двух десятков рассказов, в основном посвященных событиям Великой Отечественной войны. Единая тема — тема воинского подвига, тема героизма советского человека — объединяет эти произведения, одним чувством согрета вся книга — чувством бесконечной любви к родине и гордости за ее славных сынов и дочерей.

Н. ДАВЫДОВА

ДЕЛАТЬ ЖИЗНЬ С КОГО...

В «Племени отважных», как и в других книгах Михаила Андриасова, речь идет о преемственности героики поколений. О ком же эта книга? «Об огнях-пожарищах, о друзьях-товарищах». Автор пишет о людях, которых он знал, и о тех, кого узнала вся страна. Идешь вместе с Михаилом Андриасовым (а именно такое чувство возникает, когда читаешь книгу «Племя отважных») дорогами гражданской и Отечественной войн, и совсем в ином свете видишь его героев.

Скажем, о М. А. Шолохове-писателе знают все. А знаком ли читателю полковник Шолохов — друг и добрый наставник молодых воинов? Очерк «Полковник Михаил Шолохов», на наш взгляд, вызывает особое внимание. О творчестве выдающегося писателя нашего времени написано немало, но Михаил Андриасов, пожалуй, впервые рассказывает о писателе как о политработнике Советской Армии, офицере запаса, и ныне не порывающем связей с нашими Вооруженными Силами. Эти странички из книги «Племя отважных» представляют немалый интерес для читателей.

Один из героев «Племени отважных», потомственный шахтер Иван Степанов, говорит:

— Героизм лишь тогда чего-нибудь стоит, если он нравственная мера поведения человека. Где бы он ни был.

Вот с этой убежденностью и рассказывает читателям М. Андриасов о своих героях. Вот их имена: Михаил Кривошлыков — секретарь Донского Военно-революционного комитета, принявший мученическую смерть от руки белогвардейцев вместе со своими товарищами. Легендарный комдив Первой Конной Федор Литунов — под его началом сражался Павка Корчагин. Казак из донской станицы Константиновской, буденновец, поэт Петр Шумский — один из зачинателей пролетарской литературы на Дону. Майя Пегливанова — ростовская школьница, член краснодонской «Молодой гвардии». Васса Тихоновна Шилина — простая русская женщина, что, рискуя жизнью, спасала в оккупированном фашистами Ростове раненых советских воинов... Матрос Анатолий Назаров, перекрывавший в пятьдесят втором году русло бурного Дона... Юрий Асташенко и Володя Кучинский — мальчишки с берегов степного Цимлянского моря, у которых могут поучиться отваге бывалые мореходы... Герои таганрогского подполья... Бывший солдат, а теперь проходчик Иосиф Доманский — на него равняются донецкие горняки...

Нет нужды пересказывать содержание всей книги. Открыв ее, читатель не оторвется, не прочитав ее до конца. Наверное, потому, что у нас любят правдивые книги о подвиге. Еще, наверное, потому, что таких книг все-таки пока мало. А еще потому, что, как говорится в песне:

Нам в походах нельзя
Уставать хоть на самую
малость,
Потому что в поход
Провожают отцов сыновья.

Вл. МОЛОЖАВЕНКО

Ростов-на-Дону.

Михаил Андриасов. Племя отважных. Издательство ДОСААФ. Москва. 1969.

„ПРЕКЛОНЯЮСЬ ПЕРЕД ГЕРОИНЕЙ..."

Письма читателей о повести В. Закруткина «Матерь человеческая»

Семья Мартишиных из Рязани прислала в «Огонек» письмо. Никогда они не писали в редакцию. «И только в этом году мы решили написать вам». Письмо вызвано, признаются они, повестью В. Закруткина «Матерь человеческая» («Огонек» №№ 38—42, 1969 год). «На наш взгляд, это одно из сильнейших повествований о русской женщине».

«Мы не могли без волнения читать это правдивое, проникновенное повествование о судьбе советской женщины, вынесшей все тяготы войны»,— говорится в другом письме. Прислали его из города Энгельса.

Листая страницы писем, как бы присутствуешь на заочной читательской конференции, в которой участвуют люди различных профессий из многих городов и сел страны.

Повесть действительно всколыхнула читателей. Ее горячо обсуждают. Получены коллективные отзывы от работниц из Альметьевска, от работников бухгалтерии колхоза имени Свердлова в Саратовской области, от бригады коммунистического труда часового завода в Челябинске, от рабочих маслозавода в Архангельской области...

«Преклоняюсь перед героиней повести Марией»,— так коротко и убежденно написала учительница А. Ф. Воробей. «Потрясены мужеством героини повести»,— вторят ей сотрудники треста Строймеханизация № 1 Министерства строительства Узбекской ССР. «Образ Марии всегда будет перед моими глазами, как пример мужества советской женщины»,— заверяет М. В. Наумов. «Были очень потрясены мужеством, стойкостью, благородством души, всем тем, что пришлось перенести русской женщине в те страшные дни войны»,— признаются инженеры-экономисты Н. В. Затуливетер и Г. И. Ермилова из города Саратова.

Составляет ли Мария исключение? Вот как читатели отвечают на этот вопрос: «Так, как героиня повести Мария, могли поступать и поступали в годы Великой Отечественной войны десятки и сотни советских патриоток» (из письма работниц ателье № 4 города Тулы). Это наш советский строй воспитывает в человеке черты, которые помогают ему в трудный для Родины час стать героем.

«Вы правы,— пишет, обращаясь к В. Закруткину, Р. А. Мягков,— никакая святая не идет в сравнение с Марией, и перед ней на колени с благоговением и трепетом обязано стать все человечество. Ведь только наша советская женщина могла стать такой, совершить подвиг... Дорогой товарищ Закруткин, Вы тысячу раз правы, взяв эту тему!» И заканчивает письмо: «Извините, но словами я, очевидно, даже и не сумел выразить свои чувства».

Так возник большой, серьезный разговор о моральном облике советского человека.

У многих читателей повесть вызвала воспоминания о пережитых годах.

«Прочитав повесть товарища Закруткина, я как бы вторично прошел по дорогам Великой Отечественной войны... Тысячи разрушенных, сожженных городов и сел. Океан человеческих слез...» Это написал Н. С. Высоколов. Взволнованное письмо прислала участница войны Г. Н. Литвиненко, как она о себе пишет, «очевидица всего, что описано (на Курской дуге, под Воронежем, в Курске)», и просит передать автору за повесть «спасибо превеликое».

Может быть, не стоило так бередить старые раны? Но читатели уверены, что нужно, просто необходимо напоминать о войне. И. С. Высоколов, слова которого мы уже приводили, пишет:

«Прочитав повесть, я подумал и пришел к выводу, что на таком материале необходимо воспитывать послевоенную молодежь, которая не ведала пережитых трудностей.— И добавляет: — Убедительно прошу передать Виталию Закруткину мое русское солдатское спасибо!»

Читатели подчеркивают воспитательное значение повести. Ведь растет поколение молодежи, для которой война—история. А. В. Кушнир из Одессы продолжает эту мысль, говоря, что повесть небесполезно прочитать людям «всех возрастов». И. Х. Хуснутдинов сообщает, как восприняли повесть в его семье. «Я пенсионер, да притом пережил ужасы войны. До чего же правдиво описал тов. Закруткин прошедшие дни Отечественной войны. Я не мог ее читать без слез — не только я, старик, но и мои дети и снохи плакали, хотя и не видели этого». Большое впечатление произвела повесть и на П. Ф. Лещенко. Она в 1941 году ушла добровольцем на фронт. За плечами ее нелегкая жизнь. Сейчас работает в киоске «Союзпечати» города Ровно.

Откликнулась и молодежь — те, о ком говорили ветераны войны. Обращаясь к писателю, Люда Карлова пишет: «Я первый раз пишу такое письмо и не знаю, что писать в таких случаях, но я очень благодарна Вам за Вашу повесть. Я еще молода. Мне всего 19 лет, в жизни ничего этого не видела. Мне много рассказывали о войне, но еще ни один рассказ не волновал так, как Ваша повесть». А вот какое трогательное письмо прислала Алла Малыхина, ученица 7-го класса из Талды-Курганской области: «Знаю, как тяжело досталось тем, кто пережил войну. У кого убило отца, брата, мужа, сына. И как тяжело переживали их смерть. Я буду брать пример с юных пионеров, павших в войну».

В. Корневская надеется: «Сколько сердец разбудит эта повесть, прекрасная, чистая, мудрая!»

А вот еще письмо. Семья Беловых просит: «Если возможно, сообщите, пожалуйста, кто послужил прототипом героини, жива ли она, чем занимается?» Читатели, от имени которых подписала письмо З. А. Малыгина, делясь впечатлениями о повести, пишут: «Приносим дань восхищения, благодарности и уважения автору, создавшему образ русской женщины — высокий образец мужества, любви, подвига. Придуман ли этот образ автором или была похожая на Марию женщина в годы войны?.. Нужен большой талант,— добавляют они,— чтобы так написать о ней».

Вопрос о прообразе героини встречается в письмах часто. Вот что сообщил автор повести Виталий Александрович Закруткин.

Это было в 1943 году, когда наши войска прорвали фронт на реке Миус. Они начали быстро продвигаться вперед. Однажды в приазовских степях случайно В. Закруткин, бывший тогда военным корреспондентом, прикомандированным к Южному фронту, набрел на сожженный хутор. Не было ни души. И только на окраине хутора он увидел женщину с новорожденным ребенком на руках, вышедшую из погреба под сожженным домом. Она торопливо рассказала историю своей жизни в безлюдном хуторе. В. Закруткин наспех записал ее фамилию в блокнот. Но во время штурма Берлина блокнот был утерян.

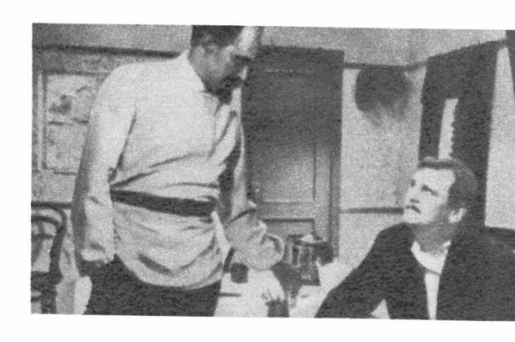
История женщины волновала все годы, и Виталий Александрович несколько раз принимался писать о ней. Так, в 1944 году появился рассказ «О живом и мертвом», давший название сборнику фронтовой прозы (Ростиздат, Ростов-на-Дону). Это была одна из попыток рассказать о героине, набросок будущей повести. Писался он в промежутках между боями. Минувшей зимой, перебирая старые записи и все еще надеясь найти утерянный блокнот, В. Закруткин снова вспомнил эту историю. И родилась повесть «Матерь человеческая».

В основе ее лежит реальный факт. Но, к сожалению, автор не может вспомнить ни имени той женщины, ни названия населенного пункта — то был бригадный поселок колхоза. «Может быть,— говорит Виталий Александрович,— она сама, прочитав о себе на страницах «Огонька», отзовется и напомнит мне свое имя».

В письмах есть еще вопрос к редакции: «Не будете ли Вы так добры сообщить, где достать повесть, изданную книгой» (П. И. Никифорова). Об этом спрашивают многие. Отвечаем: повесть вышла в издательстве «Молодая гвардия»; выйдет она и в «Библиотеке «Огонек» в первой половине 1970 года.

Есть у читателей и предложение. В. С. Солярчук горячо убеждает автора: «Напишите, пожалуйста, сценарий по этой повести. Вот так просто, ничего не изменяя, как Вы обратились к читателям, обратитесь к зрителям». Просьба не единичная.

Некоторые читатели нетерпеливо ждут продолжения повести. Но это пока не входит в замыслы автора. Ведь основную задачу он выполнил: рассказал о великом подвиге простой женщины, воспитанной советским строем. Сейчас он занят работой над третьей книгой романа-эпопеи «Сотворение мира».

Кадр из фильма «Крах».

КРАХ

Фильм «Крах» — будто бы история давняя... В архивах ЧК писатель В. Ардаматский отыскал документы, не просто свидетельствующие еще об одном блистательном подвиге чекистов, но имеющие прямое отношение ко дням сегодняшним, взывающие к нашей бдительности.

...К 1905 году на счету у Бориса Савинкова уже было два убийства представителей верхушки царского правительства. Он готов организовать покушение и на самого царя Николая.

Октябрьская революция разрушила «самодержавные» планы Савинкова, и всю свою энергию ненависти он обращает на Советскую власть.

Савинков собирает банды и начинает вооруженную борьбу против Советской власти. Но все безуспешно. Дважды побитый, он скоро растерял единомышленников и бежал за границу. С распростертыми объятиями встретили западные политиканы «спасителя России»... Однако о новоявленном «вожде России» уже известно Москве.

Савинкова решено вернуть живым и судить всенародно. Операция «Синдикат-2» поручена Андрею Павловичу Федорову — человеку удивительной находчивости, бесстрашия и хладнокровия. Отныне он — Мухин. Роль эту в фильме очень тонко играет народный артист РСФСР Ю. Яковлев. С лицом, на котором самоуверенность и достоинство переходят почти в святость, медлительно перебирая четки, появляется Мухин — Яковлев в контрреволюционных кругах Парижа. Мучительно сомневается в нем Савинков — его играет народный артист РСФСР В. Самойлов,— но ведь именно группа Мухина помогает Савинкову перейти границу, чтобы возглавить в России новый, будто бы уже там подготовленный кровавый мятеж...

Фильм «Крах» — двухсерийный. Режиссер Владимир Чеботарев, являющийся — вместе с В. Ардаматским и Э. Смирновым — автором сценария, подробно и последовательно ведет киноповествование и по следам наших разведчиков и по тропам врагов. Картина раскрывает и непоколебимую стойкость революционного народа и всю безнадежность политического авантюризма Савинкова и ему подобных людей, отколовшихся от Родины.

И вот заключительный эпизод. Короткая встреча Савинкова с Ф. Э. Дзержинским—в этой роли снимался заслуженный артист Азербайджанской ССР Анатолий Фалькович. В Колонном зале Дома союзов звучит заключительная речь обвиняемого.

Как всегда, Савинков — мастер на слова... Но игра его кончена. Это — крах.

Н. СИЛАНТЬЕВА

ГОД НОВОГО ДОМА

КВАРТИРА № 128 ЗВЕЗДА НА ГОЛУБОЙ ЛЕНТЕ

Первым пошел Сева. Вдруг выпустил мамину руку и зашагал от дивана к окну. Одиннадцать шагов! Трусишка Лера, ободренная его примером, тоже пустилась в путь, но не дотянула даже до серванта. Шлепнулась и не заплакала... Первые свои шаги близнецы сделали в просторной комнате новой квартиры. Здесь настоящее ребячье царство. У Манохиных детей четверо. Кроме полуторагодовалых близнецов, две дочери: Ире тринадцать лет, а Элле одиннадцать.

Как только управляется с домашними делами Лидия Семеновна! Спасибо, старшие дочки помогают. Ведь сама-то она человек занятой, Лидии Семеновне дел хватает и на работе. Их опытный завод бараночных изделий снабжает столицу сушками, баранками, всякими рожками. А главное событие этого года на заводе — пуск автоматической линии по производству хлебных палочек. Четыре тонны в сутки сдобных, соленых и всяких других палочек сходит с этой линии.

— На нашем заводе вся московская пресса побывала,— говорит Лидия Семеновна,— и редкая неделя обходится без иностранных делегаций. В этом году принимали мы венгров, болгар, чехов, японцев, югославов. Даже один иранский миллионер приезжал — интересовался нашей автоматикой.

— А что же это вас наши друзья-афганцы не навестили?— улыбаясь, спросил Анатолий Васильевич — глава многочисленного семейства.

— Почему именно афганцы? — заинтересовались мы.

— В Афганистане мы с женой несколько лет провели. Я там работал на строительстве автострады. Руководил сооружением участка лавинозащитной галереи. Работали на высоте три тысячи метров. Красивая дорога получилась и выгодная: сократила путь транспорту более чем на четыреста километров.

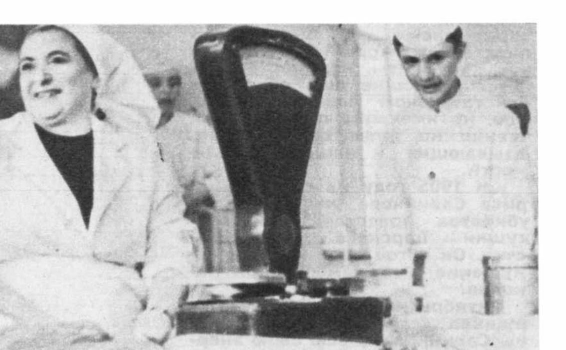
Лидия Семеновна вышла в соседнюю комнату и вернулась с маленькой коробочкой в руках, открыла ее, и мы увидели сверкающую звезду на голубой ленте — орден «Патриот Афганистана».

Анатолий Васильевич даже смутился.

— Что ты, Лида... Это, как говорится, дела минувших дней.

— А дела сегодняшние?

— Совсем скромные. Сейчас я бригадир монтажников. Жилье строим. Сдали в этом году два больших дома, первый в августе, второй в конце декабря. Орденов нам, конечно, за это не положено, а грамоты получили и премии тоже...

КВАРТИРА № 68 РАДОСТЬ — ЭТО ХЛОПОТЫ

— Какие тут радости, одни хлопоты,— вздохнула Полина Петровна Полевская, заведующая производством ресторана «Северный».— Ну посудите сами: ресторан у нас большой, на 380 мест. А тут Новый год на носу. Даже когда одна хозяйка к празднику стряпает, и то ей достается. А нам каково? На нашем попечении, кроме самого ресторана, три магазина кулинарии да несколько палаток по продаже полуфабрикатов. К Новому году, конечно, особенно стараемся. К нам в ресторан на праздники охотно идут: и кормим, говорят, неплохо, и оркестр у нас хороший, и солисты солидные...

— Полина Петровна, ну, а как все-таки насчет радостей?

— Да я ж и говорю вам про радости! Лучшая радость для повара — когда люди накормлены. А это не так просто, как вы думаете. В наш век и повару образование нужно. Вот и я нынче подучилась: окончила курсы по повышению квалификации. Госэкзамены сдала — восемь предметов. И тут уж похвалюсь: только одну четверку получила, остальные пятерки.

КВАРТИРА № 166 ПУСТЬ ПОРАДУЮТСЯ ЛЮДИ

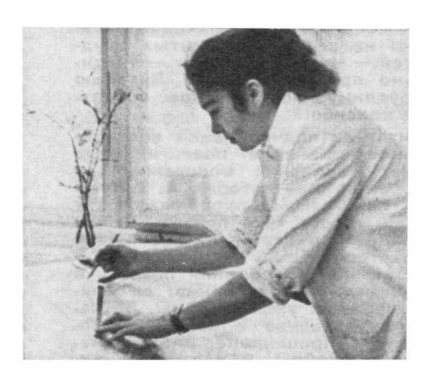
Здесь живет архитектор Ольга Михайловна Яковлева из 7-й мастерской «Моспроекта-1».

— Самое радостное событие случилось у меня не в этом году, а в прошлом — новоселье. Я была автором проекта и вела надзор за этим вот домом, и теперь мы с сыном в нем живем.

А сейчас ведется надзор в восьмом микрорайоне Дегунина — Бескудникова. Строится там, в частности, четырнадцатиэтажная башня из офактуренных блоков с лоджиями. И снаружи дом нарядный, и квартиры удобные, с большими кухнями... Скажите, вы здесь многие квартиры обошли? Интересно, что вам жильцы про наш дом говорят?

— В основном хвалят. Свету в комнатах много, подсобки есть, паркет хороший. Только кухни огорчают: маловаты.

— Да, это огорчительно, но справедливо. Зато в самое ближайшее время начинаем строить дома по улучшенным проектам. В новых квартирах люди порадуются большим кухням, просторным прихожим, удобной планировке и красивой отделке.

КВАРТИРА № 184 САМОЕ ЛУЧШЕЕ ВПЕРЕДИ

Последняя квартира в доме. Шестой подъезд. Девятый этаж. Дверь открывает миловидная молодая женщина Аида Кирилловна Дрозд.

— Вы по поводу Алеши?

Мы не знаем, что натворил Алеша и вообще кто он такой, и поэтому задаем ей свой обычный, стандартный вопрос.

— Радости? Ну, если в работе, так это, пожалуй, еще впереди.

Мы узнаем, что Аида Кирилловна — врач-микробиолог, сотрудник Института вакцин и сывороток имени И. И. Мечникова. В этом году она перешла в лабораторию иммунологии. Лаборатория начинает новую, очень важную и интересную работу. Медики всего мира бьются сейчас над проблемой преодоления несовместимости тканей. Без этого невозможно продолжать работу по пересадке органов. Так вот: лаборатория иммунологии ставит своей задачей получить препараты, которые задерживали бы процессы отторжения тканей. Работа перспективная, пока делаются только первые наметки...

Во время нашей беседы дверь соседней комнаты несколько раз приоткрывалась, и оттуда высовывалась вихрастая мальчишечья голова. Это и был Алеша, младший сын хозяйки дома. Как выяснилось, он ничего такого не натворил. Наоборот, в этом году у него произошло два замечательных события. Во-первых, стал школьником, а лет ему всего шесть. Во-вторых, Алеша попал на последнюю страницу обложки нашего журнала № 48, совсем случайно попал. И мама преподнесла ему журнал в день рождения в середине декабря.

— Ну вот,— сказала на прощание Аида Кирилловна,— ничего-то интересного я вам не рассказала.

Но мы с ней не согласились. Здесь мы заглянули в завтрашний день. В будущее нашей науки.

Так закончилось наше путешествие по дому № 97. Пришли мы сюда за прошлым, а получилось так, что увидели будущее. Не только будущее жильцов одного дома, но и будущее нашего огромного общего дома — нашей страны.

ДОРОГОЙ ОБРАЗ

В зале Государственного исторического музея собралось много народа. На стенах рисунки, акварели, посвященные Владимиру Ильичу Ленину. Сколько мгновений его жизни здесь запечатлено! Рисунок за рисунком — и перед зрителем вырастает образ человека, чьей судьбой была борьба за счастье народа.

Это — выставка произведений Николая Николаевича Жукова.

— Решить образ великого Ленина,— говорит художник,— решить так, чтобы твое представление совпало с оценкой и представлением зрителя, народа, это и будет самое нужное — найденная правда жизни. Неустанно изучая бессмертный образ Ленина, я стремлюсь к наиболее полному и совершенному воплощению его в искусстве. В этом я вижу главное дело своей жизни.

Все творчество народного художника СССР Н. Н. Жукова подтверждает его слова.

В конце 1940 года художник, создавший уже широко известную

ВСТРЕЧА

Недавно в Московском областном педагогическом институте имени Крупской состоялась встреча лауреата Ленинской премии, Героя Социалистического Труда писателя Леонида Леонова с профессорами, преподавателями и аспирантами кафедр советской литературы и эстетического воспитания, слушателями факультета повышения квалификации, на котором занимаются преподаватели русской советской литературы из многих педагогических вузов страны.

Леонид Максимович Леонов ответил на волнующие исследователей и читателей вопросы, рассказал о процессе создания произведений, о непреходящем значении великих традиций русской и мировой классики, о подвижническом творческом труде титанов литературы, о нерасторжимой связи искусства с жизнью народа, об особой ответственности художников за судьбу мира.

За 50 с лишним лет, говорил Л. Леонов, мы прошли большой путь, имеем право оглянуться и подвести итоги, размышлять о современном движении мира, взглянуть в будущее. Сегодня, чтобы изобразить ситуацию, в которой

К НАШИМ ЧИТАТЕЛЯМ

Н. Н. Жуков подарил 15 рисунков 11-й Гродненской школе. Художник передает их старшей пионервожатой Людмиле Цыхун.

теперь серию иллюстраций к книге «Воспоминания о К. Марксе», приступил к работе над образом Владимира Ильича Ленина. За прошедшие 30 лет Николай Николаевич создал около 2 000 рисунков. Изучены кинопленки, фотографии, произведения искусств, сделанные при жизни Ленина, образы, созданные в кинофильмах артистами Б. Щукиным и М. Штраухом. Прочитаны сочинения Ленина, его переписка, воспоминания родных и друзей. Не раз образы, созданные мастером, проверены в разговорах с товарищами, знавшими близко Владимира Ильича...

Произведения Жукова — результат глубокого творческого процесса. И поэтому зрители, осматривая выставку, испытывают чувство благодарности за то, что художник правдиво и глубоко воссоздал перед ними дорогой образ.

Н. АНДРЕЕВА

С ЛЕОНОВЫМ

живет человек, тут и гения не хватит. Хотелось бы найти художественный эквивалент тому, что происходит в мире.

Леонид Леонов советовал преподавателям обращать внимание на общественную значимость и художественную прочность произведений. Внутренние связи — это глубина наблюдений, точность, это запросы, которые автор сам себе ставит, которые не замечают другие.

— Вы,— обращается Л. Леонов к слушателям,— видите Останкинскую башню, но не видите вещей, которые ее держат. Проследите, каким образом художник достигает внутренней прочности произведений.

Встреча с Л. Леоновым произвела на слушателей глубочайшее впечатление.

А. МИГУНОВ

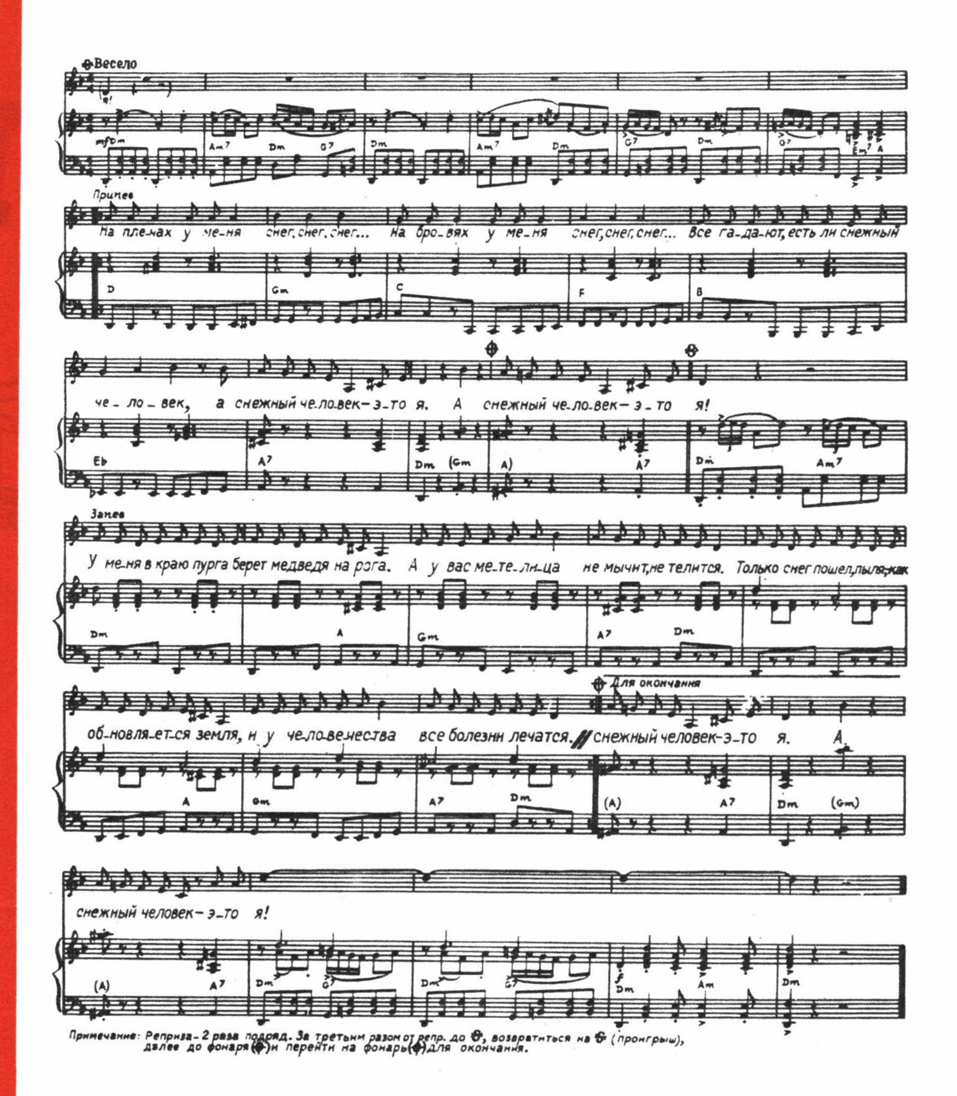
Фото И. Чиркова.

Дорогие товарищи!

Наступает 1970 год, знаменательный год: наша Родина вместе со всем прогрессивным человечеством отметит 100-летие со дня рождения Владимира Ильича Ленина. Сколько славных трудовых побед принесут эти двенадцать месяцев, сколько свершений! В заводских цехах, на колхозных полях, в лабораториях ученых — всюду на необъятных просторах Союза Советских Социалистических Республик Новый год станет годом рождения славных дел. И наш журнал приложит все усилия к тому, чтобы полней, глубже, ярче рассказывать о знаменательных буднях Родины, о работе и отдыхе ее тружеников, о жизни советских людей в городах и селах, во всех наших республиках. Выполнить эту задачу невозможно без вашего участия, многочисленные читатели «Огонька».

Поэтому, поздравляя вас с Новым годом, желая вам успехов и счастья, мы приглашаем вас принять участие не только в чтении журнала, но и в создании каждого номера «Огонька». Ждем от вас писем, заметок, фотографий. Сообщайте журналу о трудовых подарках в честь 100-летия со дня рождения В. И. Ленина; о передовиках заводов и колхозов, о товарищах, чьи дела, чья жизнь достойны того, чтобы на них равняться, брать с них пример. Пишите обо всем, что вас волнует, делитесь своими планами, мыслями, переживаниями. Мы будем рады вашим советам, замечаниям, пожеланиям.

Ждем ваших писем, дорогие друзья!

Снежный человек — это я

Стихи
Льва
ОШАНИНА.

Музыка
Владимира **ШАИНСКОГО.**

На плечах у меня снег, снег, снег...
На бровях у меня снег, снег, снег...
Все гадают, есть ли снежный человек,
А снежный человек — это я. (2 раза).

У меня в краю пурга
Берет медведя на рога.
А у вас метелица
Не мычит, не телится.

Только снег пошел, пыля,—
Как обновляется земля,
И у человечества
Все болезни лечатся.

На плечах у меня снег, снег, снег...
На бровях у меня снег, снег, снег...
Все гадают, есть ли снежный человек,
А снежный человек — это я. (2 раза).

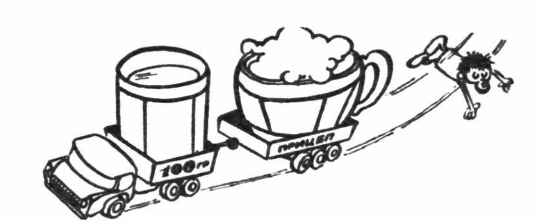
Я с тобою сквозь пургу
На белых лыжах пробегу.
А глаза любимые
Чистым снегом вымою.

У меня в краю пурга
Берет медведя на рога.
А у вас метелица
Не мычит, не телится...

На плечах у меня снег, снег, снег...
На бровях у меня снег, снег, снег...
Все гадают, есть ли снежный человек,
А снежный человек — это я. (2 раза).

О выпиваю

А. ЧЕРНЯХОВСКИЙ,
руководитель главной редакции Центрального научно-исследовательского института санитарного просвещения

Кто возвел хулу на вино? Какой ханжа, поджав сухие губы, изрек: это исключительно дурман и яд? Может быть, объявить заодно отравой и сахар — от его избытков диабет; отказаться от сливочного масла — в нем холестерин, забивающий наши сосуды; загасить повсюду огонь — от него ведь пожары, убыток и жертвы?

Нет, не нужно винить во всех смертных бедах янтарный или рубиновый напиток, который мы подаем на свадьбах и днях рождения, на радостных встречах и горьких прощаниях. Вино тысячелетиями приносило и приносит людям не одни горести, но и радость. И не делайте, пожалуйста, удивленных глаз. Или вы, может быть, всегда потчуете своих гостей лимонадом и кипяченым молоком?

Недавно нам, группе московских журналистов, довелось бродить по вечернему Тбилиси. Город уже дремал, убаюканный спустившейся с гор тишиной. И вдруг замелькали перед нами неоновые буквы — ресторан «Дарьял». Зайдем? Спустились в подвальчик, шумно уселись за свободный столик и, словно по команде, замолкли. Рядом тихо пели горцы. Их было человек семь—молодых и поджарых. На столе стояли пустые и еще наполненные виноградным вином бутылки, горцы машинально отхлебывали из своих фужеров, глаза у всех уже блестели, слегка подсвеченные хмельным. Но кто осмелится сказать, что они пили? Нет, они пели. И как пели! Я и сейчас помню этот тягучий звук, словно донесся до меня таинственный шепот бурых, замшелых камней из крутых горных ущелий.

Я пишу об этом, ни на минуту не забывая о проклятии алкоголизма, о том огромном вреде, который он приносит Человеку и Обществу. О вреде, неопровержимо доказанном экспериментами, фактами, статистикой, судебными приговорами, неисчислимыми моральными и материальными жертвами. И тут нет никакого противоречия. Не нужно, бессмысленно переносить на вещи то, в чем виноваты мы сами, наше бескультурье и распущенность. Впрочем, «наше» — это слишком несправедливое обобщение, выпивают многие, а под забором валяются единицы. Так, что же — огонь по ним? Увещевания — им?

Нет, алкоголики сраму не имут, разумным доводам не внемлют. Да и кто нынче лечит хворь заговорами? Даже лесник, когда надо спасти больное дерево, сухие ветви спиливает, а ухаживает за стволом и корнями. Здоровая часть общества — это, конечно, не одни только стопроцентные трезвенники (ни капли спиртного, и все тут!), но мы все,— люди, иногда выпивающие. Только ряды наши отнюдь не однородны. С точки зрения врача, можно выделить среди нас две группы. Самую многочисленную составляем мы — спорадически выпивающие рюмку-другую, но делающие это с разной степенью желания, при необходимости, при стечении обстоятельств, иногда просто так — в охотку. Мы не прочь посмаковать вкус игристого, оценить терпкий букет коньяка, даже опрокинуть шкалик «Столичной». Но есть еще вторая группа — пьющих охотно, часто, по всякому поводу и без него. Эти откровенно предпочитают любому винному деликатесу водку или, на худой конец, дешевое крепкое вино, не страшатся ни стакана горькой и, что очень существенно, не жалуются после этого на тошноту, рвоту или иные признаки похмелья. С общей точки зрения они здоровы и, кажется, могут и впредь безнаказанно вкушать от запретного плода. У некоторых из них, правда, нервы капризничают, но они убеждены: это не имеет никакого отношения к выпивкам, в одном случае во всем виноваты, видите ли, житейские неурядицы, бытовое неустройство, в другом — настроение, возраст, обиды. И только врач после зрелого рассуждения заносит в историю болезни точное слово — «алкоголик».

Полезно и нам всем освоиться с медицинской терминологией: хронический алкоголизм — это явное заболевание, человек перешагнул начальные грани привыкания к спиртному, у него возникло болезненное влечение к выпивкам, утрачено чувство меры, потерян всякий контроль над собой. По утверждению известного швейцарского психиатра Е. Блейлера, «хронический алкоголизм — наиболее частая болезнь у мужчин, если не считать насморка и других пустяков». А есть еще привычное пьянство, тот, кто подвержен ему, знает свою дозу, не напивается до положения риз. Пьяница пока здоров, он на грани, на зыбкой, неустойчивой грани. Но делает все от него зависящее, чтобы преодолеть ее. Сам-то он тешит себя иллюзиями...

Теперь сделаем еще один нелегкий шаг вперед и признаем с горечью, что рядом с нами — на работе, на улицах, в семье, среди знакомых — не так мало, как хотелось бы, этих самых привычных пьяниц. Скажите им — обидятся.

Но, так или иначе, признание факта — только полдела. Надо разобраться: откуда берутся привычные пьяницы, почему из ста выпивающих ими становятся не восемьдесят и не пятьдесят? И еще надо увидеть те силы, которые способны удержать или, наоборот, подтолкнуть человека, находящегося на скользком, наклонном пути.

С точки зрения физиолога, систематическая выпивка — это привычка, и она, подобно всем привычкам, тоже покоится в организме на весьма устойчивых основаниях, на цепи сложившихся условных связей. Столь же очевидно, что особенно глубоко и прочно оседают в нас те привычки, которые возникают в молодости. Потом, по прошествии времени, расшатать или сломать закрепившуюся в мозгу систему условных связей весьма сложно, а иногда и невозможно. Если бы для искоренения вредной привычки, говорил выдающийся русский педагог К. Д. Ушинский, достаточно было одновременного, хотя и самого энергического усилия над собой, тогда не трудно было бы от нее избавиться. Но в том-то и беда, что привычка, укрепляясь понемногу и в течение времени, искореняется точно так же понемногу и после продолжительной борьбы с нею.

И вот беда номер один: по мнению многих психологов и психиатров, существует безусловная связь между возрастом, когда человек впервые знакомится со спиртным, и его шансами стать пьяницей и хроническим алкоголиком. Более половины злостных алкоголиков, утверждают латвийские психиатры, как закон (это установлено статистикой), познакомились со спиртным в 15, 16, 17, 18 лет—в пору юношеской экзальтации, внезапных порывов, бурных переживаний, вечеринок, встреч. Жажда удовольствий в этом возрасте еще легко торжествует над здравым смыслом и над инстинктом самосохранения. Вино с его таинственным дурманом и снятием запретов оборачивается к юнцам одной лишь притягательной своей стороной.

Вторая беда состоит в том, что тяга к спиртному и табаку — это привычки особого рода: у них, помимо обычного «корня» в коре головного мозга, появляется еще и второй крепкий «корень»—в обмене веществ. Повторные порции этих наркотиков раз за разом активно вмешиваются в тонкую химию организма и постепенно превращаются из гостей в постояльцев — делаются непременными участниками обменных процессов. Вот почему так трудно бывает отвыкать от выпивок и столь тягостным становится для заведомых пьяниц любое воздержание от алкоголя.

Напрашивается важный вывод: ни глотка вина в наиболее уязвимые школьные годы! Наука пока не может еще, к сожалению, предсказать, кто из 15—18-летних устоит потом в борьбе с опасностью привыкания, а кто войдет в трагический процент хронических алкоголиков. Значит, надо уберечь всех! Это практически разрешимая задача, если взяться за нее сообща — родителям, педагогам, комсомолу.

Врачи не зря предупреждают: есть вещи, которые сильнее людей. Сила человека, его моральная чистота, его долг в том, чтобы не трогать, не касаться этих запретных плодов. Именно таковы спиртные напитки. Не следует толковать предупреждение медиков чересчур расширительно, никто не ратует за лозунг для всех: «Ни капли спиртного!» Такой совет, как говорят, подобен касторке, его довольно легко давать, но чертовски неприятно принимать. Но что касается школьников, то здесь должен, повторяем, восторжествовать закон медицинской науки и здравой логики.

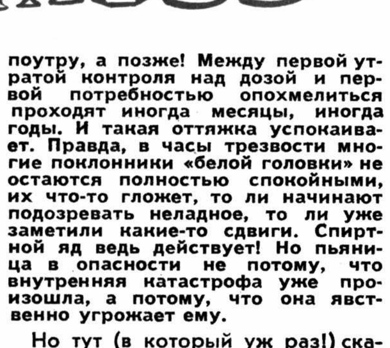
Теперь о силах, которые подталкивают к пропасти иных взрослых: первая из них — иллюзия безнаказанности. Игра с огнем и впрямь довольно долго не вызывает явного пожара. До известной минуты человек, даже много и систематически выпивающий, остается как бы практически здоровым. Злоупотребление алкоголем, конечно, оказывает свое разрушительное влияние, но сам человек этого не замечает и потому высокомерно, насмешливо, иногда откровенно цинично относится ко всяким увещеваниям и доказательствам. Он вроде бы даже и прав. Смотрите, пожалуйста,— пьет, и ничего! Можно предположить, пишет известный советский специалист в этой области профессор И. В. Стрельчук, что те, кто впоследствии становится хроническим алкоголиком, более чем другие, чувствительны и восприимчивы к спиртному, но физиологические механизмы такого предрасположения еще не найдены. Никто, увы, не знает, когда и кто из участников лотереи вытянет зловещий билет. Происходит это обычно неожиданно, без видимых предвестников. После очередного, в ряду других ничем не примечательного возлияния человек просыпается вдруг со странным чувством какой-то неуверенности, с дрожью в ослабевших конечностях и с навязчивой, сосущей, властной потребностью немедленно, сию же минуту выпить. Вспомнив, что в бутылке вчера еще, к счастью, оставалось что-то на донышке, и, захлебываясь от самому непонятной жадности, он высасывает эти живительные граммы. И чудо: все проходит. Как не бывало! Ну что ж, долой теперь и неприятные воспоминания о недавних ощущениях, они ни к чему, они подтачивают успокоительную иллюзию беззаботности и безнаказанности частых выпивок.

Но медицине не свойственны иллюзии. Именно с того дня, когда пьющему потребовалось опохмеление, или, как говорят врачи, возник синдром похмелья, привычное пьянство стало болезнью — хроническим алкоголизмом. Считайте, что в обществе появился еще один окончательно сформировавшийся алкоголик в собственном и угрожающем полном смысле этого слова. Раньше он мог пить от случая к случаю, «по поводу», «для удовольствия». Отныне никаких поводов уже не требуется: он не может не пить, причем дозы все возрастают. Раньше он пил вино, теперь вино пьет его!

К сожалению (а может быть, к счастью?), в жизни все происходит медленнее, пристрастие к алкоголю мстит за себя не завтра же

поутру, а позже! Между первой утратой контроля над дозой и первой потребностью опохмелиться проходят иногда месяцы, иногда годы. И такая оттяжка успокаивает. Правда, в часы трезвости многие поклонники «белой головки» не остаются полностью спокойными, их что-то гложет, то ли начинают подозревать неладное, то ли уже заметили какие-то сдвиги. Спиртной яд ведь действует! Но пьяница в опасности не потому, что внутренняя катастрофа уже произошла, а потому, что она явственно угрожает ему.

Но тут (в который уж раз!) сказывается подлое коварство алкоголя: еще до поражения почек, печени, сердца, других внутренних органов он неузнаваемо извращает личность, у пьющего разрастается грубый эгоизм, гаснет интерес к романтике трудовых и спортивных побед, блекнет чувство ответственности за свои поступки. Опасно встретиться с таким на жизненном пути, особенно человеку молодому, слабохарактерному, неустойчивому. Инстинкт, подхлестнутый и обостренный алкоголем, властно гонит приверженца спиртных напитков на поиски дружков, ему нужна компания. Нужна для самооправдания (все пьют!), для того, чтобы скрыть собственную тягу к вину, найти деньги на выпивку. В этом сказывается уродливое преломление извечного жизненного конфликта: желания — внутри человека, а пути к их удовлетворению — всегда вне его. Волей-неволей и пьянице приходится искать общество.

Организм любого здорового человека активно противится алкогольному яду. Это выражается в естественном отвращении к сивушному запаху, в тошноте, иногда рвоте. Но вот ведь незадача, за столом, рядом с привычным пьяницей вполне нормальные, здоровые люди начинают вдруг стыдиться своей «слабости», тщатся показать, что и им спиртное нипочем, изо всех сил тянутся за лихим выпивохой. Так происходит спаивание.

А мы мало противостоим отвратительному и социально опасному процессу спаивания. Между тем число поводов, по которым винная батарея обязательно должна давать свои залпы, явно не уменьшается. Считается как-то неудобным позвать гостей и не выставить графинчик; защитить диссертацию и не собрать за хмельным столом всю научную дружину; провести конференцию, пленум, симпозиум и не отправиться всей компанией на пышный банкет; выехать за город, на природу и не оставить в кустах дюжину пустых поллитровок. При всем том мы непозволительно забываем о меньшинстве, о тех несчастливцах, организм которых слабее, податливее, на ком стоит невидимое клеймо: «Может спиться!» В толпе такого ничем не выделишь, он так же с виду крепок, самоуверен, лих, он и не предполагает, что где-то оступится, что ему угрожает опасность опьянеть, утратить контроль над собой. Уместно ли напоминать ему о мрачных фактах:

— в экономически развитых странах повысилась в последние годы смертность от цирроза печени — болезни, происхождение которой часто зависит от алкоголизма;

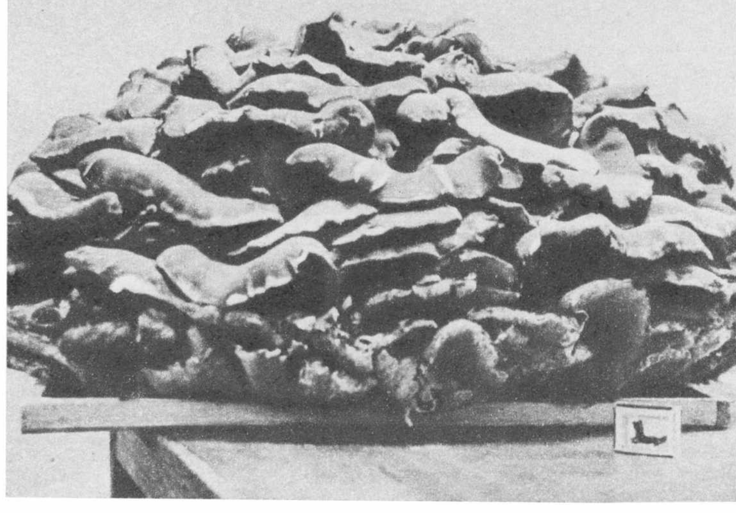
— каждые $2\frac{1}{2}$ минуты на автомагистралях США гибнет под колесами очередная жертва опьянения;

— более половины автомобильных катастроф со смертельным исходом произошло в СССР в 1968 году с лицами, находившимися в нетрезвом состоянии.

Отстранит ли такой очередную рюмку на том лишь основании, что недавно прочитал в газете: машинист тепловоза Николай Путилов угодил на 8 лет в тюрьму — захмелев, он пытался убить из охотничьего ружья трех человек. Как у многих, у него наготове древнее успокоение: «Это все — удел закоренелых пьяниц, но какой же я пьяница!» Вспомнит ли он при этом, что «привычка подобна канату,— мы вьем ее день за днем, по одной пряди, и в конце концов у нас не хватает сил разорвать ее». Впрочем, сейчас ему не до народной мудрости. Он пьет!

Часто в силу добросердечности своей мы сочувствуем хроническим алкоголикам: запил, дескать, с горя! На поверку это грубая перемена мест слагаемых. Слезы, болезни, преступления — не причина, а следствие выпивок, они повод не для амнистии алкоголизма, а для гневного, безоговорочного осуждения этого порока в любых его проявлениях.

Мысли человека, становящегося рабом пагубной привычки, не простираются далеко, они не делают «семи шагов за горизонт». Тем важнее нам всем, окружающим, реально видеть перспективу, видеть социальную опасность систематических выпивок. Что можно противопоставить этому злу? Лекарства? Волю коллектива? Окрик? Страх? Наказание? Наверно, все вместе! Пусть не каждый привычный пьяница становится хроническим алкоголиком, но все до единого пропойцы были до какого-то момента просто любителями выпить, часто выпивающими. Так не в них ли опасность?

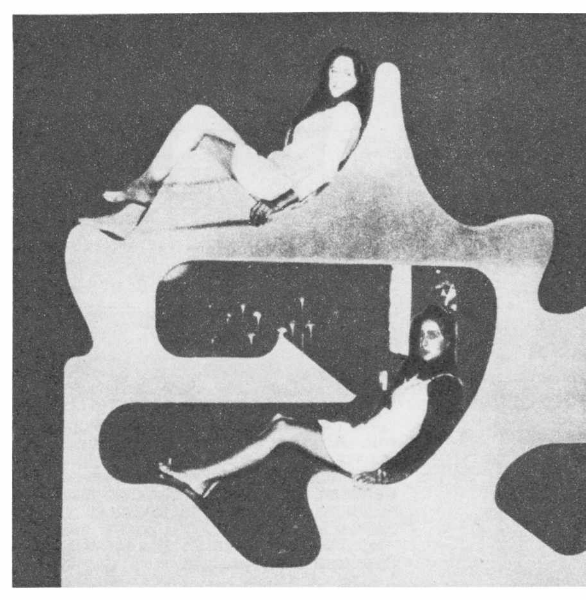

ВЫДУМКА ПРИРОДЫ

Возвращаясь с охоты, житель села Садового Александр Уманчик обнаружил грибное семейство, в котором оказалось четыреста близнецов. Вес — тридцать три килограмма и триста граммов.

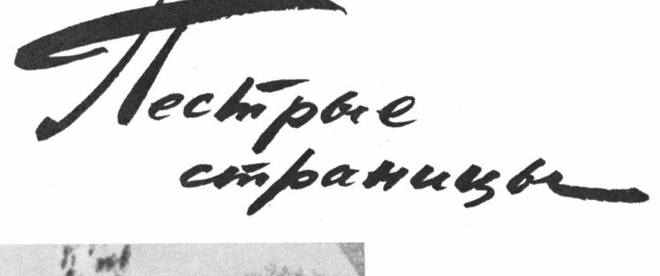
Находку передали в Пятигорский музей краеведения.

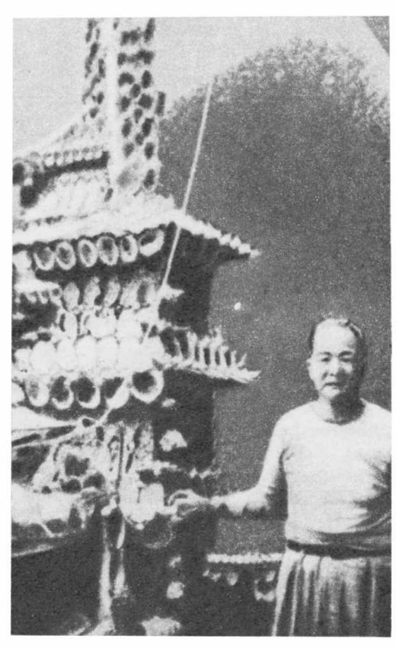
М. Павлов,
директор Пятигорского музея краеведения

ДВУХЪЯРУСНАЯ МЕБЕЛЬ

В Париже на одной выставке демонстрировалось двухэтажное кресло.

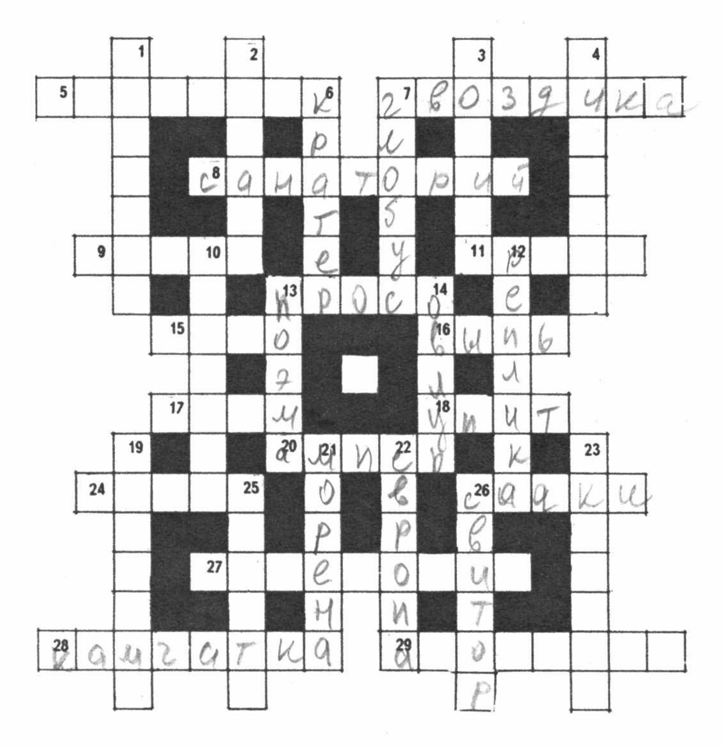
РАКУШЕЧНАЯ ПАГОДА

Семидесятипятилетний японец-рыбак Йосабуро Учида построил в своем саду макет пагоды, использовав на это десять тысяч морских ракушек.

СПРАВОЧНИК ВОДИТЕЛЕЙ

Один житель Швейцарии украсил свою машину дорожными знаками, чтобы постоянно напоминать окружающим о правилах движения.

КРОССВОРД

По горизонтали: 5. Стихотворение Н. А. Некрасова. 7. Цветок. 8. Лечебно-профилактическое учреждение. 9. Озеро в Восточной Африке. 11. Химический элемент. 13. Злак. 15. Созвездие южного полушария неба. 16. Болотная птица семейства цапель. 17. Курс судна относительно ветра. 18. Народный писатель Латвийской ССР. 20. Единица силы электрического тока. 24. Нотный знак. 26. Ловушка для зверей и птиц. 27. Рассказ А. П. Чехова. 28. Полуостров в СССР. 29. Русский композитор.

По вертикали: 1. Город в Италии. 2. Река в Сибири. 3. Наука, изучающая мышление. 4. Советский офтальмолог. 6. Углубление на вершине вулкана. 7. Модель земного шара. 10. Молочный продукт. 12. Краткое замечание, возражение. 13. Драматическое произведение. 14. Действующее лицо оперы А. П. Бородина «Князь Игорь». 19. Музыкальный интервал. 21. Обломки горных пород, отложенные ледником. 22. Часть света. 23. Морское млекопитающее семейства дельфиновых. 25. Перечень, опись. 26. Вязаная фуфайка.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 51

По горизонтали: 5. «Декабристы». 8. Паруса. 9. Плафон. 12. Лось. 14. Рефлекс. 16. Штурвал. 17. Новороссийск. 18. Тактика. 21. Терраса. 24. Сула. 26. Кармин. 27. Мениск. 28. Касабланка.

По вертикали: 1. «Щелкунчик». 2. Карнавал. 3. Живопись. 4. Сталактит. 6. Джамбул. 7. Пломбир. 10. Хореография. 11. Айвазовский. 13. Саксаул. 15. Стопа. 16. Штифт. 19. Токката. 20. Катамаран. 22. Ессентуки. 23. Регистр. 24. Стенолаз. 25. Альманах.

На первой странице обложки: фото Л. Бородулина.

На последней странице обложки: Солнечный день.

Фото М. Савина.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), Н. Б. ПАСТУХОВ, Н. М. СЕРГОВАНЦЕВ, И. Ф. СТАДНЮК (заместитель главного редактора), Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

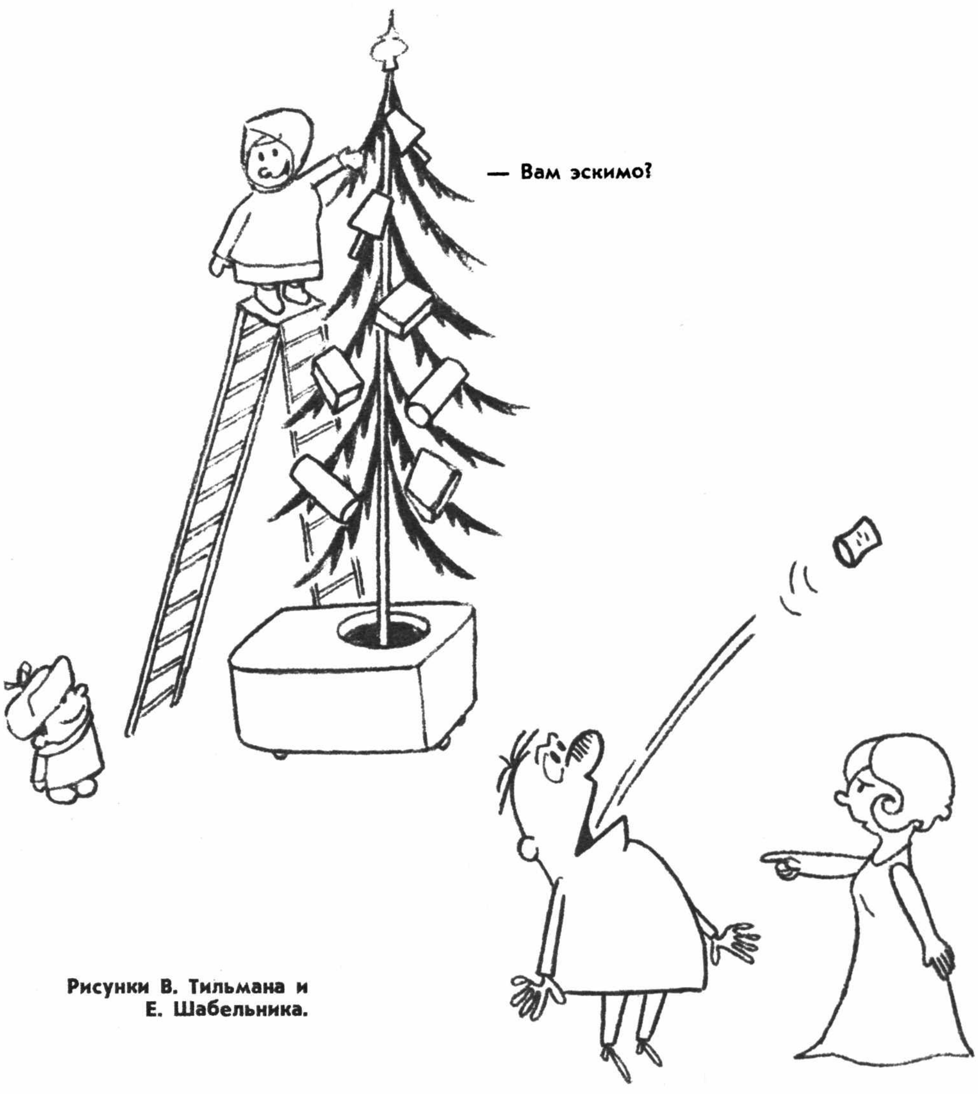
Адрес редакции: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14.
Рукописи не возвращаются.

Оформление Е. КАЗАКОВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Искусств — 250-46-98; Литературы — 250-56-88; Очерка — 250-15-33; Библиографии — 253-38-26; Науки и техники — 253-37-52; Юмора — 253-39-05; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

А 00465. Сдано в набор 9/XII-69 г. Подп. к печ. 23/XII-69 г. Формат бумаги 70×108[1]/[8]. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 2315. Тираж 2 200 000 экз. Заказ № 3241.

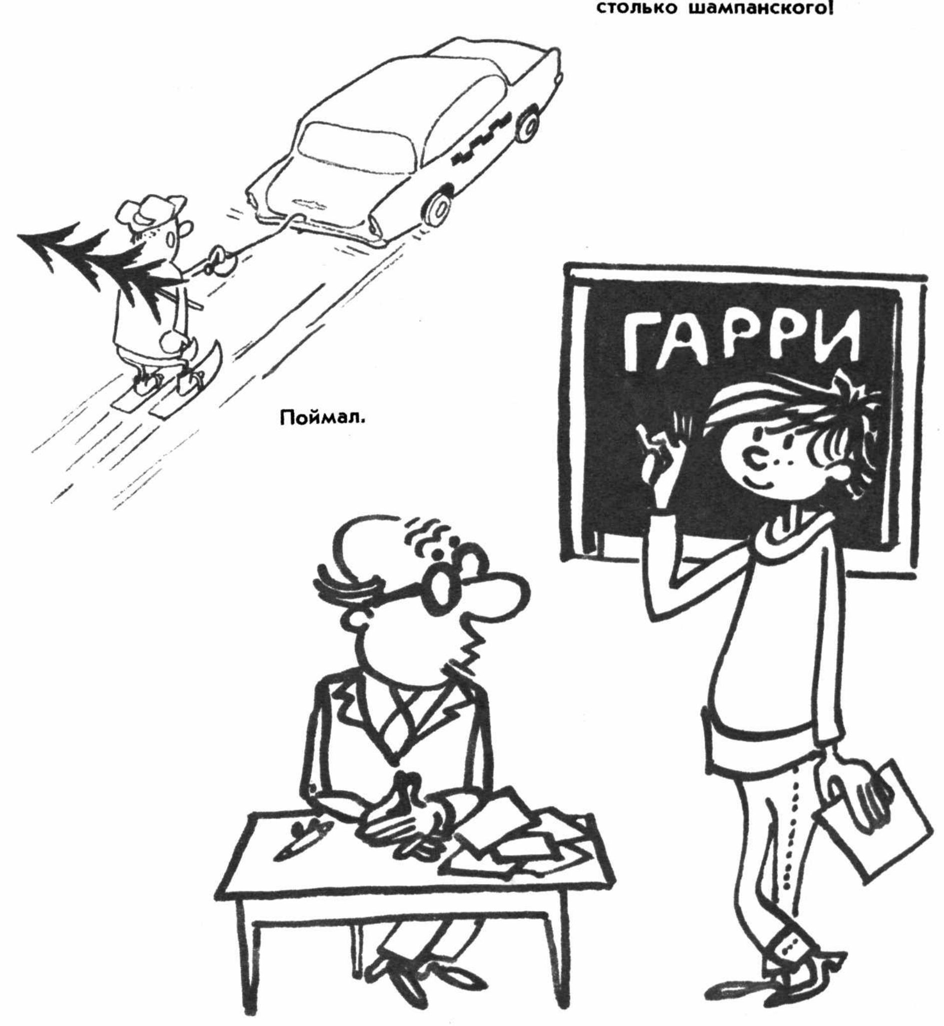
Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

— Вам эскимо?

Рисунки В. Тильмана и Е. Шабельника.

— Не надо было пить столько шампанского!

Поймал.

— Студент Петров, кроме своего имени, вы знаете другие иностранные слова?

— Еще один подарок, и ты свободен...

— И вы все надеетесь, что она придет!

— Мог бы и ты взять с собой санки!

Рисунки Ю. Черепанова.

Рисунок В. Воеводина.

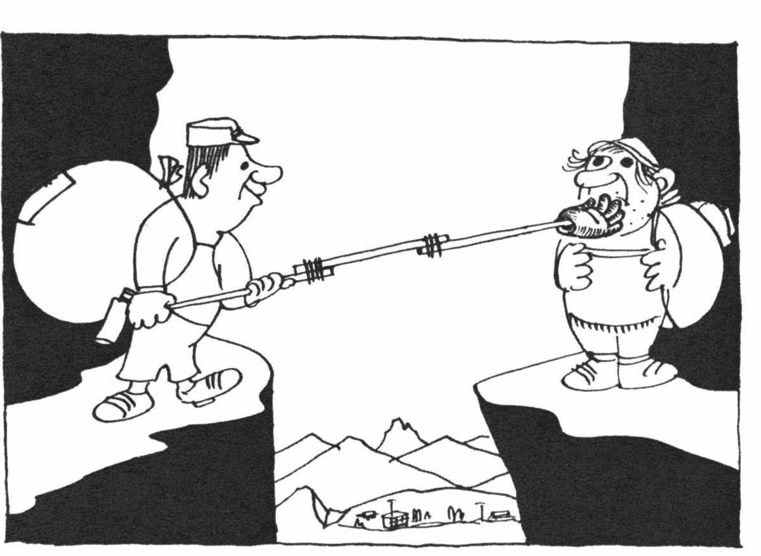
Елочка рыболова.

Рисунок М. Вайсборда.

Сильный снегопад.

Рисунок А. Некрасова.

— Нет ли закурить?

Рисунок В. Воеводина.

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663.